

Современный учебник

В.В. Бочаров

АНТРОПОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

научное исследование

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН
(Кунсткамера)

В. В. БОЧАРОВ

АНТРОПОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

Учебное пособие

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

ББК 87+71.0

Б 72

Рецензенты: канд. ист. наук *Н.М.Гиренко* (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН), докт. социол. наук *Н.Г.Скворцов* (С.-Петербургский государственный университет)

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета*

Издание осуществлено при поддержке ООО «Издательство „Речь“»

Бочаров В.В.

Б 72 Антропология возраста: Учеб. пособие. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – 196 с.
ISBN 5-288-02492-8

В пособии рассматриваются проблемы антропологии возраста – одного из разделов социальной (культурной) антропологии, исследующей возраст человека как био- и социокультурный феномен. Анализируются основные понятия, категории и научные подходы. Рассматривается процесс становления социально-возрастного неравенства в традиционных обществах, его реализация в современных этнических культурах и субкультурах. Делается попытка обосновать революционность российской политической культуры наличием в ней периодически обостряющегося конфликта между поколениями.

Для студентов и преподавателей гуманитарных вузов, а также антропологов, психологов, философов и политологов.

Тем. план 2000 г., № 17¹

ББК 87+71.0

© В.В. Бочаров, 2001
© Издательство С.-Петербургского университета, 2001
© «Издательство „Речь“»,
обложка 2001

ISBN 5-288-02492-8

Научное издание

Виктор Владимирович Бочаров
АНТРОПОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

Редактор *И.П.Комиссарова*
Художественный редактор *Е.И.Егорова*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96. Подписано в печать 29.01.01. Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 12,11. Тираж 3000 экз. Заказ № 2802. Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Предисловие	7
Введение	
Возраст и индивид (7). Возраст, общество, культура (13)	
РАЗДЕЛ 1 ВОЗРАСТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
Глава 1. Возрастные понятия и категории в науке о человеке	16
Понятие возраста в науке (16). Понятие «жизненного пути» в исследовании индивидуального возрастного процесса (17). Понятия, категории концептуальные подходы, используемые при исследовании возрастного процесса на общественном уровне (22). Связь социальной стратификации и жизненного пути (24). Классификация антропологических терминов и социологические научные понятия, соответствующие им (24). Различные подходы к понятию «поклонение» (26).	
Глава 2. Проблема возраста в смежных дисциплинах	29
Развитие концепции «жизненного пути» в психологии (29). Изучение возраста в социологии (30). С. Айзенштадт и его общесоциологическая интерпретация возрастных групп в обществе (33). Социолитингвистика в исследовании проблем возраста (37). Литература (40).	
РАЗДЕЛ 2 ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТА В АНТРОПОЛОГИИ	
Глава 1. Возраст в физической антропологии	42
Задачи физической антропологии (42). Среда и биологический возраст у детей и подростков (43). Биологический и хронологический возрасты (44). Биологический возраст у взрослого населения. Общие проблемы (45). Методы измерения биологического возраста (47). Долгожительство (48).	
Глава 2. Традиции изучения возраста в антропологии	48
Возраст в «примитивных обществах» (48). Возрастная система «гада» (53). Система возрастных групп народа пнякюса (56). Возрастная система нуэров (58). Литература (59).	
РАЗДЕЛ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ, ПОДХОДЫ	
Общая характеристика проблем (60).	
Глава 1. Антропология и изучение возрастных норм поведения	65
Возраст и становление первых социальных норм (эволюционный аспект) (65). Поведенческие нормы внутри одновозрастных групп (функциональный аспект) (68).	
Глава 2. Антропология и изучение возрастных аспектов брачно-семейных отношений	69
Брак как изменение социально-возрастного статуса (69). Брачный возраст мужчин и женщин (70). Возраст в полигинной семье (73).	
Глава 3. Возраст в отношениях родства	74
Возраст и родство в раннем племени (74). Термины родства и возраста (по материалам, собранным в русской деревне в конце 30-х годов XX в.) (76). Родство и возраст в полигинной семье (79).	
Глава 4. Возрастной символизм культуры	82
Возрастной символизм как подсистема культуры (82). Возраст и «время» (83). Транскультурные закономерности возрастного символизма (84).	

Глава 5. Возраст и ритуал	87
Инициация (87). Другие ритуалы жизненного цикла (ритуалы перехода) (93).	
Глава 6. Власть и возраст	96
Власть старших на ранних стадиях социальности (96). Харизматическая власть и мо- дежь (99). Культ предков как идеология власти старших (102). Наследование (103).	
Глава 7. Конфликт и возраст	104
Социальные причины возрастного конфликта (104). Возрастной конфликт в патрилиней- ных и матрилинейных обществах (106). Конфликтные отношения со стариками (108). Способы регуляции конфликтов между поколениями (109). Литература (114).	
РАЗДЕЛ 4 ВОЗРАСТ В ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРАХ	
Глава 1. Категория «возраст» в представлениях некоторых африканских народов	117
Возраст в культурах галла и кикуйю (117).	
Глава 2. Возраст и возрастная стратификация в традиционной народной культуре русских	121
Возрастные слои. Социально-возрастная терминология (121). Брачный статус молодоже- нов (123). Старики (124). Имя как символ социально-возрастного статуса (124). Гра- ницы совершеннолетия (124). Возрастной символизм (125).	
Глава 3. Возраст и возрастная стратификация в культуре современных японцев	129
Идеологическая основа возрастной стратификации в японском обществе (129). Первичная социализация (130). Социализация подростков и юношества (132). Возраст и отноше- ния в сфере общественно-производственной деятельности (135). Литература (138).	
РАЗДЕЛ ВОЗРАСТ И ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СУБКУЛЬТУРАХ	
Арханческий синдром в стратификации современных субкультур (139).	
Глава 1. Возраст и возрастная стратификация хиппи	140
Идеология, поколения, символы (140). Социальная структура (143). Этапы социализации и жизненный путь (143). «Трасса» как инициация (144). Структура социализации и «родство» (146).	
Глава 2. Армейская субкультура	149
Социальная структура «девошчины» (149). Символы и ритуалы (149).	
Глава 3. Возрастная стратификация в английских публичных школах	152
Глава 4. Израильские кибуццы	153
Литература (156).	
РАЗДЕЛ 6 ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ	
Глава 1. Глобальные концепции конфликта поколений	157
Философы о конфликте поколений (157). М.Мид. Концепция преемственности культуры и конфликта поколений: постфигуративные, кофигуративные и префигуративные культуры (159).	
Глава 2. Конфликт поколений в китайском обществе начала XX в.	166
Глава 3. Социально-возрастной конфликт и политические катаклизмы в российском обществе	169
Литература (185)	
Приложение. Антропология возраста: программа спецкурса	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социальная (культурная) антропология с каждым годом занимает все более прочное место в учебных планах вузов России. Зародившись как наука о традиционных (первобытных) обществах, социальная (культурная) антропология сегодня все чаще рассматривается как комплексная «наука о человеке (людях)», в котором социальные и культурные свойства неотделимы от его биологических характеристик. Действительно, изучая традиционные общества, антропология, может быть, острее, чем другие общественные науки, осознала это единство, так как именно на ранних стадиях социогенеза биологическое являлось той единственной основой, на которой формировались социальные свойства человека.

Это особенно отчетливо отражалось в феномене возраста. Материалы, приведенные в работе по традиционным обществам, отчетливо иллюстрируют эту взаимосвязь. Здесь обретение определенного биологического статуса в процессе взросления, почти автоматически совпадало и с новым социальным статусом. Иными словами, уровень биологического развития индивида жестко коррелировался с предписанными ему социальными функциями. В процессе социогенеза биологическое и социальное в человеке все более расходятся, но никогда полностью не утрачивают своей взаимозависимости. Вопросами биологической эволюции человека, ее взаимосвязи с социальными факторами занимается самостоятельная область социальной антропологии – физическая антропология. В книге освещены некоторые проблемы, стоящие перед физической антропологией в плане исследования влияния социокультурных факторов на процесс биологического развития человека.

Антропологическая наука, занимаясь преимущественно изучением культур (этнокультур, субкультур), сосредотачивает свое внимание на форме, в которой реализуются те или иные общественные явления в данном конкретном социуме. Возраст – универсальное социальное явление, так как везде люди рождаются, взрослеют, стареют и умирают, но в каждом конкретном социуме, т.е. культуре, это происходит по-разному. Для каждой культуры характерны свои представления о возрастном процессе, о числе выделяемых возрастных степеней, социальных позициях индивида, соответствующих тому или иному возрасту, о возрастной символике и ритуальной практике, обозначающих и оформляющих принадлежность к тому или иному возрасту. В книге на примере некоторых этнокультур (и субкультур) представлен их уникальный взгляд на возрастной процесс.

Возраст — это и общественное явление. Кросс-культурный анализ дает возможность выделить универсальные закономерности возрастного процесса, его корреляции с другими элементами социальной организации: отношениями родства, брачно-семейными, социально-ролевыми, властными отношениями и т.д.

Особое место уделено анализу социально-возрастного конфликта (т.е. конфликта поколений), который таит главную опасность для целостности традиционного социума. Он же отчетливо фиксируется, наряду уже со многими другими конфликтами, в современном индустриальном обществе. В работе на примере России сделана попытка показать, каким образом конфликт между поколениями воздействует на политическую динамику в государстве.

Претендуя на интегральную науку о человеке, антропология активно взаимодействует с другими дисциплинами, которые в свои интересы включают и возраст, — с социологией, психологией, лингвистикой. В работе коротко охарактеризованы подходы, характерные для этих научных дисциплин в сфере изучения возраста, а также отмечены точки их соприкосновения в этом вопросе с социальной (культурной) антропологией.

Я приношу благодарность сотрудникам отдела Африки Музея этнографии и антропологии имени Петра Великого (Кунсткамеры) В.А.Попову и Н.М.Гиренко за высказанные ими в ходе написания работы соображения и советы по некоторым аспектам родственно-возрастных отношений в традиционных обществах, которые были учтены при написании соответствующих разделов учебного пособия.

В.В.Бочаров

ВВЕДЕНИЕ

Возраст и индивид

Переживания, связанные с возрастом глубоко пронизывают эмоциональную сферу человека, начиная с детства и заканчивая глубокой старостью. Уже в раннем возрасте ребенок переполняется чувством зависти к детям, которые старше него, стремясь подражать им в своем поведении. В подростковом периоде он пристально следит за появлением признаков половой зрелости, гордится, если они обнаруживаются раньше, чем у других сверстников, и нередко трагически переживает, если они не появляются «вовремя». Глубина психологических переживаний определяется предположением о собственной аномальности, о том, что он «не такой как все», что, может быть, ему вообще не суждено стать взрослым. Трагизм ситуации состоит в неспособности подростка объяснить причины этого. «Ведь все дети одного возраста!», – справедливо по-своему полагает он.

Впоследствии именно возрастом определяются главные вехи нашей жизни: поступление в школу, призыв на военную службу, уход на пенсию и т.д. Разочаровавшись в тех жизненных ценностях, которые «навязывают взрослые», юноша решает обрести «свободу» в рамках молодежной тусовки. Все, осуждаемое старшими, здесь в чести. Прежде всего внешний вид: манера одеваться, прическа и даже язык, который взрослые не понимают. Но главное – это независимость от авторитетов и прежде всего от авторитета старшего поколения. Однако, уйдя от власти своих старших родственников, юноша автоматически попадает под власть «системной матери» или «отца», т.е. системных старших («олдовух»). Это же происходит в армии, где он становится субъектом «неуставных отношений», где в качестве «дедов» выступают старослужащие солдаты, а юноша первоначально выступает в качестве «молодого» («шнурка», «салаги» и т.д.), «взрослея» в процессе прохождения службы.

Наконец, уволившись из армии, женившись и родив детей, молодой мужчина становится отцом. Как мечтал он об этом в детстве! Однако необходимость зарабатывать на жизнь на высокооплачиваемой, но низкоквалифицированной работе снова отодвигает его в «детство». Его не только никто не называет по отчеству – даже из тех, кто гораздо моложе него, но зачастую товарищи по работе используют при обращении к нему полуимя (Ванька, Петька и т.д.). Он – первый претендент на выполнение различных внеслужебных «функций», как-то: помочь перене-

сти вещи в кабинет начальнику, «сбегать» в магазин за продуктами и выпивкой, если коллеги по работе решили отпраздновать какое-либо событие, быть откомандированным на другие подсобные работы. И все это несмотря на то, что он уже начал лысеть!

Зато вне работы он особенно остро ощущает свой возраст. Упаси боже, если прохожий, обратившись к нему с каким-либо вопросом или просьбой, назовет его неподобающим его возрасту образом, например, назовет юношей или мальчиком! (Поэтому наиболее распространенным обращением к незнакомым на улице, как многие могут припомнить, является «отец»). Такая форма с высокой степенью вероятности гарантирует обращающемуся первоначальную положительную реакцию прохожего). Да и в семье этот мужчина ревностно стоит на страже своего авторитета, пресекая попытки посягательства на него со стороны младшей родни.

Обретя, наконец, должный, соответствующий его возрасту статус на службе, наш герой вдруг начинает осознавать, что лучшие годы остались позади, несмотря на трудные условия жизни и те ощущения собственной неполноценности, от которых он некогда так страдал. Его прошлое кажется ему даже героическим, а люди и нравы, царившие тогда, несравненно лучшими, чем теперь. Если раньше он стремился иметь женщин старше себя, чтобы убедить окружающих, да и себя самого, что он уже настоящий (т.е. зрелый) мужчина, то сейчас его интерес сместился в сторону молодых девушек, о связи с которыми он непременно рассказывает своим сверстникам. Последние должны знать, что он молод — почти как юноша, несмотря на седину, живот и зубные протезы, составляющие его обаятельную улыбку. Одно лишь печалит его во всей этой истории — что эти девушки, в отличие от женщин и девушек прежних лет, отнюдь не бескорыстны в своей «любви» к нему, но об этом, конечно, умалчивается в разговорах с друзьями.

Но старость неизбежна. Возрастные этапы становятся главным мерилом всего жизненного пути. Свои воспоминания такой мужчина начинает словами: «Помню, в детстве (отрочестве, зрелости и т.д.)...». Эти разговоры ведутся со своими сверстниками, такими же, как он, стариками, во время прогулок в сквере недалеко от дома или в санатории. Для этой компании не имеет значения, кто кем был в прошлой активной социальной жизни (т.е. до пенсии). Для этих групп характерно возрастное братство. Иногда можно слышать: «Я, конечно, стар, но в душе мне семнадцать (двадцать, тридцать и т.п.)». Меняется отношение к младшим поколениям. Если раньше наш герой ревностно охранял свой авто-

ритет в семье и прежде всего от сыновей, пытавшихся, с его точки зрения, лишить его ряда честно заработанных преимуществ: собственности, монопольного права распределения ресурсов и т.д., то с внуками у него совсем иные отношения, основанные на любви и понимании. Тем не менее «забота о душе» становится доминантной для данного жизненного периода. В диалогах с внутренним голосом все чаще уделяется внимание проблеме соотношения физической и духовной смерти. В результате подобных дискуссий герой зачастую обнаруживает в себе религиозные чувства: начинает поститься, посещать церковь и т.д.

С возрастом, однако, связаны не только наши внутренние переживания. Возраст служит для нас важнейшим источником информации о других людях – прежде всего тех, с кем мы вступаем в социальные взаимодействия. «Сколько ему лет?» – спрашиваем мы, идет ли речь о враче, к которому нам рекомендуют обратиться в связи с серьезным недомоганием, о политиках, обдумывая кому отдать свой голос на выборах, о начальнике, под руководством которого нам предстоит трудиться и, наконец, о девушке или женщине, с которой нас собираются познакомить и т.д. Главным побудительным мотивом подобных вопросов является желание соотнести полученные сведения с теми представлениями, которые существуют в нашем сознании о возрастных характеристиках той или иной социальной роли. Эти представления, в свою очередь, детерминированы культурой, которая формирует устойчивые ментальные стереотипы относительно ценности присущих данному обществу реалий. При этом возраст, несомненно, является важнейшей характеристикой, определяющей их ценность. Например, именно «молодость», как мы помним, служила чуть ли не главным упреком при утверждении правительства С. Кириенко в Государственной Думе. А такие эпитеты, как «детский сад», «киндерсюрприз», «пионеры в коротких штанишках» и т.д., сопровождали деятельность «молодых реформаторов» вплоть до их отставки. Предыдущее правительство также имело невысокий статус по возрастной шкале оценки (правительство «завлабов» Е. Гайдара). О наличии некоего возрастного эталона для крупного политического лидера в российской культуре свидетельствует и наше советское прошлое. Вспомним хотя бы множество анекдотов, сопровождавших правление «дряхлах старцев» из последнего Политбюро КПСС. Средством же примирения реального возраста «вождей» с культурой (в данном случае – с традиционной политической культурой), предусматривавшей иные возрастные параметры, служило «изобразительное творчество». В результате «вожди» всегда представляли на порт-

ретах (тиражировавшихся в огромных количествах) «мужчинами в расцвете сил». Как анекдоты, так и «изобразительное творчество», несомненно, надо рассматривать в качестве культурной реакции на отклонения возрастных характеристик политического лидера от приписываемых ему и имевших место в общественной практике.

Но не только культура определяет наши социальные ожидания и оценки относительно возрастных свойств ролей и статусов. В современном обществе государство активно регулирует многие сферы человеческой деятельности на основе возрастного принципа. В ряде случаев оно жестко приписывает возрастные границы социальным ролям, например границы пребывания офицера в воинском звании или уход на пенсию с государственной службы. Государство нормирует школьный возраст, возраст призыва на армейскую службу, брачный возраст и т.д. При этом уровень биологического или психологического развития человека может отставать (или опережать) от предписанной ему государством роли, которое ориентируется в данном случае на «паспортный» (хронологический возраст), одним словом, феномен возраста определяет по сути дела все сферы жизнедеятельности современного человека. Это закономерно, так как в нем отражены все ипостаси человеческой сущности как био- и социокультурного существа. Причем каждая ипостась, с одной стороны, имеет свои детерминанты возраста, с другой же – все они взаимосвязаны.

Во-первых, возрастные переживания, свойственные современному индивиду, о которых шла речь выше, обусловлены его биологическим развитием, онтогенезом, в котором выделяются следующие основные этапы: рождение, развитие, зрелость, инволюция и смерть. Этот путь проходит любой индивид как существо биологическое, но для каждого характерна своя временная протяженность этих периодов. В то же время на биологическое развитие как популяции в целом, так каждого конкретного индивида влияют социальные и культурные факторы. Физическая антропология стремится выработать универсальные критерии для измерения стадий индивидуального биологического развития (т.е. для определения биологического возраста), а также исследует влияние на него социальных и культурных факторов.

Во-вторых, этапы биологической эволюции человека связаны с его психологическим развитием, становлением его эмоциональных и интеллектуальных характеристик. С одной стороны, эта корреляция не вызывает сомнения у ученых, с другой – она не столь жесткая, как ранее было принято считать. Эти процессы могут протекать с различной скоростью, в результате чего психологические свойства индивида зачастую

отстают или, наоборот, опережают его биологические развитие. Эта асинхрония опять же во многом детерминирована социальными и культурными факторами. Например, ребенок из семьи интеллектуалов имеет больше шансов опередить в умственном развитии своих сверстников, нежели ребенок из крестьянской семьи. Это проявляется на уровне не только отдельных индивидов, но и всех представителей общества. Так, люди одного возраста в индустриальном и традиционном обществах обладают разными эмоциональными и интеллектуальными характеристиками. «Они рассуждают, как дети», – часто замечали антропологи относительно представителей изучаемых ими народов.

В-третьих, в процессе жизненного пути индивида траектории биологического и психологического развития пересекаются с фазами его социального развития. Биологическая эволюция человека, начинающаяся рождением и заканчивающаяся смертью, – автономный процесс. В то же время с самых ранних стадий она насквозь пронизана социальными эмоциями. Например, переживания ребенка по поводу отставания в половом созревании связаны с его социальным статусом в среде сверстников и возможностями обретения такового в будущем. Нарастание же инволюционных процессов сопровождается психологическими переживаниями, обусловленными невозможностью выполнения функций, предписанных теми или иными социальными ролями. И в дальнейшем психобиологическое развитие человека увязано с его социальным прогрессом. Он не может стать главой семьи, не созрев для этого в биологическом смысле. Передвижение же индивида по «лестнице» административно-государственной иерархии часто регламентируется государством в соответствии с возрастным принципом. В советской России, как известно, помимо того, что нормировались школьный возраст, возраст призыва на армейскую службу, брачный возраст, пенсионный возраст и т.д., практически все население страны с раннего детства через определенные интервалы времени (т.е. в определенном возрасте) проходило сквозь детско-юношеские общественно-политические организации (октябрятскую, пионерскую, комсомольскую).

В то же время социальное развитие человека может не совпадать с тем, которое предусматривается культурой каждого конкретного общества. Помимо социально-возрастного регулирования, которое в современном обществе во многом осуществляется государством, каждый социум имеет свое культурное «возрастное расписание» жизненного пути индивида, которое во многом строится на сложившихся в нем традициях. Причем государственное «расписание» часто может не сов-

падать с «расписанием» культурным. Например, во многих современных афро-азиатских обществах брачный возраст устанавливается государством гораздо выше, нежели это характерно для их традиционного уклада. Это может стимулировать конфликт в социально-возрастных ожиданиях индивида. Допустим, девушка, не вышедшая замуж в «свое время» (по принятым в данной культуре нормам), может ощущать себя неполноценным человеком, несмотря на то, что ее брачный возраст в соответствии с принятыми государством нормами еще не наступил. Кроме того, в современном индустриальном обществе индивид в процессе жизни может ориентироваться на собственное возрастное «расписание» жизненного пути, определяемое его принадлежностью к той или иной субкультуре, и, вероятнее всего, что представления отпрыска крестьянина или рабочего о социально-возрастных ролях, которые он должен сыграть в своей жизни, будут существенно отличаться от тех, на которые ориентирован потомок представителя финансовой или политической элиты.

Одним словом, индивидуальный возрастной процесс в современном индустриальном обществе включает в себя биологическое, психологическое, социальное и культурное развитие. Все эти типы развития имеют свои собственные детерминанты. Однако все они взаимосвязаны. Возрастная идентификация современного члена общества находится на пересечении траекторий этих процессов, которые протекают с различной скоростью.

Константной величиной является здесь хронологический возраст, исчисляемый в годах от момента рождения до момента измерения. Поэтому часто задаваемый вопрос: «А сколько же тебе (ему) лет», – является не чем иным, как желанием установить соотношение между различными процессами развития человека как био- и социокультурного существа. Он возникает тогда, когда интересант испытывает затруднения в идентификации того или иного возраста (той или иной линии развития) другого индивида. Поэтому он стремится выяснить его хронологический возраст, которому в культуре современного общества соответствует определенный «нормальный» уровень психобиологического или социокультурного развития. Примерные ответы таковы: «Ему уже 20, а он выглядит, как ребенок» или «Ему еще 50, а он уже совсем старик» (биологическое развитие, фиксируемое на основании признаков, выделяемых визуально, ниже/выше нормального), «Ему 40, а ведет он себя как ребенок» или «Ему всего восемь, а рассуждает как старик» (психологический возраст в соотношении с «нормальным» для культуры больше/меньше), «Ему уже около 40, а на службе он еще бегаёт в маль-

чиках» или «Ему еще 20, а он уже глава фирмы» (социальный возраст меньше/больше нормального).

Каждая культура имеет свои эталоны «нормального» биологического, социального и культурного развития индивида. Однако они также могут меняться под воздействием общественных перемен. К примеру, представления культуры о низком брачном возрасте могут испытывать незначительное воздействие со стороны юридически установленного государством брачного возраста, но претерпевать сильные изменения в сторону его увеличения под влиянием вновь сложившихся в данном обществе социально-экономических условий.

Представляется, что индивидуальный возрастной процесс может быть понят как онтогенез, который неотделим от социальных и культурных изменений, воздействующих на него. Индивидуальный возраст, таким образом, есть взаимодействие биологического взросления, психологического развития и изменений в культурной и социальной средах. Его изучение имеет важное значение для понимания индивидуального поведения.

Возраст, общество, культура

Возраст является важной переменной не только для понимания индивидуального поведения, но и функционирования и развития общества в целом. Общество, как известно, состоит из людей, причем людей разновозрастных. Поэтому в любом из обществ существуют элементы возрастной стратификации. На ранних этапах социогенеза роль возраста как структурообразующего фактора была чрезвычайно высока. В современных индустриальных обществах этот фактор как бы отодвинут на периферию социальной структуры, определяя деятельность тех или иных институтов. Взаимоотношения людей определяются временными границами пребывания в рамках этих институтов или в его подразделениях. Важную роль в процессе социального возрастного регулирования играет государство.

Положение различных возрастных слоев в каждом конкретном обществе неодинаково. Оно зависит от уровня социально-экономического развития (стадиальной атрибуции), режима функционирования и культуры. Для ранних стадий социогенеза, к примеру, характерно доминирующее положение старших поколений. Это же свойственно обществам с низкой динамикой социальных изменений (т.е. застойных обществ), а также, например, конфуцианско-азиатской культуре.

В индустриальных обществах возрастает роль молодежи, так как НТР стремительно изменяет общественные реалии, к чему молодежь адаптируется гораздо быстрее. Роль молодежи могла возрастать и на ранних стадиях социогенеза, когда люди переставали верить в магические силы вождя и ему на смену приходил харизматический лидер, всегда опиравшийся на молодежь. Роль молодежи велика и в так называемых воинственных обществах. Неодинаковое положение различных возрастных когорт в общественной жизни, в свою очередь, чревато возникновением между ними социальных конфликтов.

В периоды революционных перемен в общественной жизни эти противоречия особенно обостряются. В современной России, к примеру, старики и дети остались как бы на обочине общественной жизни. Если первые в силу возрастного консерватизма подчас не в силах адаптироваться к быстро меняющимся реалиям, то вторые из-за деградации прежней системы идеологических, моральных, этических и т.д. ценностей и, как следствие, разрушения многих институтов социализации оказались вне сферы интересов общества. Дети же, как известно, его будущее. Эта расхожая фраза обретает особый смысл, если рассматривать историю общества как процесс смены поколений.

Поколение сегодняшних детей со временем неизбежно войдет в социально активный возраст, займет командные позиции в обществе. Поэтому закономерна озабоченность тех, кто предвидит пагубные перспективы для России в недалеком будущем, когда к власти придут люди, выросшие в атмосфере бездуховности. Короче говоря, в каждом социуме сосуществуют различные возрастные поколения, с разным социальным поколенным опытом. Не только социальная среда влияет на формирование поколения, но и поколение, сформировавшись под воздействием определенной социальной среды, может со временем существенно повлиять на вектор его эволюции.

Возрастная стратификация в любом обществе зависит также от уровня его развития и опосредована культурой. От последней, в частности, зависит, сколько в обществе в принципе выделяется возрастов. В США прошлого века, как утверждается, не выделялось периода юности, так как дети очень рано начинали зарабатывать себе на жизнь, т.е. становились взрослыми.

Общественные закономерности, связанные с появлением, функционированием и взаимодействием разновозрастных когорт, могут быть поняты только при проведении кросс-культурного анализа. Одним сло-

вом, возрастной процесс может быть понят только с точки зрения социокультурной.

В заключение можно констатировать, что возраст является важнейшим социокультурным фактором – как на индивидуальном, так и системном уровнях. Поэтому в основу его изучения могут быть положены следующие принципы.

Возраст может быть понят только как динамическая категория. Возрастной процесс нельзя отделить от социальных, культурных и исторических изменений в обществе, так как люди рождаются, развиваются и стареют не в вакууме. Поэтому необходимо изучать не только то, как возрастные когорты отличаются друг от друга, поскольку их становление и развитие происходило в разных социокультурных условиях, но и то, как само общество изменяется под влиянием этих когортных различий.

Возраст может быть понят только с точки зрения его социокультурной вариативности – как в пределах одного общества, так и на кросс-культурном уровне.

Возраст может быть понят только в рамках анализа всего жизненного пути индивида, а не какой-либо его части. Люди не входят в возраст в какой-то особенный момент. Возрастной процесс начинается с рождения и заканчивается смертью. И в обществе люди всех возрастов взаимосвязаны между собой.

Индивидуальный возрастной процесс всегда представляет собой комплексное взаимодействие биологического и психологического развития, которое происходит в изменяющейся социокультурной внешней среде.

В настоящее время проблема возраста изучается рядом научных дисциплин, в ее изучении уже сформировались свои научно-исследовательские стратегии, а также понятия и категории. Перейдем к их рассмотрению.

ВОЗРАСТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1

ВОЗРАСТНЫЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ В НАУКЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Понятие возраста в науке

Наука выделяет два типа возраста. **Абсолютный возраст**, т.е. календарный, или хронологический возраст. Он выражается количеством временных единиц (секунд, лет, тысячелетий), отделяющих момент возникновения объекта от момента его измерения. Определение хронологического возраста называется датировкой. Существует и **условный возраст**, или возраст развития. Он определяется путем установления местоположения объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, в некотором процессе развития, и устанавливается на основании каких-то качественно-количественных признаков. Установление условного возраста – элемент периодизации. Любая периодизация – попытка структурировать течение времени, выделить в нем определенные, имеющие какие-то содержательное значение хронологические элементы (периоды).

Индивидуальное развитие описывается в понятиях «онтогенез», «течение жизни», «жизненный путь», «жизненный цикл». Развитие человека как био- и социокультурного существа имеет различные траектории. В результате можно говорить, что в человеческом индивидууме в каждый конкретный момент времени сосуществуют *несколько возрастов*.

А. Биологический возраст, который определяется состоянием обмена веществ и функций организма по сравнению со статистически средним уровнем развития, характерным для всей популяции данного хронологического возраста. Биологический возраст разделяется на скелетный, зубной, возраст полового созревания.

Б. Социальный возраст, который представляет собой набор нормативно-ролевых характеристик, производных от возрастного разделения труда и социальной структуры общества. Такие понятия, как дошко-

льный, школьный, студенческий, рабочий, пенсионный возраст, брачный возраст, возраст гражданского совершеннолетия, имеют явно социальные происхождение и смысл. При этом следует различать нормативные и фактические критерии возраста. Например, юридический брачный возраст – совсем не то же самое, что демографические показатели брачности (т.е. средний возраст вступления в брак независимо от юридической возможности). Соотношение это также исторично; в современном обществе вступают в брак гораздо позже, чем позволяет закон. В средневековой Европе или в Индии недавнего прошлого было наоборот: браки нередко заключались до наступления брачного возраста или полового созревания. Социальный возраст определяется путем соотнесения уровня социального развития индивида, овладения им определенных социальных ролей, с тем, что статистически нормально для его сверстников.

В. Психический возраст, который определяется путем соотнесения уровня психического (умственного, эмоционального и т.д.) развития индивида с соответствующим нормативным среднестатистически симптомокомплексом. Индикаторы психического возраста – *IQ* (умственный возраст), степень нравственной зрелости, рекреационный возраст (насколько досуг ребенка соответствует тому, что статистически типично для возраста индивида), психосексуальный возраст (уровень эротических интересов и поведения, который может и не соответствовать уровню индивидуальной физиологической половой зрелости подростка). Эти варианты так называемого психического возраста имеют определенное объективное внешнее измерение. Но в психическом возрасте нередко выделяют и субъективно переживаемый возраст личности: возрастное самосознание, зависящее от напряженности, событийной наполненности жизни и субъективно воспринимаемой степени самореализации личности.

Понятие «жизненного пути» в исследовании индивидуального возрастного процесса

Онтогенез покоится на выделении ряда возрастных процессов (рост, созревание, развитие, старение), в результате которых формируются соответствующие индивидуальные возрастные свойства (различия). То и другое обобщается в понятии **возрастных стадий развития** (детство, переходный возраст, старость).

Любая периодизация жизненного пути должна учитывать принципиальную многомерность возрастных свойств и критериев их оценки.

БВ соотносится со свойствами организма и его отдельных подсистем, социальный возраст – с положением индивида в системе общественных отношений, а психический возраст – с характером сенсомоторной, умственной и тому подобной деятельности.

Возрастные процессы гетерохронны как на межличностном, так и на индивидуальном уровнях. **Межличностная гетерохронность** выражается в том, что индивиды созревают и развиваются не одновременно, а разные аспекты и критерии зрелости имеют для них неодинаковое значение.

Внутриличностная гетерохронность – это несогласованность сроков биологического, социального и психического развития, а также несовпадение темпов созревания и инволюции индивида, например темпов физического роста и полового созревания, наличие диспропорции между умственным возрастом и нравственным развитием.

Понятие «**жизненный путь**» предполагает множество разных тенденций и линий развития в пределах одной и той же биографии, причем эти линии одновременно автономны и взаимосвязаны. Возраст связывается с ожиданием и осуществлением переломных событий. Иными словами, базой для изучения изменений в психике человека стали: случай, время, последовательность жизненных событий (женитьба, смерть родителя, окончание учебы, рождение ребенка) и биографический метод. Возрастные различия – не просто следствие универсальных этапов онтогенеза, но результат сложного переплетения траекторий индивидуально-психического развития, общественно-производственной, трудовой карьеры и брачно-семейного цикла. Поворотные пункты и переходы в психическом развитии, трудовой карьере и семейной жизни личности хронологически **не совмещаются**.

Исследователь жизненного пути должен:

1. **Синхронизировать** фазы индивидуального психосоциального развития личности с ее трудовыми и семейными переходами.
2. **Проследить взаимодействие** этих разных переходов в системе жизненного пути.
3. **Учитывать кумулятивное воздействие** предшествующих переходов на последующие.

Анализ жизненного пути и его компонентов не отрицает онтогенетических инвариантов развития индивида. Но он проясняет и подчеркивает ведущую роль, которую играют во взаимодействии биологического и социального исторические условия. Ничто не может изменить инвариантную последовательность циклов детства, взрослости и старости. Но

длительность и содержательность каждого из них существенно зависит от социальных факторов.

В онтогенезе отчетливо выделяются **качественные сдвиги, или скачки**:

1. В биологии и психофизиологии выделяются «критические периоды», когда организм отличается повышенной чувствительностью к определенным внешним и внутренним факторам, воздействие которых именно в данной (и никакой другой) точке развития имеет особые важные необратимые воздействия.
2. Психология развития выработала даже специальное понятие «возрастных кризисов», или «нормативных кризисов развития». Зная соответствующие биологические и социальные законы, можно достаточно точно предсказать, в каком среднем возрасте индивид данного общества столкнется с теми или иными проблемами, как эти проблемы связаны друг с другом, от каких сопутствующих факторов зависят глубина и длительность соответствующего нормативного кризиса.

В социальных науках понятие «социальный переход» означает переход индивида или группы людей из одного социального состояния в другое. Специфически антропологический аспект данной проблемы – это так называемые «обряды перехода» или их частный случай – инициации.

4. Однако если в центре внимания находится не структура жизненного пути среднестатистического индивида, а биография индивидуальной личности, объективные данные необходимо дополнить субъективными. Периодизация здесь строится по тем событиям, которые стали поворотными пунктами в развитии личности, что предполагает ориентацию на внутреннюю систему отсчета.

«Критические периоды» суть инварианты онтогенеза, «возрастные кризисы» относятся к жизненному циклу, «возрастные переходы» производны от социальной структуры общества, а «поворотные пункты» относятся к индивидуальному жизненному пути (биографии). Вместе с тем они тесно связаны друг с другом и определяют концепцию «жизненного пути».

Структура «жизненного пути» и жизненного «расписания», т.е. последовательность и время наступления соответствующих им социальных переходов существенно меняются от поколения к поколению. **Когортные различия** необходимо сильно меняют структуру жизненного пути. Это надо учитывать, если даже хронологический интервал между срав-

ниваемыми когортами кажется, на первый взгляд, незначительным. И.С. Кон ссылается на материалы Г. Элдера, который сравнивал структуру жизненного пути двух возрастных когорт, из которых первая родилась в 1928–1929 гг. и жила в Окленде, вторая же имела примерно такой же хронологический возраст (т.е. родилась в 30-е годы), но жила в соседнем городе Беркли. В этот период времени не было ни революций, ни войн, тем не менее обе когорты пережили экономический кризис и войну. Возраст, в котором они находились, когда столкнулись с аналогичными событиями, существенно повлиял на их судьбу, образование, профессиональную карьеру. Оклендских детей экономическая депрессия застала уже школьниками, так что они могли и должны были материально помогать своим семьям; в годы второй мировой войны свыше 90% мужчин этой группы служили в армии. Напротив, у детей из Беркли экономический кризис совпал с первыми годами детства, которые в силу этого оказались очень тяжелыми. Зато их переходный возраст пришелся не на депрессию, а на экономический подъем военных и послевоенных лет; только половина этой возрастной когорты воевала, и то не на полях битв второй мировой войны, а в Корее. Данные различия наложили отпечаток на социально-психологический опыт этих людей в общественно-политической жизни.

Таким образом, жизненный путь, биография индивида не сводятся к универсальным закономерностям онтогенеза, даже с поправками на индивидуальные вариации, гетерохронность и разные типы развития. Он обусловлен также сложной совокупностью социально-исторических условий, от которых зависят стоящие перед личностью на каждом этапе ее развития конкретные задачи и те средства, которыми она располагает для их решения (2).

Представления о «жизненном пути» человека рассматриваются в связи со следующими **принципами**:

1. Развитие является принципиально плюралистическим (как процесс и как результат); ни процесс, ни конечный результат развития нельзя считать однонаправленным или ведущим к одному и тому же состоянию.
2. Развитие происходит от зачатия до смерти, причем пластичность, способность к изменению сохраняется на всем протяжении жизни. Это значит, что развитие не ограничивается отдельным периодом жизни, и пережитое в одном периоде не обязательно важнее того, что будет испытано в другие периоды. Разные процессы развития могут начинаться, продолжаться и заканчиваться в разные моменты

жизни, и развитие в разных областях не обязательно имеет сходные траектории или сходные принципы.

Развитие разных людей протекает крайне неодинаково. Межиндивидуальные различия могут включать биосоциальные процессы дифференциации, зависящие от половой, социально-классовой и иной принадлежности.

4. Развитие в разных областях жизнедеятельности детерминировано множественными факторами, которые также могут быть взаимосвязанными; оно не сводится к одной-единственной системе влияний, например биологии (развитие не является простым процессом созревания, разворачивания чего-то заранее данного) или среды (развитие не является простым процессом воспитания и научения) (23, с. 574–575).

Концепция «жизненного пути» возникла и используется прежде всего в психологии, хотя имеет ярко выраженный антропологический аспект. Здесь изучение «жизненного пути» может быть сведено к изучению **различных культурных «теорий» жизненного пути**, поскольку каждая культура имеет свое «возрастное расписание», на которое ориентируется индивид в процессе жизни, с которым соизмеряет индивидуальное возрастное развитие и на основании которого он сам и его окружение оценивают это развитие.

Важное значение для выявления **универсальных возрастных изменений** в индивидуальной психологии имеют кросскультурные исследования, которые предполагают использование антропологических данных по различным культурам. *Д. Гутман*, например, провел сравнительные исследования среди майя, навахо, израильских друзов, чтобы проверить гипотезу о том, что личностные возрастные изменения являются универсальным аспектом жизненного процесса. Он пришел к выводу, что женщины с возрастом становятся более самостоятельными, агрессивными, деятельными. Мужчины же, наоборот, пассивными, экспрессивными и зависимыми (10, 11).

В современной науке, описывающей индивидуальное развитие, помимо понятия «жизненный путь» используются такие понятия, как «время жизни» и «жизненный цикл».

«**Время жизни**», протяженность, пространство жизни (lifetime, lifespan) обозначает временной интервал между рождением и смертью. Эти понятия, как и понятие жизненного пути, используются преимущественно психологами при описании и объяснении онтогенетических (связанных с возрастом) поведенческих изменений от рождения до смерти.

Более определенное и содержательное понятие – «жизненный цикл». Идея цикличности жизни подобна цикличности природных процессов – одному из древнейших образов нашего сознания. Цикл жизни личности повторяют его потомки. Цикличность характеризует и смену поколений в обществе, где младшие (дети) сначала учатся у старших, затем активно действуют рядом с ними, потом социализируют младших. Цикличность справедливо усматривается и в аналогии между восходящей и нисходящей стадией развития человека. Образ «впадающей в детство» старости – не просто метафора, а отражение целого ряда вполне реальных психофизиологических процессов ослабления сознательного контроля, изменения временной перспективы, ослабления половой дифференциации и т.д.

Понятия, категории и концептуальные подходы, используемые при исследовании возрастного процесса на общественном уровне

Возрастная стратификация – универсальное явление. Развитие общества может быть представлено как процесс последовательной смены и преемственности слоев-поколений, или возрастных когорт.

Система возрастной стратификации может быть представлена как:

1. Возрастной состав и структура населения (социально-демографический аспект).
2. Возрастная структура общественной деятельности (социально-экономический аспект).
3. Возрастная структура общественных организаций и институтов (социально-политический аспект).

Понятие возрастного слоя (страты) по объему совпадает с понятием когорты, обозначая совокупность индивидов данного возраста. Численность и состав (например, соотношение мужчин и женщин) возрастных слоев зависят от естественных и социально-демографических процессов воспроизводства населения. Увеличение средней продолжительности жизни при сокращении рождаемости дает постарение населения. Война меняет половой состав соответствующих возрастных слоев.

Возрастные слои различаются по характеру своей общественно-производственной деятельности. Когда говорят о людях определенного возраста в структуре населения, то выделяют эти слои на основании биопсихологического возраста (дети, подростки, взрослые) или соци-

ального возраста (лица дошкольного, школьного, пенсионного и т.д.) возраста.

Возрастные слои и возрастно-специфические роли и экспектации взаимосвязаны. Возраст служит основанием и критерием для занятия или оставления определенных социальных ролей. Соответствующие возрастные критерии иногда являются **юридически нормативными** (школьный возраст, гражданское совершеннолетие), а иногда, – **фактуальными** (возраст завершения образования или вступления в брак).

Возрастная стратификация предполагает систему связанных с возрастом социально-психологических экспектаций и санкций. Ребенку предъявляются одни требования, взрослому – другие; от ветерана ждут больше, чем от молодого рабочего, даже если они занимают одинаковые должности.

Возрастная стратификация соотносится с классовой структурой общества и во многом производна от нее; это проявляется в особенностях жизненного пути выходцев из разных социальных слоев, неодинаковости критериев социальной зрелости (наступление физической зрелости, как мы далее увидим, также зависит от социального класса).

Возрастная стратификация – относительно устойчивая система, которая создается, поддерживается и изменяется социально-возрастными процессами. Изменение состава и численности возрастных слоев в населении обусловлено демографическим процессом течения когорт, включающим в себя возникновение сменяющих друг друга когорт, их сосуществование, изменение их численности в результате миграций и постепенное уменьшение и исчезновение каждой данной когорты в результате ее вымирания.

Течение когорт и старение суть жизненные процессы. Они предполагают два встречных социальных процесса – **распределение** между индивидами **социально-возрастных ролей и социализацию**, т.е. подготовку индивидов к оставлению или усвоению ролей. Подготовка к выходу на пенсию – столь же необходимый элемент социализации в старости, как профессиональная ориентация в юности.

Изменение в любом отдельно взятом элементе возрастной стратификации может провоцировать и стимулировать изменение других элементов. Так, рост численности детей школьного возраста вызывает необходимость увеличения школ, количества учителей в более старшей когорте.

Возрастная стратификация тесно связана со всей системой социальных институтов данного общества, а также с внешними условиями

его сосуществования. Война или эпидемия могут существенно изменить возрастной состав населения со всеми вытекающими из этого последствиями.

Связь социальной стратификации и жизненного пути

1. Старение состоит из нескольких взаимосвязанных биологических, психических и социальных процессов.
2. Внутри каждого возрастного слоя индивиды активно участвуют в комплексе ролей (например, на работе, в семье, в общине), которые могут последовательно влиять на способ их старения, их способности, мотивы, установки, а также на других людей, с которыми они взаимодействуют.

Индивидуальные члены любого данного возрастного слоя, становясь старше, взаимодействуют с членами других слоев, что способствует либо их сближению и взаимной социализации, либо возрастной специфической напряженности и конфликтам.

4. Способы, которыми люди старятся, взаимосвязаны; структура, «паттерн», жизненного пути одного лица влияет или подвержена влиянию структуры жизненного пути других людей, с которыми данное лицо взаимодействует.
5. Модели жизненного пути конкретных индивидов зависят от свойства когорты, к которой эти лица принадлежат, и от тех социальных, культурных и средовых изменений, которым подвергается их когорта, последовательно проходя сквозь сменяющие друг друга возрастные слои.
6. Когда многие индивиды в одной и той же когорте подвергаются одинаковым изменениям, эти изменения их коллективных жизней, в свою очередь, могут вызвать дальнейшие социальные перемены (20; 157).

Когортоцентризм – ложное предположение, что члены всех когорт будут стариться точно так же, как члены нашей собственной когорты.

Классификация антропологических терминов и социологические научные понятия, соответствующие им

В антропологической литературе, прежде всего посвященной исследованию архаических обществ, в которых существовали возрастные классы, сформировались иные понятия и категории. В частности,

П. Галливером была предложена система понятий для изучения традиционных обществ, которую он соотнес с более абстрактными социологическими понятиями (9, с. 157–162).

1. **Возрастная степень** (age-grade) обозначает, по определению А.Р. Радклифф-Брауна, признанное деление жизни индивида по мере того, как он переходит от младенчества к старости. Система возрастных степеней обозначает не просто возрастную дифференциацию положения социальных функций, а определенную иерархию, так что переход к следующей степени сопровождается ощутимым изменением в обязанностях и статусе индивида и нередко оформляется специальным ритуалом. Возрастные степени имеют нормативный характер и соответствуют принятому в данной культуре членению жизненного пути. Однако разные культуры придают неодинаковое значение этим фазам, особо выделяя те, которые почему-либо представляются проблематичными, требующими особенно тщательного социального регулирования.
2. Совокупность людей, занимающих в определенный момент времени такую нормативно выделенную возрастную степень, образует **возрастной класс**. Возрастной класс не представляет собой компактной, интегрированной общности. Вступление и выход из возрастного класса индивидуальны и не связаны жестко с биологическим (хронологическим) возрастом. Его критерии являются социально-культурными, символическими. Возрастной класс могут составлять юноши, одновременно прошедшие инициацию, или женатые мужчины в отличие от неженатых. Хотя принадлежность к возрастному классу предполагает некоторую общность положения и интересов, эта общность обычно является временной и довольно расплывчатой. **Возрастная группа** основана на том, что все ее члены – ровесники, и **является корпоративной**. Это постоянная совокупность людей, признающих между собой определенную степень единства, которое признается также и нечленами группы. Члены возрастной группы совместно занимаются какой-то специфической деятельностью, принимают взаимные обязательства и выступают по отношению к окружающим в качестве группы. Возрастные группы обычно имеют собственные имена, могут обладать собственностью (включая песни, раскраску щитов, специфические ритуалы и т.д.) и обладают внутренней организацией, обеспечивающей принятие решений и лидерство.

Антропологические термины, на которых мы остановились, соответствуют социологическим понятиям, и классифицируются следующим образом:

1. **Возрастные степени** суть **стадии жизненного цикла**, но не всякие, а только выделяемые и символизируемые данной культурой, так что их достижение обеспечивает индивиду определенный социальный ранг или идентичность.
2. **Возрастные классы** суть **возрастные слои населения**, но только занимающие особое место в системе возрастной стратификации данного общества и соответственно выделяемые и символизируемые культурой.
3. **Возрастные группы** суть **организации**, основанные на общности хронологического и/или условного возраста своих членов, имеющие специфическую структуру, функции и знаковые средства и соответственно воспринимаемые и символизируемые культурой.

Различные подходы к понятию «поколение»

Важным понятием в исследовании возрастной стратификации является понятие **«поколение»**, которое весьма многозначно. Древнейшее его значение **биолого-генеалогическое** (это понимание используется в антропологии).

Поколение – это звено или ступень в цепи происхождения от общего предка, а межпоколенные отношения суть отношения между родителями и детьми, предками и потомками. Отсюда – связь данного понятия с терминами родства, которая существенна для антропологов и юристов (например, при обсуждении права наследования). Понятие «поколение» используется и для обозначения современников и сверстников.

В философии XIX в. понятие поколения впервые стало предметом теоретического анализа вне семейно-генеалогического контекста как **социально-историческое явление** (2, с. 100–109).

О. Конт (позитивистская линия) не определяет термин «поколение», но подчеркивает, что количественно определенная **продолжительность жизни** сказывается и на эволюции социальных явлений.

Д.С. Миль все исторические перемены прямо или косвенно связывает со сменой поколений; **мера влияния прошлых поколений на настоящие** – один из **главных факторов социальной эволюции** (подробнее см. 16).

Ж.Дромель выделяет понятие **политического поколения**. По «закону поколений» Дромеля господство одного поколения продолжается 16 лет, после чего власть переходит к следующему поколению; в течение этого срока следующее поколение завершает свое политическое образование и начинает критику предшественника; социальный идеал нового поколения выше и в каких-то отношениях противостоит идеалу предшественника, а труд каждого поколения специфичен, уникален и исключителен (6).

Философ *А. Курно* акцентирует внимание на **преемственности поколений**. В обществе все возрасты перемешаны, и все переходы постепенны; поколения не следуют друг за другом, как на генеалогическом древе, а сосуществуют и взаимодействуют (5).

Немецкий статистик *Г. Рюмелин* вводит **количественное понятие длины поколения**, определяя его как среднюю возрастную разницу между родителями и детьми в данный период. При этом выясняется, что длина поколения не одинакова в разных странах и зависит от средней продолжительности жизни, рождаемости и других факторов. А это влияет на темп исторических перемен (22).

Романтико-идеалистические интерпретация поколения получила широкое распространение в немецкой историографии XIX в. (*Л. фон Ранке, О. Лоренц*). Это хронологическое понимание поколения, или «закон трех поколений» (Лоренц). Здесь основная единица периодизации истории – столетие, которое является хронологическим выражением совместной духовной и материальной принадлежности к трем человеческим поколениям. На первый план выступает духовная общность, персонифицированная в одной или нескольких выдающихся личностях, «воплощающих душу данного поколения» (14).

Духовно-историческая теория (*Ортега и Гассет*) также дает определение поколения: «Поколение не горстка выдающихся личностей и не масса случайных индивидов ровесников, а своего рода “динамический компромисс” между массой и индивидом, качественно новая интегрирующая сила...». Ортега сравнивает поколение с караваном, в котором идет плененный, но одновременно втайне свободный и удовлетворенный человек, «верный поэтам своего возраста, политическим идеям своего времени, типу женщин, торжествовавшему в дни его юности, и даже походке, к которой он привык в свои двадцать пять лет». Он обозначает исторические поколения, продолжительность которых составляет 15 лет: поколение Декарта, Сервантеса и т.д.(19).

Метафоры, связывающие воедино этапы индивидуального жизненного пути с историческими событиями, значимыми для всех людей, живущих в данный период времени, выражали становление нового, **культурно-исторического понятия поколения**, для которого существенна не столько хронологическая одновременность существования группы людей, сколько общность их значимых социальных переживаний и деятельности. Такие символические общности («политическое поколение», «культурное поколение», «литературное поколение») играют важную роль в историческом исследовании. Длительность поколения в культурно-историческом смысле зависит от скорости исторического обновления: чем значительнее перемены, совершающиеся в единицу времени, тем больше люди склонны замечать у себя поколенные различия. Революция переживается как нарушение преемственности поколений, «межпоколенный разрыв».

При **социологической интерпретации «поколения»** смена поколений – это универсальный процесс, основанный на биологическом ритме человеческой жизни, вследствие которого: а) в культурном процессе появляются новые участники, тогда как б) старые участники этого процесса постепенно исчезают; в) члены любого данного поколения могут участвовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса и г) необходимо поэтому постоянно передавать накопленное культурное наследство; д) переход от поколения к поколению есть последовательный процесс. *К. Мангейм* (15) вводит три специальных понятия:

1. **Поколенное положение** – поколенный статус, место, занимаемое людьми определенного возраста в данном обществе.
2. **Поколенная взаимосвязь** – актуальное поколение, ассоциация, основанная на сходстве жизненных проблем и интересов, вытекающих из одинакового положения.

Поколенное единство, предполагающее осознание своей поколенной общности и выработку соответствующего самосознания, общих идеалов и деятельности.

В отечественной социологической литературе существует пять определений поколения (3):

1. **Демографическое поколение**, или когорта, – совокупность сверстников, родившихся приблизительно в одно и то же время и образующих возрастной слой населения. В зависимости от уровня рождаемости, военных конфликтов, репрессий, эпидемий, стихийных бедствий, эмиграций, поколение (когорта) может быть большим или

- меньшим по численности с преобладанием тех или иных социальных групп, мужчин или женщин.
2. **Антропологическое поколение** – указывает на ступень происхождения от общего предка (нулевое, восходящее, нисходящее поколения) и дает представление о генеалогии семьи.
  3. **Историческое поколение** – отрезок времени, равный интервалу между рождением родителей и рождением их детей. Статистически этот период времени равен приблизительно 20–25 годам. Это означает, что одновременно в обществе живут 4–5 поколений. В зависимости от условий их жизни, омоложения семьи, генетической предрасположенности увеличения средней продолжительности жизни число поколений может увеличиваться или сокращаться.
  4. **Хронологическое поколение** – период времени, в течение которого живет и активно действует данное поколение. По своему значению оно близко к демографическому, но дает возможность представить судьбу именно данного поколения, пережившего на личном опыте уникальные, неповторимые события, оказавшие влияние на восприятие жизни, взаимодействие со сверстниками. Мемуары, эпистолярное наследие, биографии дают возможность представить духовный мир и облик поколения.
  5. **Символическое поколение** – означает общность современников, жизнь которых связана с особым периодом истории, делающим именно их свидетелями и участниками событий, реформ, революций.

Глава 2

ПРОБЛЕМА ВОЗРАСТА В СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

Развитие концепции «жизненного пути» в психологии

Традиционно возраст в психологии изучался по возрастным категориям. Существовали специалисты по детской психологии, психологии среднего возраста или старости. Преимущественное внимание при этом уделялось детству и старости, так как предполагалось, что индивидуальные психологические функции формируются в детстве и юности, достигают стабильности в зрелом возрасте и деградируют в старости. Смена во взглядах на возраст в психологии начинается с работ *Р. Хавигурста* (12) и *Б. Ногартена* (18), считавших, что **изменения в психике происходят на протяжении всей жизни** и именно их должны исследовать пси-

хологи. С точки зрения этих ученых порочным является взгляд, согласно которому какой-то определенный период в жизни индивида наиболее важен для психологического развития личности.* Развитие психики рассматривалось ими не как последовательное изменение биологических свойств, а как комплексное взаимодействие между биологически детерминированными процессами и всегда изменяющимся обществом.

В конце 70-х годов *Д. Холтцем* и *К. Племонсом* (13) была введена в научный оборот «**концепция жизненного события**». Они определили «жизненное событие» как «замечательный случай» в жизни индивидуума и выделили «случаи», которые обязательно переживаются человеком в процессе его жизненного пути (женитьба, смерть любимого человека и т.д.), а также события в жизни общества, которые оказывают влияние на всю возрастную когорту (война, природные катаклизмы т.д.). Иными словами, базой для изучения изменений в психике индивида стал не его биологический возраст, а случай, время и последовательность жизненных событий (женитьба, смерть родителя, окончание учебы, рождение ребенка).

Изучение возраста в социологии

В эти же годы активизируется интерес социологов к возрасту. Спорадический интерес к возрасту как к принципу, определяющему социальную организацию, проявляли *П. Сорокин* (1941), *Т. Парсонс* (1942), *С. Айзенштадт* (1956). Но только с конца 60-х годов предпринимаются систематические попытки создать теоретическую схему социологического анализа возраста. Наряду с разработкой теоретических аспектов проводятся и эмпирические исследования социальной стратификации. Таким образом, в это время возникают две теоретические перспективы в изучении возраста.

---

* В 60–70-х годах зрелость человека становится объектом внимания и отечественных психологов. Оказалось, что природа психофизического развития зрелости разнородна и противоречива, представляет собой сложную структуру различных процессов: повышения функционального уровня различных механизмов деятельности, стабилизации этих уровней и их понижения, которые еще нельзя отождествлять с явлениями инволюции функций. Противоречивое совмещение разнородных процессов образует сложную структуру развития психофизиологических функций взрослого человека не только в период ранней, но и средней зрелости. Причем структура развития зрелости – зрелости значительно сложнее, чем любая более однородная и однонаправленная структура периодов созревания и старения (подробнее об этом см.: *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977 С. 345–360).

Одна из них ориентирована на изучение индивидуального возрастного процесса как социокультурного явления в рамках концепции «жизненного пути». Это так называемый социокультурный взгляд на возраст, сформулированный *Б. Ногартеном* (18) в 1968 г. В центр внимания впервые, как считается, была поставлена проблема организации индивидом своего жизненного пути и интерпретации своего жизненного опыта через систему принятых в обществе норм, предписывающих соответствующее возрастное поведение и экспектации. Предполагается, что жизнь людей определяется социальными нормами, предписывающими подобное поведение, роли и статусы. На общественном уровне эта система возрастного поведения, ролей и статусов может рассматриваться как один из видов социального контроля, поддерживаемая негативными санкциями со стороны общества, которые используются против индивидов, считающихся виновными в несоответствующем их возрасту поведении.

Данный подход в изучении возраста в социологии тесно смыкается с антропологическим подходом, который направлен прежде всего на исследование культурной специфики общественных явлений. Поэтому каждое конкретное общество имеет свое собственное культурное временное «расписание», регламентирующее соответствующее возрастное поведение в течение жизни. Социальный контроль достигается не только посредством общественных санкций, но и за счет интернализации норм, касающихся периодов жизни индивида, соизмеряющего свои поступки руководствуясь «**культурной возрастной картой**». Возрастные нормы и ожидания действуют на поведение людей как побудители и тормоза: в одних случаях ускоряя события, в других – задерживая их. Мужчины и женщины ожидают не только социальных часов, чтобы начать действовать в различных сферах своей жизни, но они ожидают и «своего времени» и без труда отличают «рано» или «поздно» или «самое время» в отношении тех или иных семейных и других событий. Люди располагают (в различных культурах) и «ментальной картой жизненного цикла» и поэтому «ожидают, что определенные события произойдут в определенное время» (17).

Второй подход, можно определить как **стратификационный** (age stratification approach). Он ориентирован на изучение возраста скорее на общественном уровне, нежели на индивидуальном. Этот подход в большей степени оперирует абстрактными категориями, что отличает его от принятого в большинстве антропологических работ, в основном сосредоточенных на изучении культурной специфики.

Система возрастной стратификации состоит из определенного числа возрастных страт, каждая ассоциируется с **группой ролей и статусов**. Возрастные когорты проходят через страту в различные точки исторического времени. Здесь возраст рассматривается как один из механизмов (помимо пола и социального класса), который структурирует роли и привязывает индивидов к этим ролям.

Индивиды проходят одну возрастную роль за другой, и конфликт может возникать в случае плохой адаптации к новой роли, т.е. неспособности забыть старую. Здесь ключевой момент – **анализ когорты**. Различные когорты проходят через возрастные страты в разное время. Жизненный опыт каждой когорты является продуктом двух процессов: старения и специфических культурных и социальных процессов, которые воздействовали на ту или иную когорту. Одна из главных проблем этого подхода – определить, каким образом социокультурные изменения отражаются на жизненном пути различных когорт и каким образом характеристики различных когорт могут вызвать социокультурные изменения. **Анализ когорт открывает дверь более глубокому пониманию систематической взаимозависимости между изменениями в жизни индивидов и изменениями в обществе, как прошлыми, так и будущими (21).**

Стратификационный подход предполагает не только изучение возрастных когорт, их социокультурной динамики, но и исследование временных изменений самих социальных страт (т.е. набора ролей, статусов), через которые проходят возрастные когорты. Эти изменения, в частности, могут отражать экономическую динамику в том или ином обществе. Например, депрессия 30-х годов в США заставила детей бросить школу и идти работать, т.е. обусловила изменения социальной роли ребенка в семье.

Изменения могут отражать и политическую динамику. Войны, например, влияют как на увеличение брачного, так и пенсионного возрастов. В данном случае старики ввиду занятости более молодого поколения на военной службе обычно продолжают трудиться в сфере производства.

Изменения самих социальных страт могут отражать также демографическую динамику. Массовые эпидемии, в результате которых умирает большое число преимущественно людей среднего возраста, обуславливают выполнение социальных ролей людьми, которые до этого считались для этого либо слишком молодыми, либо слишком старыми. Иными словами, общественные роли сами со временем изменяются.

Стратификационный подход затрагивает проблемы взаимодействия различных возрастных когорт и влияние этого взаимодействия на общество. К примеру, численность одной когорты может повлиять на опыт другой. Так, резкий взлет рождаемости в США после второй мировой войны обусловил огромный спрос на учителей, которые принадлежали к старшей когорте (т.е. к поколению фронтовиков). В результате в старшей когорте произошли изменения в структуре социальных ролей.

В социологии большое внимание уделяется проблеме так называемой возрастной солидарности. Центральным здесь является изучение вопросов, связанных с идентификацией себя людьми по возрасту и следованием в связи с этим соответствующим поведенческим стереотипам. Иными словами, исследователи пытаются установить, как коррелируются степень, в которой люди отождествляют себя с единой идентичностью сверстников и людей, близких по возрасту, и степень, в которой их поведение отражает эту возрастную солидарность.

Социология изучает также связь между возрастом как принципом стратификации общества и другими принципами, лежащими в основе общественной стратификации. Существует гипотеза, например, что лояльность людей по отношению к последним уменьшает конфликтность между возрастными стратами. В частности, если люди видят свои интересы связанными с родственными коллективами, они в гораздо меньшей степени склонны создавать корпоративные группы, построенные на возрасте.

С. Айзенштадт и его общесоциологическая интерпретация возрастных групп в обществе

Работа С. Айзенштадта «От поколения к поколению. Возрастные группы и социальная структура», впервые вышедшая в свет в середине 50-х годов, представляла собой первую попытку найти **универсальные причины возникновения в обществе социальных групп, объединенных по критерию возраста** (8). При этом автор провел самый широкий сравнительный анализ обществ, находившихся на самых различных стадиях исторической эволюции, т.е. от самых примитивных до индустриальных. Поставив общую проблему соотношения возрастной организации и социальной структуры общества, он выделил типы возрастных групп, **соответствующие разным типам социальной структуры**, проанализировал их общественные функции, критерии членства, внутреннюю организацию и т.п.

Такой подход позволил подняться над частностями и выявить общие черты отдельных явлений: возрастных классов первобытного общества и современных молодежных организаций и неформальных групп общения. Это послужило поводом (прежде всего со стороны советских ученых) обвинить автора в антиисторизме (2, с. 87). Тем не менее в своем исследовании С. Айзенштадт справедливо исходит из посыла, что в любом обществе биологическое развитие индивидуума в той или иной мере обязательно коррелирует с его социально-политическим развитием. Хотя в каждом обществе проблемы, связанные с биологическим развитием, определяются специфическими средствами конкретной культуры, везде они имеют и универсальные черты. Везде человек из ребенка становится отцом, из ученика – учителем, из юноши – стариком. Одним словом, параметры биологической эволюции более или менее одинаковы для любого общества, а значит, все люди должны в течение жизни преодолевать проблемы, связанные с возрастом. С точки зрения ученого, в любом обществе существуют группы, которые, с одной стороны, занимают важное место в социальной структуре общества, с другой же – членство в них базируется на возрастном критерии (8, с.22).

Прохождение индивидом возрастной лестницы никогда не является его индивидуальным делом, но делом важной общественной значимости. Именно здесь таится огромная опасность для жизнеспособности общества, связанная с возможностью нарушения в механизме передачи социальной информации от поколения к поколению. Поэтому одним из главных компонентов возрастной структуры является ее **нерархичность**, т.е. доминирование одних возрастных групп над другими (8, с.29).

На первый план в работе Айзенштадта выдвинута проблема соотношения разновозрастных гетерогенных групп, таких как семья и другие родственные объединения, и одновозрастных, гомогенных групп, будь то архаические возрастные классы или современные одновозрастные организации (группы). Отношения в родственном коллективе (семье) основаны на различных возрастных ролях, а модели власти и управления, характерные для семьи, распространяются на отношения между различными поколениями родственников (8, с.42).

По Айзенштадту возрастная группа – это любая группа, основанная на общности условного возраста ее членов, и проблема состоит в том, чтобы понять, каковы функции таких групп и в результате чего они возникают. Айзенштадт формулирует следующую гипотезу.

- 1 Критерий возраста как принцип в определении социальной роли наиболее важен в обществах, в которых основные ценностные ори-

ентации гармонируют со свойствами человеческого возрастного стереотипа как нечто особенное, предписанное. В таких обществах главной единицей общественного разделения труда является семья или другой родственный коллектив. Разновозрастные отношения этих ячеек являются базовыми формами взаимодействия между возрастными степенями, тогда как одновозрастные отношения имеют второстепенное значение. В таких обществах одновозрастных групп, относительно самостоятельных, не возникает.

2. Напротив, одновозрастные группы обычно возникают в тех обществах, где семья или родственные ячейки не могут обеспечить или даже мешают своим членам достигать полного социального статуса.

Это имеет место в двух типах общественных систем:

- а) в системах, где распределение ролей, возможностей и поощрений не основано на членстве индивида в родственных группах; здесь важные социальные роли независимы от семьи; в таких обществах (их Айзенштадт называет «универсалистскими») роли и ролевые диспозиции, инкорпорированные и выполняемые в семье, не гармонируют с более широкой социальной системой (надродственной); идентификация индивида с разновозрастными членами семьи не обеспечивает ему достижение полной зрелости, статуса и участия в делах социальной системы; в таких случаях солидарность разновозрастных отношений разрушается и появляется тенденция к возникновению одновозрастных групп;
- б) в системах, где структура семьи или генеалогической группы блокирует возможность достижения младшими социальной зрелости внутри группы, так как старшие не допускают младших к ресурсам, без которых выполнение взрослых ролей невозможно.

Таким образом, в соответствии со взглядами автора, формализованные корпоративные одновозрастные группы возникают там, где семья еще не стала центральной ячейкой общественного разделения труда (например, в обществах с так называемыми возрастными классами), либо там, где она уже утратила это положение.

В качестве примера архаических обществ, где не возникло одновозрастных формализованных образований, Айзенштадт приводит те, в которых семейная и родственная организации совпадают с территорией (эскимосы, индейцы). Это, с его точки зрения, укрепляет родственный принцип в социальной жизни, а потому здесь возрастные группы не

возникают. И, наоборот, там где кланы, роды, линиджи, т.е. социальные институты, в основе которых лежит родственный принцип, не являются территориальными образованиями, а поселения состоят из представителей различных семей и родственных групп, возникают подобные одно-возрастные группы (масаи, нанди, кикую и т.д.). Они объединяют социум в единый организм, т.е., иными словами, выполняют интегрирующую функцию.

Примером системы с одновозрастными группами, в которой семья уже утратила свое положение в качестве главной единицы разделения общественного труда, по Айзенштадту, может служить немецкое общество конца прошлого века. Семейная жизнь в Германии того периода регламентировалась сильными авторитарными ценностями, жестко ориентированными на традиционные коллективные представления, вместе с тем семейный статус не мог служить молодежи моделью общественного преуспевания в более широкой социальной (государственной) системе.

Семейная модель при этом поддерживалась всей бюрократической системой государства, а также системой образования. В результате возник резкий конфликт в семье между родителями и детьми, который в условиях, когда государственная машина по сути дела отстаивала отеческие ценности, привел к появлению национального оппозиционного молодежного движения («Вандерфогель»). Революция против власти родителей, учителей, чиновников привела к становлению идеологии, в которой молодежь признавалась отдельной от общества группой, принадлежность к которой обеспечивала полную реализацию личности. Эта идеология превратилась в своего рода «молодежную культуру» («югендкультур»). Провозглашалось, к примеру, что «свободная немецкая молодежь по своей собственной инициативе, руководствуясь собственным чувством ответственности и глубокой честностью, привержена независимо определять свою собственную жизнь. Во имя спасения внутренней свободы молодежь будет предпринимать совместные усилия» (8, с. 102–103).

По мнению автора, появление молодежных организаций в Европе было вызвано процессом индустриализации, т.е. когда активно разрушался традиционный уклад, основанный на семейных ценностях, которые уже не могли удовлетворить детей в условиях быстро развивавшихся «универсалистских» тенденций в обществе. Обострение конфликта поколений в этот период нашло отражение в литературе XIX в. (8, с. 169).

Выводы ученого, как представляется, нашли подтверждение в социально-политической жизни бывших колоний в период бурного подъема в них национально-освободительных движений. В частности, типологически близкая ситуация имела место в африканских колониях в XX в. Здесь колонизаторы поддерживали традиционные власти, которые в первую очередь основывались на авторитете возраста. В этих условиях старшие социально-возрастные поколения стали игнорировать традиционные нормы передачи власти младшим. В результате последние по сути дела были лишены возможности достичь социальной зрелости в рамках своих родственных коллективов.

В этих условиях молодые люди активно покидали свои места и уходили в города, чтобы получить европейское образование и в конечном итоге компенсировать свою социальную неполноценность в традиционном секторе за счет колониально-административного сектора, устроившись на службу в качестве чиновников. Но и здесь молодежь не имела возможности обрести искомое, поскольку образованные африканцы допускались к государственной службе лишь в качестве чиновников низшего ранга. В то же время росло число представителей «туземцев», получивших хорошее высшее образование в западных университетах.

Одним словом, молодежь в африканских колониях, с одной стороны, лишилась по милости колонизаторов перспективы социального роста внутри своих родовых структур, с другой же – отстранялась и от возможности обрести социальное удовлетворение в колониально-государственной машине. Следствием этого в 40-е и особенно в 60-е годы стал бурный рост национально-освободительных движений на африканском континенте. Причем движущей силой была молодежь, о чем говорят сами названия оппозиционных политических организаций – «Молодые кикуйю», «Молодые кавирондо», «Младоалжирцы» и т.д. Анализ деятельности национально-освободительных движений показывает, что они были направлены как против своих традиционных властей, поддерживаемых старшим поколением, так и против колонизаторов (1).

Социолингвистика в исследовании проблем возраста

Среди лингвистических субдисциплин именно социолингвистика занимается исследованием возрастных моделей возрастного поведения (7), но она только начинает исследовать языковое поведение индивида на протяжении всей жизни. Поэтому лингвистами собрано мало эмпирических данных, которые могли бы быть использованы для изучения

речевого поведения человека в течение его жизненного пути. Фрагментарные наблюдения за возрастными речевыми различиями прежде всего касаются молодежных групп.

Возрастные особенности в использовании языка характеризуются как биологическими, так и социальными аспектами. Детская речь, к примеру, может быть исследована и как стадия в освоении ребенком языка и как стадия при переходе от детской речи к речи более взрослой в связи с социальным развитием ребенка. Иными словами, эта речь может рассматриваться не только как отражение биологического возраста говорящего, но и как **социальный маркер**. Например, мы часто определяем социальную принадлежность тех или иных текстов, сравнивая их с «детским лепетом». Возрастной вариант речи может использоваться говорящими и в ответ на ожидания реципиента, относящегося к той или иной возрастной группе. Поэтому старшие дети и даже взрослые часто используют детскую речь при обращении к детям, а представители всех возрастов используют наиболее формализованный языковой стиль речи при обращении к пожилым людям.

Считается, что индивид осваивает базовую структуру родного языка в первые годы жизни, далее происходит лишь ее усовершенствование. После первоначального усвоения базовой языковой системы, которая заканчивается приблизительно в шесть лет, идет грамматическое и синтаксическое освоение языка. Одно из наиболее важных имеющихся в науке предположений – это предположение о том, что существует критический возраст для изучения языка. Однако исследования показали, что, например, обогащение словарного запаса продолжается по крайней мере до 50 лет. В то же время, хотя освоение грамматического строя языка наиболее заметно в детстве, нет данных о том, что оно не продолжается в зрелые годы. Это же касается и синтаксиса. Наука располагает незначительным количеством данных, характеризующих процесс овладения синтаксическими возможностями языка в зрелом периоде жизни индивида, но есть основания предполагать, что носители языка и в это время развиваются в плане манипулирования сложными синтаксическими и дискурсивными лингвистическими моделями.

Другим направлением усовершенствования владения языком (после усвоения индивидом его базовой структуры в раннем возрасте) является развитие стилового диапазона, которое связано со становлением локальных социальных диалектов. Если базовую структуру дети получают от взрослых, то такие диалекты возникают в среде сверстников. В этом отношении влияние сверстников наиболее сильно в подростковый пери-

од. Именно сам подростковый возраст является основной инновационной силой, обуславливающей образование диалекта. Социальным мотивом языкового поведения данной возрастной группы является стремление подростков отмежеваться от взрослых, подчеркнув подобным образом свою возрастную идентичность.

Наиболее интенсивные изменения в речи характерны для юношества, принадлежащего к низким социальным стратам. Здесь подростки более независимы от родителей, чем дети высших социальных страт, например представители среднего класса. Одним словом, инновационная языковая активность в подростковом возрасте обусловлена прежде всего **возрастной социальной иерархией**. Или, говоря иначе, подчиненное положение юношества стимулирует формирование в его речи языковых символов, обозначающих отрицание подростками существующей иерархии.

Здесь правомерны следующие вопросы: будет ли столь активное языковое обособление юношества оформляться в социальных стратах (или обществах), в которых возрастная иерархия выражена незначительно? И если социальные мотивации лингвистических инноваций одинаковы и для старших возрастных групп, одинаковы ли механизмы возникновения инновационных языковых моделей в разновозрастных группах вообще?

После достижения возрастной зрелости формирование **экстремальных моделей языковых инноваций** идет на убыль. Общепринято считать, что речь становится более консервативной, когда люди начинают трудовую деятельность, т.е. входят в социально активный возраст. Замечено, к примеру, что представители среднего класса раньше начинают корректировать свою речь, избавляясь от юношеских языковых моделей, нежели представители рабочего класса. Представители высшего среднего класса прекращают развитие молодежного стиля речи по мере приближения окончания колледжа, когда они начинают понимать необходимость адаптироваться к речевым формам высших социальных страт. Вхождение индивида в средние лета сопровождается возрастанием стилевого консерватизма его речи.

Так как лингвистическая коррекция связана с социальными ролями, можно предположить, что уход из активной жизни также связан с лингвистическими изменениями. Изменения социальных ролей в данном возрасте необязательно сопровождаются бурными лингвистическими инновациями (для символизации возросшей возрастной солидарности), поскольку в качестве основного средства общения может быть исполь-

зован один из консервативных стилей, характерных для той социально-экономической страты, к которой принадлежит какая-либо группа пожилых людей. В целом научных наблюдений, касающихся процесса формирования языковых диалектов в средней и старшей возрастных стратах, чрезвычайно мало.

Итак, каждый индивид вступает в каждую стадию жизни в «свое время», а не в определенном возрасте (хронологическом), последовательно осваивая одну социальную роль за другой. Поэтому языковое поведение зависит не только от возраста и определенной жизненной стадии, но и от отношения к ролям, которые ассоциируются у человека с данной стадией жизни (возрастом). Можно быть взрослым дома и быть ребенком (юношей) за его пределами. Постепенное движение от роли к роли может быть различным для разных социальных категорий. При этом это различие может быть радикальным.

Не только границы жизненных стадий слабо очерчены, но и **границы возрастных когорт**. Описание когорты будет варьироваться не только в соответствии с историческим временем и местом, но и в соответствии с определенной ее частью. Например, юноши из рабочего класса гораздо интенсивнее функционируют в разновозрастной среде, в то время как подростки из среднего класса преимущественно общаются со сверстниками.

Таким образом, различия в лингвистическом поведении представителей одной когорты опять же могут зависеть от социальных факторов.

Отношения между поколениями также неодинаковы во всех социальных классах, поэтому не все части когорты в одинаковой мере будут вовлечены в инновационную лингвистическую деятельность. Вместе с тем значимые внешние события могут объединять людей различных возрастов в одну когорту, для которой будет характерна особая лингвистическая реакция на эти события (7).

Кросс-культурные исследования в этой области позволят выявить общие закономерности влияния возраста на языковую динамику, но это – дело будущего.

Литература

1. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа современных политических культур государств Тропической Африки. М., 1992.
2. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988
3. Социология молодежи / Отв. ред. П.Т. Лисовский. СПб., 1996.
4. *Age and Anthropological Theory*. Cornell, 1984.

- Cournot A.* Considerations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. P., 1872.
6. *Dromel J.* La Loi des révolutions. P., 1862.
  7. *Eckert P.* Age and Linguistic Change // Age and Anthropological Theory. Cornell, 1984.
  8. *Eisenstadt S. N.* From Generation to Generation. Age Groups and Social Structure. Chicago, 1963.
  9. *Gulliver P.* Age Differentiation // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol.1. N.Y., 1968.
  10. *Gutmann D.* Parenthood: a Key to the Comparative Study of the Life Cycle// In Life-span Development Psychology: Normative Life Crises. N.Y., 1975.
  11. *Gutmann D.* The Cross-cultural Perspective: Notes toward to a Comparative Psychology of Aging. N.Y. 1977.
  12. *Havighurst R.* History of Developmental Psychology: Socialization and Personality Development Throughout the Life-span// Life-span Developmental Psychology: Personality and Socialization. N.Y., 1973.
  13. *Hultch D., Plemons K.* Life Events and Life-span Development// Life-span Development and Human Behavior. N.Y., 1979.
  14. *Lorenz O.* Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben, I Teil. Berlin, 1886.
  15. *Mannheim K.* The Problems of Generations // Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. L., 1952.
  16. *Marias I.* Generations. A Historical Method. Alabama, 1970.
  17. *Neugarten B.* Age Norms, Age Constraints, and Adult Socialization// American Journal of Sociology. 1965.
  18. *Neugarten B.* Adult Personality: Toward a Psychology of the Life Cycle// Middle Age and Aging. Chicago, 1968.
  19. *Ortega y Gasset J.* En torno a Galileo// Ortega y Gasset J. Obras completas. T.V Madrid, 1947.
  20. *Railey M.W.* Overview and Highlights of a Sociological Perspective. Human Development and the Life-course // Multidisciplinary Perspectives. L., 1986.
  21. *Riley M.* Aging from Birth to Death: Interdisciplinary Perspectives. Boulder, 1979.
  22. *Rumelin G.* Über den Begriff und die Dauer einer Generation// Reden und Aufsätze. Tübingen, 1875.
  23. *Sherrod L.R., Brim O.G.* Epilogue: Retrospective Views of Life-course Research on Human Development. Human Development and the Life-course // Multidisciplinary Perspectives. L., 1986.

ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТА В АНТРОПОЛОГИИ

Глава 1

ВОЗРАСТ В ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Задачи физической антропологии

Физическая антропология ставит задачу «понимания эволюции человека, индивидуальных и популяционных изменений, на базе эволюционной теоретической модели, под влиянием биологического, средового и культурного факторов» (11). Проблема возраста имеет важное значение для различных подразделов физической антропологии – экологии человека, человеческой адаптивности, роста и развития, генетики и палеоантропологии, особенно же – для таких, как адаптивность, рост и развитие. При изучении адаптивности человека исследуются способы, посредством которых человеческие популяции приспосабливаются к окружающей среде, а изучение роста и развития предполагает анализ изменений в размерах, формах или пропорциях, функциях человеческого организма и его подсистем. Центральной для многих исследований в этих областях является концепция биологического возраста (БВ).

БВ – это достигнутый отдельным индивидом уровень развития морфологических структур и связанных с ними функциональных явлений жизнедеятельности организма, соответствующий среднему для всей популяции уровню, характерному для данного хронологического возраста (6). В БВ человека выделяется несколько видов возрастов, которые имеют свою шкалу измерения – костный возраст, возраст по телесному развитию и половому созреванию, зубной возраст.

Схема возрастной периодизации онтогенеза человека (АМН СССР, 1965) выглядит следующим образом:

1. Новорожденные – 1–10 дней.
2. Грудной возраст – 10 дней–1 год.
3. Раннее детство – 1–3 года.

4. Первое детство – 4–7 лет.
5. Второе детство – 8–12 (мальчики), 8–11 (девочки).
6. Подростковый возраст – 13–16 (мальчики), 12–15 (девочки).
7. Юношеский возраст – 17–21 (мужчины), 16–20 (женщины).
8. Зрелый: 1-й период – 22–35 (мужчины), 21–35 (женщины).
9. Зрелый: 2-й период – 36–60 (мужчины), 36–55 (женщины).
10. Пожилой – 61–74 (мужчины), 56–74 (женщины).
11. Старческий – 75–90 (мужчины и женщины).
12. Долгожители – 90 лет и выше.

Хронологическая согласованность тех или иных проявлений индивидуального развития имеет общую тенденцию снижения по мере удаления от начальных стадий онтогенеза: временной диапазон прохождения аналогичных фаз роста и развития у растущего организма в первые годы жизни не превышает нескольких недель или месяцев, в период достижения зрелости он составляет 2–3 года, а к началу первых инволюционных изменений измеряется уже пятилетиями, при этом индивидуальные различия в аналогичных фазах старения достигают десятилетий (6, с.5).

БВ определяется посредством экспертной оценки искомого возраста по заданному в отношении конкретного лица. Используются признаки морфометрии тела (длина и масса тела, обхваты груди и бедер), а также бальные показатели степени полового созревания, уровня стертости зубов, оксификации запястья. В подобных исследованиях биологический и хронологический возрасты оцениваются в годах.

Признаки полового созревания выражаются в баллах: развитие волос на лобке, в подмышечной впадине, развитие молочных желез. Установлено, что индивидуальное разнообразие в пределах одной этнотерриториальной группы очень велико. По показателю зубного возраста дисперсность не столь велика, как по показателю полового созревания. Критерии костного возраста наиболее надежно разработаны для растущего организма: уровень окостенения запястья и дистальных эпифизов трёхплечья.

Среда и биологический возраст у детей и подростков

В экстремальных природных условиях (Крайний Север, высокогорье) наблюдается значительное отставание процессов роста, не зависящее от наследственной (этнической) компоненты. Темпы созревания детей и подростков на Памире (таджики Западного Памира и киргизы

Восточного Памира) обнаруживают черты большего взаимного сходства в сопоставлении с контрольными выборками низкогогорья. Развитие молочных желез у таджичек (европеоиды) и киргизок (монголоиды) в 12 лет примерно одинаково. Аналогичен показатель у киргизок низкогогорья и русских Москвы в том же возрасте (90%). В соответствии с гипотезой И.Н. Миклошевской значительная роль в задержке ростовых процессов в условиях высокогорья принадлежит снижению функции щитовидной железы как проявлению адаптивной реакции на характерную для высокогорья гипоксию. Эта реакция сопряжена с понижением темпа сердечной деятельности, замедлением скорости кровотока, общим снижением уровня обменных процессов и артериального давления, повышением концентрации гемоглобина в крови (6, с. 19).

Исследования в популяциях с высоким числом долгожителей показали значительное замедление темпов роста и развития у подростков. Это, в частности, относится к абхазам. Значительное замедление особенно заметно по сравнению с грузинскими детьми этого региона.

Биологический и хронологический возрасты

Анализ соотношения биологического (БВ) и хронологического (ХВ) возрастов является фундаментальным в изучении человеческой адаптивности, роста и развития. ХВ исчисляется временем со дня рождения в той или иной календарной системе. ХВ не подвержен влиянию со стороны среды или генной информации. Поэтому ХВ используется в качестве константы, а иногда в качестве суррогата БВ.

Исследования БВ осуществляются посредством референтной группы, в которой БВ устанавливается эквивалентным ХВ. В такой популяции дети группируются по ХВ, и для каждого ХВ устанавливается уровень развития скелета. Например, репрезентативный уровень развития скелета среди 9-летних детей определяется девятью годами скелетного развития. Поэтому любой другой индивид с подобным уровнем скелетного развития определяется как имеющий 9-летний скелетный возраст. Если же хронологически он достиг 7 или 11 лет, он считается либо опережающим, либо отстающим в своем скелетном развитии. Таким образом, индивиды и популяции проходят в развитии аналогичные стадии, но с различной скоростью, и одному и тому же БВ соответствует разный хронологический возраст. Антропология пытается объяснить этот феномен.

Менструальный возраст – классический пример несовпадения ХВ и БВ. Информация из сотен популяций говорит о том, что менструации начинаются в хронологических пределах 12–18 лет. Азиаты обычно раньше, чем северные популяции, достигают данного возраста, и внутри одного общества женщины, живущие в более комфортных социально-экономических условиях, созревают быстрее. Одним словом, как средовые, так и генетические факторы влияют на этот процесс. Недоедание (пищевой статус) в детстве тормозит менструальный возраст, в то время как переизбыток ускоряет его. Таким образом, оценка разнообразия социокультурных и факторов питания способствует пониманию вариативности хронологического менструального возраста.

Биологический возраст у взрослого населения. Общие проблемы

При оценке БВ у растущего организма не возникает особых трудностей с использованием его абсолютных координат. Во всех случаях в качестве терминала принимаются показатели, связанные с достижением окончательной зрелости данным индивидом. Наиболее поздний признак зрелости в часто используемых биологических возрастных системах – это область ручного запястья в скелете, которая достигает зрелости около конца второго десятилетия (западные популяции). Традиционно физическая антропология предполагала, что адаптация, рост и развитие происходят до молодой зрелости. В настоящее время есть все основания полагать, что адаптация, а также рост и развитие продолжают в течение всей жизни. Однако имеет место недостаток сравнительных данных по поздним стадиям жизни человека.

Фактически все физиологические системы демонстрируют возрастной упадок, или инволюцию в размерах и функциях. Существует мнение, что в качестве основного принципа дефиниции БВ взрослого человека следует принять не удаленность от момента его рождения, но удаленность от момента смерти.

Сведения по западным, а также по иным популяциям показывают, что абсолютные уровни изменений и различий в переменных, отражающих БВ (кровенное давление, сила сжатия кисти, вес, зрение), значительно варьируют от популяции к популяции. Например, среди садоводов Амазонки и Новой Гвинеи кровяное давление с возрастом не увеличивается.

Масаи (Африка) демонстрируют, что, несмотря на огромное употребление в пищу мяса и молока (растительная пища – табу), у людей с возрастом не увеличивается вес (он редко достигает более 60 кг), под-

кожная жировая клетчатка развита слабо, чрезвычайно редки сердечно-сосудистые заболевания, гипертония, случаи коронарной болезни практически не встречаются (однако у 30% увеличена селезенка из-за малярии, у 93% присутствуют серологические признаки сифилиса и др.). Одним словом, в отличие от того, что наблюдается в западных популяциях (т.е. среди европейцев и американцев), процесс старения у масаев характеризуется отсутствием прибавки в весе от 25 до 55 лет, сохранением тонкого слоя подкожного жира, очень незначительным повышением уровня кровяного давления и сохранением низкого уровня холестерина в крови (несмотря на обилие мяса и молока в пищевом рационе) (2, с.15).

Аналогичная картина наблюдается у кочевников-скотоводов Сомали, выпивающих до 5 л молока в день. У них никогда не наблюдалось клинических симптомов сердечно-сосудистых заболеваний. Вес тела и количество холестерина в крови держатся на постоянном уровне с 21 до 70 лет. Вместе с тем городское население Африки по тем же показателям уступает европейцам. Это объясняется дополнительным стрессом, связанным с приспособлением к городской жизни.

В Индии такие переменные, отражающие БВ, как артериальное давление и уровень холестерина в крови у состоятельного населения имело те же кондиции, что у евроамериканцев. У населения сельскохозяйственных районов Индии они близки по значению к показателям сельскохозяйственных районов Африки.

Средовые факторы оказывают огромное влияние на возрастные процессы. В частности, длительный стресс намного ускоряет эти процессы. Например, обследование узников фашистских лагерей показало, что их БВ и темп возрастных изменений опережали ХВ в пределах 20 лет. Оказывают влияние и климатические условия. К югу повышается величина среднего периода старения.

Из всего сказанного можно сделать заключение, что **экзогенные и эндогенные факторы**, участвующие в процессе развития и старения, вероятнее всего, **не идентичны**. Эволюционная логика процессов, определяющих онтогенез, связана с напряженным генетическим контролем фаз, предшествующих репродуктивному периоду, в то же время процессы старения в геноме, возможно, не закодированы. Факт остается фактом: какова бы ни была роль генов, характеризующих различия в процессе старения, — различия в продолжительности жизни обусловлены прежде всего влиянием **внешней среды**. Под внешней средой понимаются не только почвенные, климатические условия, среднегодовая температура и высота над уровнем моря, но и главные социальные факто-

ры: пищевой рацион в детстве и юности, характер образования, профессия, семейные и производственные условия, перенесенные заболевания и массовые токсикомании (курение, алкоголь, пристрастие к телевизору и т.д.). В наши зрелые годы, а иногда и в детстве решается вопрос старости. Иными словами, изучение старости предполагает изучение возрастного процесса на протяжении всей жизни, а не только после выхода на пенсию. Для этого необходимо выработать объективные методы измерения БВ.

Методы измерения биологического возраста

Существует несколько методов измерения БВ.

Поперечный – лежит в основе подавляющего большинства современных исследований, посвященных проблеме старения человека и животных. Речь здесь идет о сравнительном исследовании в каждый момент времени физических и психических функций индивидов, принадлежащих к различным возрастным группам.

Продольный – представляет собой обследование через определенные промежутки времени одной и той же группы индивидов на протяжении всей их жизни, при этом исключаются различия между поколениями (что неизбежно для поперечного метода). Например, при сравнении одновозрастных групп (по хронологическому возрасту) различия в биологическом возрасте могут быть обусловлены неодинаковыми условиями жизни поколения. Так, если поколение пережило голод, то это скажется и на скорости протекания биологических процессов у всех его представителей. Недостаток же продольного метода состоит в том, что наблюдатели могут умереть раньше, чем испытуемые.

Исследование близнецов – при исследовании меры эндогенных и экзогенных влияний на характер возрастных изменений исключительную ценность представляют данные исследований близнецов. В данном случае первые можно принять за константу, на фоне которой можно исследовать экзогенные факторы.

Рентгенографический метод – при определении БВ широко используются рентгенографические показатели изучения костного скелета. Этот метод эффективен в силу простоты оценки и многочисленных аналогий на этапах созревания и старения.

Изучением явления долгожительства занимается **геронтология**. Среди факторов, исторически формировавших это явление в популяции, присутствуют экзогенные, связанные с природно-социальными условиями, и эндогенные, ассоциируемые с семейным долголетием. Исследования показывают, что собственно долгожители и их прямые потомки отнюдь не занимают преимущественного положения в когорте низкой возрастной динамики, но обладают средними или даже повышенными темпами возрастных изменений. В то же время исследования групп с высоким процентом долгожителей показало, что собственно долгожителям присущи некоторые специфические особенности строения тела и функциональных характеристик: обращает на себя внимание сходство долгожителей по типу телосложения, общая слабая отягощенность болезнями, устойчивый и активный темперамент и образ жизни. Немаловажную роль играет общая атмосфера геронтофилии, характерная для общности с повышенным долголетием. Одним словом, процессы взросления у долгожителей мало отличаются от таковых у соплеменников, но в то же время заметно притуплены проявления возрастной патологии.

Глава 2

ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЗРАСТА В АНТРОПОЛОГИИ

Возраст в «примитивных обществах»

Существует мнение, что интерес к проблеме возраста изначально возник именно в антропологии, а затем был заимствован другими науками, прежде всего психологией и социологией. Изучая «примитивные общества», ученые впервые столкнулись с возрастом в качестве главного структурообразующего принципа. Здесь он прослеживается в организации практически всех форм социальной жизни – в отличие от индустриальных обществ, где он представлен лишь в отдельных институтах или их подразделениях.

В рамках этих исследований впервые была осознана необходимость определить само понятие возраста, так как сведения, полученные учеными, заставляли по-новому посмотреть на, казалось бы, очевидные вещи. К примеру, антропологи столкнулись с фактом несоответствия изучаемых ими институтов, которые сами «туземцы» определяли как

возрастные, реальному (биологическому) возрасту входивших в них людей.

Также была замечена нечувствительность представителей этих обществ к определению хронологического возраста. До сих пор в ходе полевых исследований на вопрос о количестве прожитых лет, как правило, звучал стандартный ответ: «Кто их считал, мои года!». Это натолкнуло ученых на проблему о связи понятия «возраст» с характерными для той или иной культуры временными представлениями и категориями.

Бросалось в глаза сравнительно позднее появление понятия хронологического возраста. Причина этого феномена заключалась в том, что бесписьменные культуры фиксировали не длительность и необратимость, а ритмичность, повторяемость, цикличность процессов. В результате течение жизни воспринималось архаическим сознанием не как линейный, а как циклический процесс. Причем субъектом его считался не отдельный индивид, а коллектив (род, племя, община). Поэтому носители бесписьменных культур не знали своего индивидуального хронологического возраста и не придавали ему существенного значения. Им вполне достаточно было указания на коллективный возраст, факт своей принадлежности к определенной возрастной степени или классу, порядок старшинства, часто выражаемый в генеалогических терминах.

Подобная ситуация и сегодня отчетливо фиксируется антропологами. В частности, полевые исследования, проведенные в Абхазии в конце 70-х начале 80-х годов по вопросам геронтологии, показали, что носители культуры, в особенности старики, указывая на свой возраст, как правило, завышали его реальную величину, называя по преимуществу цифру сто и более. Такая практика отмечалась антропологами и в ходе их работы в других культурах. Это, как минимум, свидетельствовало о том, что хронологический возраст, т.е. возраст, выраженный в категориях линейного времени, имеет особенное, не такое как у представителей европейских культур, значение. Складывалось впечатление, что число сто имело не столько реальное, сколько метафорическое значение, выражающее принадлежность к социальному статусу стариков, обладающих в данной культуре высоким престижем.

Иными словами, абхазы через линейную форму выражения времени, содержание которой для них не имело принципиального значения, подчеркивали (используя число сто и более) свое высокое социально-возрастное положение. Это положение зависело отнюдь не от хронологии, а прежде всего от принадлежности к определенному поколению.

Данное явление можно трактовать и как диалог различных культур, когда одна культура стремится выразить свои ценности, используя ценности иной культуры, не имеющие для нее самой никакого значения.

Одним словом, сам факт подобного завышения возраста нельзя рассматривать лишь как стремление носителей подобных культур ввести ученых в заблуждение. Здесь сталкиваются две системы понимания возраста, обусловленные, в свою очередь, различными временными представлениями, свойственными этим культурам, – **традиционная**, понимающая возраст как последовательное изменение социального статуса в процессе жизненного пути, и **современная**, предполагающая измерение жизни человека в определенных единицах времени от момента рождения до определенного момента во временном континууме.

В частности, именно шкала социально-возрастной динамики служила для носителей традиционных культур временным эталоном, посредством которого они измеряли окружавшую их реальность. Например, абхазские старики при ответе на вопрос ученых о том, сколько им было лет во время того или иного знаменательно события в прошлом (как правило, в качестве такого события назывался «большой снег», выпавший в начале XX в., когда его покров, по рассказам информантов, доходил до крыш абхазских жилищ), точно определяли свой возраст, но опять же не в категориях линейного времени, а того социального статуса, в котором они пребывали тогда: «был (была) пацаном (девчонкой), бегала со сверстниками по крышам домов и т.д.», т.е. подчеркивалось отсутствие социальных обязанностей, в данном случае – забот по преодолению бедствия. Исследователь же, как носитель иных представлений о возрасте, задавал данный вопрос, чтобы «пересчитать» возраст, понимаемый им в рамках его культурной системы прежде всего как хронологический феномен.

Подобного рода вопросы являлись частью исследовательского метода по верификации возраста (хронологического). Здесь же следует отметить, что в традиционных культурах именно возраст (прежде всего социальный) служил в качестве шкалы времени, к которой привязывались события, запечатлевшиеся в памяти людей.

Таким образом, на данном примере видно, что исследователь пользуется знаменательным событием в качестве ориентира (точки отсчета) для определения продолжительности жизни индивида (т.е. его возраста), носитель же абхазской культуры, наоборот, свой возраст использует в качестве временной шкалы для определения во времени данного собы-

тия. Иными словами, налицо различие в понимании возраста в зависимости от господствующих в сознании представлений о «времени».

Открытие социальной антропологией систем возрастных групп как формы организации общества подтверждало их древнейшее происхождение, устанавливало связь этих групп с тайными союзами и мужскими домами, обнаруживало их регулирующую функцию в системе брачных отношений. Важной теоретической проблемой в рамках антропологии стал вопрос о соотношении возрастной и родственных организаций, т.е. двух фундаментальных основ, на которых базируется социально-политическая структура традиционного общества.

Начало изучению социально-возрастных структур в этих обществах было положено известными антропологами *Л. Фробениусом* (15) и *Г. Шурцем* (17) в конце XIX в. Л. Фробениус видел причину возникновения возрастных групп в «примитивных обществах» в стадном инстинкте, определившем психологию людей на ранних стадиях социогенеза. Этот инстинкт, по его мнению, способствовал объединению членов общества в группы по возрасту: тайные союзы, школы инициации, мужские дома. Действительно, связь между перечисленными институтами сегодня не вызывает у антропологов сомнений.

Г. Шурц видел причину возникновения возрастных классов в конфликтах между старшими и младшими – конфликтах, обусловленных психофизиологическими причинами. С его точки зрения, именно антагонизм способствовал тому, что люди объединялись в группы по возрасту. Шурц рассматривал возрастную стратификацию в данных обществах как исключительно мужской институт, противостоящий женским родовым институтам. По его мнению, мужчины, обладая от природы чувством взаимной солидарности, создавали организованные группы, сначала возрастные, из которых затем развились мужские дома, а позднее – тайные союзы. Женщины же в силу их природной неспособности к товариществу оставались верными хранительницами кровно-родственных связей. Шурц справедливо полагал, что возрастные классы (группы) – древнейший тип объединений в обществе. Деление общества на возрастные классы устанавливало брачные нормы и способствовало развитию военной организации. Возрастные классы, с его точки зрения, эволюционировали в мужские дома, а затем в тайные союзы.

Г. Кунов изучал возрастные группы примитивных обществ на примере австралийских аборигенов (13). Он считал, что система этих групп была в основном предназначена для регулирования брачных отношений. Он обратил внимание на то, что термины «отец», «брат» и др. (т.е. тер-

мины родства) употреблялись австралийцами в сочетании с местоимениями «наш», а «не мой», и на этом основании пришел к выводу, что индивидуальное родство не имело места в более ранние периоды. Эти термины отражали, с его точки зрения, не родственные отношения, а возрастные.

Среди отечественных ученых данным проблемам уделит внимание *С.П. Толстов*. В своей статье «К истории древнетюркской социальной терминологии» (1938 г.) он проанализировал термин «тюрк» и показал, как постепенно происходила трансформация значения этого термина – от первоначального обозначения возрастной группы воинов до собирательного этнического названия. Автор также связал возрастные группы и тайные союзы с процессом становления этноса. У туркмен он обнаружил следы возрастной организации в разделении мужчин на холостых воинов, живших в специальных лагерях, и на женатых, живших в поселениях, отдельно от воинов. Толстов провел сравнительный анализ данных аспектов социально-возрастной организации у туркмен и аналогичных – у восточно-африканских банту.

Ближкие результаты были получены *С.Б. Чернецовым*. Занимаясь этногенезом амхара (Эфиопия), он пришел к выводу, что первоначально понятие «амхара» использовалось по отношению к неженатым мужчинам, т.е к социально-возрастной категории, составлявшей воинские отряды. Участвуя в военных походах, они «оседали», образуя целые поселения, впоследствии жители этих поселений стали отождествлять себя с этнической общностью «амхара» (10).

А.А. Попов исследовал следы социально-возрастной организации у долган (9). Он обратил, в частности, внимание на такие мужские институты, как «воины» и «стражи имущества». Последний институт составляли мужчины старшего поколения, хранившие все накопленные обществом ценности и распоряжавшиеся ими. Попов связывал разделение общества на возрастные социальные страты с хозяйственной деятельностью. Следы социально-возрастного деления у народов Средней Азии обнаружила *К.Л. Задыхина* (4). *Н.А. Бернштам*, разрабатывающая проблемы возраста в русской культуре, в частности, выделила социально-возрастные группы, определявшие традиционную организацию крестьянской общины (1).

Эти исследования, помимо анализа этнокультурных особенностей возрастного процесса в различных традиционных социумах, поставили ряд теоретических вопросов:

- о причинах, обусловивших на ранних этапах эволюции доминирование возрастного принципа в структурировании социума;
- о степени отражения известными науке этносами (с ярко выраженными возрастными институтами) общей закономерности, присущей общественной эволюции, иначе говоря, вопрос о том, можно ли утверждать, что любой социум в процессе своего развития обязательно проходит стадию, когда его социальная структура базируется исключительно на возрастных институтах.

Были поставлены также вопросы о соотношении возрастных структур и других аспектов социальной организации, а именно: родственных объединений, мужских домов, тайных союзов и т.д.

Таким образом, изучение традиционных обществ во многом способствовало утверждению возрастной проблематики не только в антропологии, но и в социологии и психологии. Остановимся теперь подробнее на анализе возраста и возрастной стратификации некоторых народов Восточной Африки, поскольку именно общества этого региона впервые привлекли внимание ученых с данной точки зрения – здесь возрастной принцип в качестве структурирующего всю социальную систему воплотился наиболее последовательно, к тому же социально-возрастные институты сохранились до настоящего времени.

Благодаря научным работам, посвященным изучению данных обществ, возрастная тема заняла прочное место в классической социальной (культурной) антропологии (7).

Возрастная система «гада»

Одним из первых этносов, который попал в поле зрения антропологов (с точки зрения наличия в его социальной структуре системы возрастных классов) были галла (или оромо) Эфиопии. Европейцы получили представления об этой системе («гада») из «Хроники галла», составленной эфиопским монахом Бахреем в XVI в. Галла (оромо) были кочевниками-скотоводами, которые в конце XVI в. вторглись в пределы Эфиопии. В конце XIX в. области расселения галла были включены в состав империи Менелика II. Многие видные ученые занимались проблемой галла, их социальной организацией. Среди этих ученых – Л. Фробениус, Х. Шуц (конец XIX – начало XX вв.), Е. Черулли (30-е годы XX в.), А. Легессе, из отечественных ученых – Д.А. Ольдерогге, К.П. Калиновская, В.М. Мисюгин, С.Б. Чернецов, Р.М. Янборисова.

Один из центральных вопросов, интересующих исследователей, – это вопрос о происхождении института возрастных классов в обществах Восточной Африки. Довольно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой возрастные классы, зафиксированные этнографами у галла и других народов этой части континента, были привнесены в их культуру «хамитами» – пришельцами из Аравии, совершенно отличными от негроидов по своему физическому типу и культуре. Против этой точки зрения активно выступил отечественный исследователь Д.А. Ольдерогге, который, в частности, пришел к выводу, что система «гада» – это «система возрастных классов, хорошо известных у множества племен всего мира, находящихся на стадии родового строя» (5, с.85–197).

В.М. Мисюгин использовал хронику галла для исторической реконструкции архаической социальной организации, построенной на возрастном принципе, которая во времена Бахрея, по мнению ученого, во многом утратила свои характеристики. Мисюгин считал, что подобный тип социальной организации имел универсальное значение для обществ ранних стадий родового строя (8). Это мнение во многом определило дискуссию среди отечественных ученых, которая развернулась на страницах журнала «Советская этнография» в 1981–1982 гг. (№ 6, 1), в которой приняли участие видные ученые Д.А. Ольдерогге, И.С. Кон, Н.А. Бутинов, К.П. Калиновская, В.А. Попов, Н.М. Гиренко. Противоположное мнение заключалось в том, что хотя нельзя отрицать активное действие принципа возрастной стратификации в обществах первичной формации, однако нельзя и утверждать обязательное существование конкретных, отдельных форм социальных институтов, в частности по типу «гада» у всех социумов известной стадии эволюции (3).

«Гада» – мужской институт. Вся мужская часть общества разделяется на десять групп. Каждая группа проходит через пять степеней системы, пребывание в каждой насчитывает восемь лет. Через каждые восемь лет одна группа выходит из системы «гада», а сформировавшаяся новая группа вступает в нее. Каждая группа проходит **все пять степеней** за 40 лет:

первая – подготовительная: члены этой социально-возрастной группы участвуют лишь в незначительных церемониях;

вторая – группа молодых воинов;

третья – группа старших воинов;

четвертая – «правительство», на этой стадии все мужчины подвергаются обрезанию и после этого получают право иметь детей;

пятая – старейшины.

Вступающие в «гада» являются сыновьями тех, кто выходит из пятой степени системы, т.е. группу отцов от группы сыновей отделяют 40 лет. Первоначально, как предполагается, все галла включались в систему с самого рождения: первая группа – до 8 лет, вторая – с 8 до 16 лет. Тем, кто входит во вторую группу, разрешалось общаться с женщинами, но запрещалось жениться. Третья группа – мужчины от 16 до 24 лет. Им разрешалось жениться, но запрещалось иметь детей. Четвертую составляли мужчины 24–32 лет. Из числа представителей этой группы избирался вождь, руководивший военными походами, а также хранитель символов власти и глава ритуалов. Пятая группа – те, кому 32–40 лет. Это группа ритуальных отцов, знатоков традиций. От них входившие в первую степень системы «гада» получали общее для всех членов группы имя.

Таким образом, на границах, т.е. в начале и конце пятистепенного цикла системы «гада», постоянно находятся группа «отцов» и группа «сыновей», или два поколения: старшие и младшие, которых разделяют 40 лет. Родство между ними носит социальный смысл, а не кровнородственный. Старшие мужчины руководят хозяйственной деятельностью (исполнительная власть), старейшины – идеологической практикой (законодательная власть).

Во времена Бахрея кровнородственное начало в социальной организации галла было уже достаточно сильным, что обусловило переход социально-управленческих функций от старейшин в пятой степени (первоначально всех мужчин, достигших определенного возраста) к главе семейства – патриарху. Теперь перерыв в 40 лет исчисляется не по отношению к ритуальному отцу, а по отношению к отцу реальному (кровному). К примеру, если *А.* становится отцом в 24 года, то его сын вступит в систему через 40 лет после вступления в нее своего отца, т.е. в 16 лет, и закончит пребывание в первой степени в 24 года. Во втором классе он пробудет до 32 лет, в третьем – до 40, в четвертом – до 48 и пятом – до 56 лет.

Одним словом, несмотря на то, что степени продолжают называться возрастными, возрастной состав любой из групп каждой степени варьирует очень широко, т.е. группа практически не имеет реальных возрастных границ.

Рассмотрим теперь систему возрастных групп (классов) народа ньякюса (по материалам 18). Ньякюса – небольшой народ (около 150 тыс. человек), живущий в Танзании на северо-западном берегу оз. Ньяса. Основные виды хозяйственной деятельности – земледелие и скотоводство. Традиционными культурами являются просо, маис, бананы, горох, батат. С приходом европейцев ньякюса начали культивировать рис и кофе. Разводят скот – зебу. Скот – самое ценное достояние. Он дает человеку возможность жить в достатке, вступить в брак, завоевать уважение окружающих, устраивая праздничные пиры. Скот распределяется между родственниками по мужской линии.

Территориально места расселения ньякюса делятся на несколько районов, во главе каждого стоят вожди, сыновья и внуки которых являются старостами деревень. Жителями деревень являются сверстники, а не родственники. Мальчики-сверстники строят деревню сообща и остаются вместе на всю жизнь. Девушки, выйдя замуж, присоединяются к деревне своих мужей. Брак между родственниками запрещен.

От 6 до 11 лет мальчики обычно живут в домах своих отцов и пасут скот. В 10–11 лет они оставляют скот своим младшим братьям, а сами начинают работать на полях. Теперь мальчики больше не ночуют в домах со своими родителями. Отцы дают им участок земли рядом с деревней, и мальчики строят там свои хижины из тростника, каждая на 2–3 человека. Пока подросток не женится, он обрабатывает поле своего отца и ест пищу, приготовленную его матерью, в доме отца. Однако ночует он в своей деревне вместе со сверстниками. Основать деревню может всего дюжина подростков. В течение нескольких лет к ним присоединяются их младшие братья. Когда старшие члены новой деревни достигают 16–18 лет, прием в деревню новичков прекращается.

В деревнях более старших подростков начинают жениться примерно в 25 лет. Участок остается прежним, но дома строят теперь каждый себе отдельно и большего размера. Через восемь лет после женитьбы молодые мужчины получают от своих отцов управление всей землей ньякюса. Передача власти одним поколением другому происходит на церемонии «убусока» (выход). Здесь производится инициация всех молодых мужчин. Церемония включает такие мероприятия:

1. Общественное признание деревень молодых мужчин и выборы руководителей.

2. Магическое обращение молодых вождей к верховному божеству с просьбой сделать их великими и сильными.
3. Общественное признание двух главных молодых вождей.
4. Военный поход за скотом.
5. Организация новых (возрастных) деревень.
6. Женитьба молодых вождей.

Когда старшие сыновья группы сверстников достигают 30–35 лет, старому вождю всех ньякьюса предлагают устроить «выход» сыновьям. Вождь произносит: «Я слишком стар, чтобы вести людей на войну и кормить их. У меня нет скота, теперь вы (молодые) достаточно сильны, чтобы делать это». Есть свидетельства, что вождя удушали старосты деревень.

Всегда в жизни ньякьюса существуют три поколения: первое – деревни сверстников умершего вождя, старосты которых имеют ритуальные функции, второе – деревни зрелых мужчин, сверстников правящего вождя, чьи старосты обладают административными функциями (военными), и третье – деревни мальчиков и юношей, сверстников наследника вождя, которые еще не проходили церемонии «выхода».

Деревни классифицируются как деревни «наших отцов», «наших старших братьев» и «наших сыновей». Наряду с возрастной существует и родственная организация. Различие между соседями и родней четко выявляется при заключении брака, при проведении ритуалов, в контроле за скотом. Родню объединяют общие интересы наследства, брачный выкуп, совместная обработка земли, а также вера, что между родственниками существует сверхъестественная связь (культ предков). Соседи по деревне связаны тем, что живут и владеют одной землей, объединяются для выпаса скота и для общей защиты от врагов.

Женщины не образуют возрастных групп. Они приходят в деревню своих мужчин из разных деревень. Мужчины наследуют жен своих братьев и продолжают жениться на молодых, пока сами не состарятся. Мужчины деревни не имеют права на жен своих сверстников, хотя называют их женами. Девочки «обручаются» очень молодыми, а после наступления зрелости сразу выходят замуж и переходят в возрастную деревню мужа.

По нормам наследования ньякьюса скот переходит не прямо от отца к сыну, а от брата к брату до тех пор, пока последний не умрет, и только тогда семейное стадо переходит к сыну самого старшего из братьев, как правило, уже взрослому мужчине. Таким образом, семейный скот контролируется старшими мужскими родственниками, они

делят семейное стадо при заключении брака. Право распределять достояние семьи приобретает с возрастом. Получив в свое распоряжение унаследованный скот, старший в семье мужчина может продолжать жениться, так как у него появляются для этого материальные ресурсы.

М. Вилсон в 30-х годах XX в. наблюдала картину деградации традиции смены поколений. У ньякьюса замена старого вождя не была проведена, и все его поколение продолжало находится у власти. Оно не обеспечивало скотом следующее поколение, без чего его представители не имели возможности вступить в брак, а значит, повысить свой социальный статус. Вождь, который был стариком, продолжал, тем не менее, вступать в брак и говорил о своих 40-летних сыновьях, что они еще «мальчики». Это во многом объяснялось колониальной политикой европейцев, опиравшихся на лояльного им вождя и заинтересованных в том, чтобы он продолжал править. Вождь же, в свою очередь, также использовал колониальную ситуацию, чтобы продлить свое привилегированное положение.

Если раньше, как можно предположить, возрастные деревни были родственными, то в наблюдаемое антропологами время переход сына в деревню «отцов» был сопряжен с получением им наследства, а тем самым нарушался принцип формирования деревни «по возрасту».

Возрастная система нуэров

В системе нуэров (см. материалы 14) нет возрастных степеней для мальчиков, воинов, старейшин, через которые проходили бы все возрастные группы. Система возрастных групп объединяет всех мужчин, аналогичные группы образуют женщины.

Мальчики входят в определенную возрастную группу при рождении или после инициации (14-16 лет). Время инициации зависит не только от возраста, но и от благосостояния семьи, так как она требует от семьи больших затрат. Сверстники группами проходят обряд инициации, получают групповое имя, знаки отличия (насечки на лбу), новые права и обязанности. Если мальчики пропустили инициацию, то должны ждать следующего «открытия», поэтому можно встретить взрослых мужчин без насечек на лбу и мальчиков с насечками.

До прохождения инициации подросток не признается мужчиной, а следовательно, не допускается к скоту, не имеет права носить копье, принимать участие в походе, жениться. У нуэров, таким образом, существуют две фиксированные возрастные степени: мальчики и мужчины.

Вся система власти и управления строится на возрастном принципе. Старшие осуществляют руководство. Совет старейшин составляют главы семейств, имеющие много скота и обладающие поддержкой многочисленных родственников. Они распределяют земли, разрешают споры и тяжбы. За ними всегда остается окончательное решение по любому вопросу.

Чтобы принять участие в инициации (и вместе с группой достичь степени «мужества»), мальчики должны получить согласие своего отца, так как отец обеспечивает церемонию скотом. Затем мальчик должен получить одобрение на церемонию всей группы своего отца. Руководит инициацией старейший из старшей возрастной группы.

Любая возрастная группа является экзогамной. Существовал строгий запрет жениться на дочери своего сверстника, т.е. «брата» по возрастной группе. Будучи «братьями» по возрастной группе, дети каждого считались детьми всех.

Литература

1. Бернштам Н.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988.
2. Бульер Ф. Определение биологического возраста человека. Женева, 1973.
3. Гиренко Н.М. Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации // Советская этнография. 1981 № 6.
4. Задыхина К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. Родовое общество // Труды Института этнографии. Т.14. М., 1951.
5. Ольдерогге Д.А. Население и социальный строй // Абиссиния. М., Л., 1936.
6. Павловская О.М. Биологический возраст у человека. Экологические аспекты // Итоги науки и техники. Т.1. М., 1985.
7. Капиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976.
8. Мисюгин В.М., Чернецов С.Б. «История галла» как этноисторический источник // Africana. 1978. Вып. XI.
9. Попов А.А. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1937 № 5.
10. Чернецов С.Б. Кто такие «амхара» // Этническая история Африки. Л., 1977
11. Beal C. Theoretical Dimensions of a Focus on Age in Physical Anthropology // Age and Anthropological Theory. L., 1984.
12. Cerulli E. Peoples of South-West Ethiopia and its Borderland. L., 1956.
13. Cunov H. Verwandschafts-Organisationen der Australneger. Stuttgart, 1894
14. Evans-Pritchard E.E. The Nuer: Age-Sets. // Sudan Notes and Records. 1936. Vol. XIX.
15. Frobenius L. Die Masken und Geheimbunde Afrikas. Halle, 1898.
16. Legesse A. Gada. Three Approaches to the Study of African Society. N.Y 1973.
17. Schurz H. Altersklassen und Mannerbunde. Berlin, 1902.
18. Wilson M. Good Company. A Study of Nyakyusa. Age Villages. L., N.Y 1951.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ, ПОДХОДЫ

Общая характеристика проблем

Современная антропология не потеряла своего интереса к изучению обществ с так называемыми возрастными классами. Однако сегодня перед учеными стоят новые вопросы, навеянные новыми подходами. В первую очередь это вопросы, связанные с отношением формализованных возрастных систем (возрастных классов) к другим аспектам социальной организации (прежде всего к структурам, базирующимся на родственном принципе). Расширяются представления о географической локализации обществ с формализованными возрастными системами. Например, подобная социальная организация была обнаружена и изучена в некоторых этнических группах Центральной Бразилии.

Сегодня антропологи, исследуя данные общественные системы, обращают внимание на несоответствие между нормами поведения, которые предписывались членам данных возрастных групп (классов), и их реальным поведением. Традиционно возрастные институты всегда рассматривались как **эгалитарные «братства»**. Однако в реальности их члены далеко не всегда разделяли принятые в таких обществах ценности. Если подобное поведение было характерно для членов юношеских групп, то в стратах средневозрастных оно могло ослабевать под влиянием нарастания социальной дифференциации, основанной на различиях в материальных ресурсах, числе жен и детей и т.д.

Изучая традиционные общества, с их институализированными возрастными группами (классами), антропологи уделяли главное внимание иерархическому аспекту отношений возраста, которые определялись ими как **геронтократии**. Иными словами, считалось, что в них необходимо доминировали старшие возрастные страты. Более поздние исследова-

дования, однако, показали, что один только возраст не гарантировал человеку преимущественного положения в обществе, определявшегося материальными и социальными ресурсами, которые индивиду удалось сосредоточить в своих руках на протяжении всего жизненного пути. Одним словом, возраст служил важной предпосылкой для социального продвижения, но не был предписанной гарантией.

Таким образом, рассмотрение геронтократий под углом зрения концепции жизненного пути делает их не столь экзотическими и дает возможность сравнивать их с современными обществами. В последних, как предполагается, старшие социальные возрастные группы также стремятся к аккумуляции и защите своих интересов путем организации различного рода сообществ.

Кросс-культурные исследования также акцентируют внимание на различиях, фиксируемых в традиционных культурах, между двумя категориями старых людей: «пожилых» и «дряхлых», статус которых в обществе был далеко не одинаков.

В заключение отметим, что в своих ранних работах, посвященных изучению традиционных обществ с их институализированными возрастными группами (классами), антропологи почти всегда обращались к описанию жизненных циклов изучавшихся ими этносов. Любая этнографическая работа содержала главу «Жизненный цикл» и такие разделы, как «Детство», «Зрелые годы» и «Старость». Здесь давалось описание норм, характерных для того или иного возраста, но сам **жизненный путь – как особая единица культуры** – не рассматривался. Следует также отметить, что если в этих работах главное внимание уделялось молодежи, то многие последние работы посвящены изучению старших социально-возрастных групп в обществах данного типа.

Данные подходы, направленные на изучение жизненного пути человека (**индивидуальный аспект**) и возрастной социальной стратификации (**общественный аспект**), дают новые ориентиры антропологическому изучению феномена возраста как на эмпирическом, так и теоретическом уровнях.

Первый подход предполагает изучение жизненного пути как единицы культуры. Исследование этнокультурной специфики общественных явлений является одной из первостепенных задач антропологии. В настоящее время эмпирических исследований, которые «документировали» бы различные культурные формы этого пути и его структуру, очень мало. Короче говоря, стоит вопрос об изучении различных культурных «теорий» жизненного пути. Здесь необходимы данные как по

физической антропологии, поскольку биологические возрастные процессы во многом детерминированы культурой, так и данные о возрастных дефинициях, выработанных той или иной культурой. Изучение возрастных дефиниций в конкретной культуре может объяснить социальные явления и процессы. По мнению *З.Ф. Надея* (52, с.18–29), проводившего полевые исследования в Судане, большее число выделяемых культурой возрастов и, таким образом, большая адекватность социального и биологического возрастов уменьшают вероятность конфликта между старшими и младшими мужчинами. Теоретический интерес в рамках исследования жизненного пути антропологией представляет установление причин, которыми обусловлено выделение того или иного количества культурных дефиниций этапов возраста.

Конфликт, о котором мы упомянули, уменьшается, по мнению ряда исследователей, при наличии выделяемых культурой стадий жизненного пути до физического рождения и после физической смерти. В частности, это сказывается на отношении к старикам. Забота о них в таких культурах рассматривается не как моральная обязанность поддерживать иждивенцев, а как своего рода обмен «услугами». Доброе отношение к старикам гарантировало, что после смерти, перейдя в статус предка и обрета, таким образом, сверхъестественные возможности по воздействию на судьбу своих живых потомков, они ответят последним аналогичным образом.

Осуществляются и кросс-культурные исследования, ориентированные на формулирование универсальных закономерностей, присущих индивидуальному возрастному процессу. *Д.Гутман*, например, провел сравнительные исследования среди майя, навахо, израильских друзов, чтобы проверить гипотезу, по которой личностные изменения являются универсальным свойством на протяжении всего жизненного пути человека и, частности, пришел к выводу, что женщины с возрастом становятся более самостоятельными, агрессивными, соревновательными и деятельными. Мужчины же, наоборот, становятся пассивными, экспрессивными и зависимыми (46).

Второй (стратификационный) подход поднимает проблему возраста на общественный уровень. Работы в этой области сконцентрированы на взаимосвязях возрастных ролей с другими принципами социальной организации. Продолжается изучение возраста как принципа, лежащего в основе эгалитарных отношений. Если раньше их появление связывалось с половозрастным разделением труда, то в настоящее время исследователи склонны видеть в подобного рода отношениях реакцию

возрастных групп на униженное положение их членов в других общественных подразделениях, в частности в коллективах, основанных на принципе родства (семье).

Появление одновозрастных групп в индустриальном обществе также наводит на мысль, что контакт со своими сверстниками способствует гармонизации отношений в семье. Вместе с тем существует точка зрения, что возрастные узы, определяющие взаимодействие людей, ослабевают по мере возрастания роли других принципов дифференциации в обществе. Сравнительные исследования также дают основания предполагать, что возрастной эгалитаризм имеет свое не столько возрастное, сколько социальное происхождение. Он появляется среди тех возрастных групп, которые полностью отстранены от главных общественных ресурсов и от принятия управленческих решений. Обитатели многих старческих богаделен в США, Франции и Англии образуют сообщества, чьи эгалитарные нормы часто выражаются такими вербальными формулами, как «Мы все здесь старые люди» (50, с.16). Поэтому возрастной эгалитаризм фиксируется как в возрастных сообществах, еще не достигших возраста социальной зрелости, так и прошедших его. Одним словом, возрастной эгалитаризм рассматривается как реакция представителей данных возрастов на низкий статус в обществе.

Возрастной эгалитаризм особенно резко ослабевает в отношениях между людьми среднего возраста. Этот возраст является наиболее продуктивным в жизни людей, и, вероятно, поэтому в данный период они отдают предпочтение не возрастным, а другим формам общественной лояльности.

Растет число исследований, ориентированных на выявление роли возраста в различных общественных сферах. Современный человек одновременно принадлежит ко многим общественным коллективам и институтам. Причем в каждом из них роль возраста в определении его положения может быть различной. В семье измерение индивидуальной социально-возрастной позиции основано прежде всего на принадлежности к генеалогическому поколению, в то время как за пределами дома, в сфере общественно-трудовой деятельности, — на хронологическом возрасте. В теоретическом плане эта проблема исследуется как взаимосвязь возрастных позиций в обеих областях социального действия. Предполагается, например, что хронологическое измерение возраста захватывает домашнюю сферу только тогда, когда развитие политической организации в обществе достигает государственного уровня.

Исследуется и корреляция между организационными принципами, определяющими социальную жизнь внутри домохозяйства, с одной стороны, и за его пределами – с другой, когда появляются возрастные группы, связующие эти общественные сферы. Считается, что чем сильнее различия в организационных принципах между домашней и публичной структурами, тем вероятнее возникновение в обществе разновозрастных социальных объединений.

В настоящее время антропология активно занимается изучением субкультур (молодежных, армейских, криминальных и т.д.). Интерес к ним вызван прежде всего тем, что в них отчетливо выражена социально-возрастная стратификация, во многом напоминающая «примитивные» сообщества. Причины структурных аналогий кроются, по всей видимости, в характере взаимоотношений структур с окружающей средой. Если «примитивные общества», стремясь сохранить свою целостность, противостояли природе, то данные субкультуры противостоят основному обществу, с которым у них складываются враждебные отношения. В результате эти субкультуры выступают в качестве своего рода «изолятов» внутри общества, которые ориентированы, как, впрочем, и «примитивные» сообщества, на простое воспроизводство форм деятельности. Иными словами, социальная структура тех и других формируется на базе прежде всего критерия выживания во враждебных условиях окружающей среды. Будучи принципиально стратифицированной по возрастному признаку, каждая субкультура представляет собой уникальный вариант реализации этих отношений, что опять же не может не привлекать интереса антропологов.

Таким образом, отличительной чертой антропологического изучения возраста является сегодня ориентация на выявление его **социокультурных вариантов**, а также определение на базе кросс-культурного анализа **универсальных закономерностей**, связанных с возрастом как на общественном, так и индивидуальном уровнях. Изучение взаимодействия между биологическим и социокультурным аспектами возраста для объяснения человеческого возрастного поведения – главный принцип, на котором строятся современные антропологические исследования. Антропология может внести особенно существенный вклад в понимание возраста в связи со становлением норм поведения, символом и ритуалом, браком и семьей, родственными отношениями, властью и конфликтом.

АНТРОПОЛОГИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ

*Возраст и становление первых социальных норм
(эволюционный аспект)*

Этнографические материалы по различным народам мира, сохранившим архаические принципы организации жизни, дают основание предполагать, что возраст играл главную роль в процессе возникновения первых поведенческих норм на самых ранних стадиях социогенеза.

Социально-экономические предпосылки, определявшие этот процесс, представляются следующими. Возникновение социальной кооперации как формы организации материи, неизбежно сопровождалось **формированием иерархии между ее элементами**. Известно, что принцип иерархичности является основополагающим для любой сложной самоуправляемой системы. Он обеспечивает упорядоченность ее элементов, необходимую для сохранения ее целостности и воспроизводства во времени и пространстве. Иерархия в человеческом обществе проявляется в неодинаковом распределении между индивидами (группами) властных ресурсов, которые позволяют одним доминировать над другими, т.е. навязывать свою волю последним. Исторически первым принципом, определявшим иерархию в социальных сообществах, был возрастной.

Социально-экономической базой для возникновения подобной формы иерархических отношений между людьми на ранних стадиях была естественно возникшая система разделения труда, при которой возрастные различия людей имели решающее значение. Только физические возможности и жизненный опыт могли служить главным гарантом успеха производственной деятельности, сводившейся преимущественно к добычанию пищи.

Обретение этих качеств происходило в процессе взросления человека. Поэтому самые ответственные и трудоемкие работы по поддержанию жизнедеятельности людей неизбежно ложились на плечи наиболее дееспособных мужчин, сильных и опытных, которые становились естественными лидерами первобытных коллективов. Те, кто был младше, и старики не могли столь же активно участвовать в производственном процессе, поэтому они выполняли различные подсобные работы. Количество добываемой коллективом пищи служило естественным регулятором численности коллективов, и они, вследствие низкого технического

уровня орудий труда, пребывали в состоянии перманентного дефицита пищевых ресурсов. Поэтому приходилось регулировать их численность зачастую искусственным образом. Видимо, это послужило причиной возникновения традиций, связанных с убийством стариков и детей, – традиций, зафиксированных этнографами у многих народов.

Если учесть, что добывание пищевых ресурсов составляло основу деятельности первобытных коллективов, которая обеспечивала их воспроизводство, неудивительно, что именно в сфере распределения пищевых ресурсов формируются и первые поведенческие нормы.

Таким образом, первобытный коллектив – это не только единый производственный коллектив, но и единый потребительский коллектив. Лидерство старших мужчин в процессе добывания пищи выражалось и в сфере распределения пищи, т.е. в сфере потребления. Иными словами, возраст был главным критерием и при дележе добычи. Это имело естественные причины, так как разным возрастным группам требовалось и разное количество пищи для восстановления энергетических затрат. Но в то же время уже в самых примитивных обществах по этим естественным причинам пища приобретала престижную функцию. Это проявлялось в том, что главы охотничьих групп получали при дележе лучшие части туши убитого зверя. В конечном счете именно пища (или, точнее, ее определенные виды) стала маркером социально-политического положения индивида (группы) в раннем социуме.

Этнографические материалы по самым примитивным народам свидетельствуют о наличии преимуществ старших социально-возрастных групп мужчин в сфере распределения пищевых ресурсов. Встречаются примеры, когда даже в номинации возрастной группы отражалось ее отношение к пище. Например, у поморов Русского Севера детей называли «зуйками», отождествляя их с птицами, питающимися отбросами.

Все известные науке традиционные культуры имели различного рода пищевые запреты, которые практически совпадали с социально-возрастной иерархией. У бушменов Африки, например, «половозрастная стратификация находит свое выражение в пищевых табу, запрете людям разного возраста и пола... принимать некоторые виды пищи» (55, с. 97–101). В Австралии мясо нгуаны могли есть только старшие мужчины (57, с. 128–129). У некоторых австралийских племен женщинам; детям и младшим мужчинам нельзя было есть мясо и яйца дикой индейки. Старшие мужчины тщательно следили за тем, чтобы эти запреты соблюдались (48, с. 769). У американских индейцев запрет на употребление мяса отдельных животных совпадал с социально-возрастным стату-

сом индивида. Причем число налагаемых запретов было обратно пропорционально статусу. Старейшины, например, полностью освобождались от запретов (45, с. 235). У многих народов подобные обычаи выражаются в праве старшего первым прикасаться к пище во время трапезы.

Поведенческие нормы, связанные с распределением пищи, сохраняются в современных африканских обществах. По сведениям *В.Р.Арсеньева*, проводившего несколько лет назад антропологические исследования в Западной Африке, основным потребительским коллективом (исследователь называет его «общностью по амбару») является *ду*, т.е. люди, проживающие в строго ограниченном комплексе построек в пределах поселения. Здесь, по наблюдениям ученого, главный сельскохозяйственный продукт – зерновые – распределяется за «общим столом» между всеми членами *ду*. При этом прием пищи происходит в соответствии с делением членов *ду* по полу и возрасту, когда каждая половозрастная группа данного *ду* питается из общего котла, но отдельно от другой и в очередности, соответствующей делению на категории по возрасту (от старшего к младшему), и по полу (от мужчин к женщинам). Причем аналогичный порядок еды сохранился до сих пор не только в сельской местности, но и в городах (2, с.82–83).

Возникновение первых социальных норм поведения происходило и в сфере доступа к женщинам, что также играло определяющую роль в деле воспроизводства человеческого коллектива. Этот процесс в своей основе носил естественный характер, учитывая неодинаковые потребности разновозрастных мужчин в женщинах. Возникновение института брака, по мнению ученых, связано с обретением молодежью социальной полноценности, т.е. перехода в возрастную степень мужества. Вступление в брак означало передвижение по социальной иерархии и переход, таким образом, в более высокую возрастную страту, сопровождавшийся получением новых прав и обязанностей.

Первоначально брак носил социально-групповой характер, и юноши автоматически вступали в брак по достижении определенного возраста. Термины родства на этой стадии эволюции отражали не кровную связь между родителями и детьми, а маркировали поколение социальных «отцов» и «социальных» детей, которые по существу являлись социально-возрастными группами. По мере становления кровнородственной организации, усиления власти старших в рамках родственных коллективов, преимущественное обладание женщинами продолжало служить маркером социального превосходства патриарха. Следы иерархии, основанной на доступе к женщинам, обнаруживаются в культуре любого

общества. Они выражаются, в частности, в разнообразных сексуальных табу, которые маркируют границу между старшими и младшими.

В русской деревне, например, старшие осуществляли контроль за пищевым и сексуальным поведением молодежи во время религиозных праздников: «Взрослое население неослабно следит и за деревенской молодежью, наблюдая, чтобы в посты отнюдь не было жировни, чтобы парни и девушки не затевали игрищ и ни под каким видом не смели петь мирских песен, не говоря уже о плясовых и хороводных» (20, с. 378).

Таким образом, социальная иерархия (младшие и старшие поколения) на ранних этапах социогенеза оформлялась **поведенческими нормами табу**. Помимо сексуальных и пищевых широко были представлены и другие запреты, регламентировавшие поведение людей в соответствии с их социально-возрастным статусом. К ним, как правило, относятся всевозможные вербальные табу, табу, связанные с ношением тех или иных видов одежды, украшений, оружия и т.д. Одним словом, первоначально табу служили главным маркером социально-возрастной иерархии в традиционном обществе как, впрочем, и иных типов иерархий, возникавших в более поздние периоды.

Роль табу в регуляции поведения представителей архаических обществ была чрезвычайно важной. Есть основания полагать, что именно эта норма играла главную роль в организации психики людей, формируя в ней субстанцию страха, который эффективно контролировал соблюдение членами общества возникавших в процессе социогенеза поведенческих норм. Именно табу, таким образом, являясь маркером социально-возрастной иерархии примитивного общества, порождало у младших, вследствие тех психо-физиологических процессов, которые оно стимулировало в мозге человека, амбивалентные эмоции страха и почтения по отношению к старшим, т.е. к тем, кто мог делать то, что было запрещено младшим (9,10).

Поведенческие нормы внутри одновозрастных групп (функциональный аспект)

Возрастные нормы поведения не только определяют иерархию возрастных страт, но и формируют отношения между людьми. Обычно с этой точки зрения изучались юношеские группы. Наблюдения за пожилыми людьми также свидетельствуют о том, что в их среде формируются определенные поведенческие нормы, соблюдение которых обеспечивается предполагаемыми санкциями со стороны сверстников.

С одной стороны, это дает основание ставить вопрос о том, можно ли вообще говорить об определенных жизненных стадиях, на которых возрастные нормы являются особенно значимыми в поведении индивида, когда сверстники являются наиболее выраженными референтными группами. С другой же – между группами юношества и группами стариков есть нечто общее. Это общее состоит в том, что и те, и другие переживают транзитные этапы, связанные с социальной ущербностью, неопределенностью их идентичности.

Одним словом, в рамках данной проблемы принципиальным является вопрос: при каких условиях возраст становится решающим фактором поведенческого нормотворчества? В частности, нарастание скорости социальных изменений в обществе также ведет к разрушению иных форм идентичностей и может выдвигать на первый план возрастные различия между людьми в качестве основы их самоидентификации. В этих условиях происходит дифференциация поведенческих норм по возрастному принципу. Это особенно заметно в обществах, находящихся в процессе революционных изменений.

Представляет интерес изучение **взаимообусловленности возрастных норм поведения** в различных сферах общественной деятельности. Предполагается, например, что если внутри родственной группы (семьи) преобладает иерархический аспект возрастных норм, проявляющийся в борьбе за лидерство, наследование статуса и имущества, то наиболее вероятно появление эгалитарных групп, основанных на возрасте, за пределами домохозяйства. Всплеск эгалитаризма в этом случае наиболее вероятен в патрилинейных обществах. Формирование эгалитарных возрастных норм наиболее вероятно также в одновозрастных сообществах, отстраненных от власти и иных общественных ресурсов.

Глава 2

АНТРОПОЛОГИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ АСПЕКТОВ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Брак как изменение социально-возрастного статуса

Для ранних стадий первобытности вступление в брак жестко увязывается учеными с изменением индивидом (группой) его социально-возрастного статуса, который определяет его положение в обществе. Вступление в брак, таким образом, является констатацией перехода

известной части коллектива в полновозрастное положение, в результате чего обретаются права полноправных членов общества. Иными словами, брак в таком обществе – это пребывание в одной из социально-возрастных категорий.

В современных «этнографических» обществах, с которыми имеют дело антропологи, брак свидетельствует о разрушении системы возрастных категорий, а вместе с этим – об исчезновении его социально-группового характера, нарушении строгой периодичности браков. Право на брак в них становится не правом каждого, а правом рода. Поэтому появляется возможность задержать социальный рост молодежи, продлить ее социально униженное положение в интересах старейшин рода. Ученые сталкиваются с фактами, когда старшие, нарушая сложившиеся традиции, стремились лишить своих сыновей возможности жениться или по крайней мере оттянуть во времени это событие. Таким образом отцы старались и далее использовать труд младших родственников для укрепления своего положения в общине (21, с.168).

Наукой собран богатейший эмпирический материал, касающийся семейных взаимоотношений. «Домашний цикл» всегда был организующим принципом в этнографических исследованиях семейной жизни, поэтому имеются сотни работ, содержащих данные по возрастным отношениям в контексте брака и семьи. Правда, в качестве единицы изучения брались обычно родственный коллектив или семья, а не жизненный путь индивидов. Но накопленные в этой области многочисленные эмпирические данные могут быть использованы для научного анализа возрастных аспектов брачно-семейных отношений в рамках концепции жизненного пути.

Брачный возраст мужчин и женщин

Одной из проблем, которая ставится в современной антропологии, является проблема достаточно большого разрыва в брачном возрасте мужчин и женщин. Эти факты зафиксированы учеными во многих культурах. Брачный возраст женщин определяется ее биологическим созреванием, наступлением периода фертильности, в то время как мужчины вступают в брак гораздо позже. Одним словом, сегодня в рамках изучения семьи и брака ставится вопрос: почему общество по разному нормирует брачный возраст мужчин и женщин?

Существуют различные точки зрения на эту проблему. Некоторые видят причины биологического порядка, ссылаясь на приматов, у кото-

рых мужские особи достигают половой зрелости позже, чем женские. Большинство социальных антропологов ссылаются на экономические факторы, отмечая роль мужчины в производственном процессе и необходимость экономической зрелости для вступления в брак. Приводятся и демографические соображения, сводящиеся к тому, что именно супружеские кондиции женщины имеют первостепенное значение для процесса биологического воспроизводства общественной системы, которые эта система оптимально использует.

В ряде случаев разрыв в брачном возрасте мужчин и женщин объясняют тем, что подобным образом обеспечивается доминирующее положение мужчины в семье. В частности, кросс-культурные исследования *Д. Гутмана*, о которых мы уже упоминали и в которых показано, что если женщины с возрастом становятся активнее, агрессивнее, целеустремленнее и т.д., а мужчины с возрастом утрачивают эти качества, дают основание полагать, что в начале брачной жизни мужчина занимает доминирующее положение, но одновременно с его старением в семье возрастает власть женщины. В результате в семьях, в которых супруги примерно одного возраста, степень самостоятельности жены со временем значительно возрастает. А поэтому, вступая в брак с молодыми женщинами, мужчина тем самым гарантирует себе в известной мере доминирующее положение в семье (!).

Половые различия в брачном возрасте особенно заметны в рамках института полигинии (многоженства). В данном случае может быть такое объяснение. Институт полигинии связан с выплатой калыма. Во многих же обществах именно старшие контролировали ресурсы, которые были необходимы, в том числе, и для уплаты брачного выкупа. Поэтому перед ними часто вставал вопрос: вложить ли ресурсы в приобретение себе очередной жены или сделать это для сына. Данную проблему отцы часто решали в свою пользу, приобретая молодых жен.

Вступление в брак с молодыми женщинами в рамках института полигинии может иметь и иное объяснение. Если предположить, что действительно в ранней первобытности брак означал обретение группой (индивидом) социальной полноценности (со всеми вытекавшими отсюда последствиями по увеличению прав в сфере управления общественными делами), которое со временем утрачивалось вместе с взрослением следующей возрастной когорты (вступавшей в брак в соответствии со строгой периодичностью, предписанной традицией, и таким образом сменявшей правящее поколение), то женитьба на молодых женщинах представителей старшего поколения, при отстранении от своевременного

брака представителей следующего поколения, может рассматриваться как использование старшим поколением ранее сложившейся нормы для легитимизации своих претензий на удержание власти (вместо передачи ее следующей возрастной когорте).

Иными словами, вместо того, чтобы женить своих детей (что по традиции означало уход отцов « в отставку»), они сами вступали в брак с женщинами – потенциальными брачными партнерами своих детей, тем самым как бы «омолаживая» себя для выполнения управленческих функций еще на один срок. Во всяком случае в колониальный период, т.е. когда многие традиции, регулировавшие жизнь африканских социумов до их активного контакта с европейцами, были разрушены, можно было наблюдать картину, когда старшие поколения продолжили вступать в брак (с молодыми женщинами), в том числе вожди, т.е. лидер этой возрастной когорты, в то время как их дети, которым уже было уже за сорок, продолжали «ходить в мальчиках».

Можно, видимо, предполагать, что подобное брачество, имевшее целью оформить вновь возникшие социальные реалии (прежде всего укрепить структуры, основанные на кровном родстве), опиралось и на идеологические представления, характерные для данной стадии социополитогенеза и связанные с представлениями о лидере как об абсолютно здоровом в физическом отношении индивиде, лишенном каких-либо симптомов возрастной инволюции.

Известно, что вожди в традиционных обществах устранились со своего поста (нередко их насильственно лишали жизни) при первых признаках возрастной деградации. Поэтому некоторые из вождей стремились заполучить у первых европейцев, прибывших в Африку, средство от седины, чтобы продлить свое нахождение у власти. Брак с молодой женщиной, по-видимому, должен был символизировать и физическое здоровье вождя и тем самым также легитимизировать его право на власть.

Эти идейно-мотивационные пласты, о которых мы только что говорили, связанные с социально-возрастным статусом индивида, обнаруживаются, как представляется, и в поведении современных людей. В частности, внутренние психологические социально-возрастные переживания мужчин очень часто связаны с возрастом женщин, являющихся их сексуальными партнерами. Именно поэтому в позднем зрелом возрасте мужчины стремятся иметь в качестве таких партнеров молодых женщин. Мужчины же, обладающие высоким социально-политическим статусом, гораздо чаще, чем представители низших классов, вступают с такими

женщинами в брак, что, как представляется, является прежде всего демонстрацией их «силы», своего рода оправданием их права и дальше занимать в обществе столь же высокое положение.

Возраст в полигинной семье

Полигиния в традиционных обществах обеспечивала возвеличивание статуса не только главе семейства, но и вообще укрепляла авторитет старших поколений внутри семьи. Особенно это заметно на примере обществ, у которых был принят **левиратный брак** (от лат. *levir* – деверь). Желу умершего наследовал, как правило, старший представитель его группы сиблингов (брат), что, в конечном счете, обеспечивало дополнительный авторитет последнему.

В то же время полигиния по разному отражалась на возрастной структуре сиблингов в зависимости от счета родства. Это накладывало определенный отпечаток на отношения между ними. Единоутробные сиблинги (дети одной матери) в полигинной семье с матрилинейным счетом родства имели меньшую разницу в возрасте, чем сиблинги в такой же семье, но с патрилинейным счетом родства. Мужчине, у которого было множество жен, мог иметь детей старше, чем его новые жены, что часто приводило к возникновению противоречий между сиблингами с патрилинейным счетом родства, например в сфере наследования.

В полигинной семье и отношения между женщинами определяются возрастом. Например, разный возраст жен предполагает выполнение ими разных функций. Младшим часто предписано помогать старшим в выполнении сельскохозяйственных и домашних работ, старшим – оказывать содействие младшим в воспитании всех детей в семье (30, с.47).

Не только возраст мужчин или женщин влияет на характер семейных отношений. Возраст детей, в свою очередь, может играть существенную роль. В современном индустриальном обществе возможности трудовой занятости у женщин, имеющих маленьких детей, ограничены. Однако в иных обществах дети могут быть не только обузой, но и давать определенные экономические преимущества. Например, у хауса (Западная Африка) женщинам дозволяется заниматься мелкой торговлей только в том случае, если они имеют маленьких детей, которые им в этом помогают.

Также и очередность вступления в брак сыновей в полигинной семье определяется статусом их матери: старший сын главной (старшей) жены имеет первоочередное право на женитьбу по сравнению с сыновьями следующих жен независимо от возраста детей. В случае смерти отца

при новом главе родового сообщества старший сын может надолго остаться без семьи (до женитьбы брата, обладающего социальным старшинством). По нормам луо (Африка), например, в тех случаях, когда младший сын женится раньше старшего сына, брак все-таки считается законным, но санкции на нарушителя накладываются, он не может оставаться в семейном домохозяйстве и обязан уйти к другим родственникам или создать собственное домохозяйство.

Порядок старшинства вступления в брак распространяется и на сестер. Если младшая сестра выходит замуж прежде старших, такой брак признается, но скот, полученный за младшую сестру, держат в другом домохозяйстве (30, с.91).

Заключение брака и начало брачных отношений не всегда совпадают. Например, для женитьбы старшего по возрасту сына отцы были вынуждены заключать браки несовершеннолетних (колыбельный сговор). Выкуп, полученный за несовершеннолетнюю дочь, отец платил за жену малолетнего сына, пользовавшегося правами старшинства. Сын считался женатым только в том случае, если была отдана брачная плата. Это позволяло, не нарушая традиции, женить старшего сына от младшей жены. Таким образом, наступление брачного возраста не совпадало с моментом, когда брак вступал в действие (30, с.92).

Глава 3

ВОЗРАСТ В ОТНОШЕНИЯХ РОДСТВА

Возраст и родство в раннем племени

Понятие родства также исторично, как и понятие возраста. В обществах, в которых уже сформировалось представление о частной собственности, под родством понимается биологическое происхождение одного индивидуума от двух других или биологическое происхождение нескольких индивидов от двух одних и тех же индивидов. Это так называемое **кровное родство**. На ранних же этапах социогенеза родство не включало в себя физиологический аспект. Это было понятие не биологическое, а социальное. Оно объединяло большой коллектив – племя – и отделяло его от других подобных коллективов: все члены древнего племени – родственники, все другие – чужаки.

Иными словами, родство, как, впрочем, и возраст, имеет биологический и социальный аспекты. В принципе проблема возраста в системе

родственных отношений может быть сведена к выяснению механизмов взаимодействия в конкретной общественной практике биологического и социального аспектов в системе родственно-возрастных отношений.

Отношения родства выражаются посредством соответствующих, терминов – **терминов родства**. В традиционном обществе термины родства отличает преимущественно социальный характер, и они являются групповыми по значению (выражение «мой отец», например, передает не отношение между мною и другим индивидуумом, а отношение между моей и его группами; т.е. не отражает физиологического родства). Здесь группировка по поколениям не обязательно биологична и важнее группировка по возрастному отношению. Иными словами, здесь поколения выделяются исключительно на базе возраста (старший – младший).

Существует точка зрения, что дети в обществах данной стадии эволюции находились под наблюдением и опекой своих физиологических родителей весьма недолго (не более трех лет), пока не приобретали способность самостоятельно ходить, есть и т.п., что не способствовало в дальнейшем возникновению чувства особой близости между детьми и их физическими родителями (что произошло много позже).

С известного момента (и в определенном порядке) дети переходили в группу «социальных детей» и пребывали в этом состоянии под опекой и в обучении у всей группы «социальных родителей», которые именовались «отцами» и «матерями», но представляли по отношению к своим «детям» лишь определенную возрастную группу (6).

В обществах с возрастными классами в группу «социальных отцов» мог и не попасть реальный биологический отец ребенка, все зависело от того, какая группа старших мужчин принимала участие в инициации нового поколения «детей». В сущности, как предполагается, физиологическому родству не придавалось никакого значения, и родство фиксировалось по социальному принципу.

Подобное отношение к биологическому родству наблюдается у монголов, у которых «добрачных детей женщина, выходя замуж, оставляет у своих родителей. Последние воспитывают их и выдают замуж или женят. В обоих случаях ребенок зовет своих воспитателей мамой и папой, а фактических родителей – сестрой и братом». Использование таких терминов родства, как «сестра» и «брат», по отношению к своим биологическим родителям обусловлено тем, что и дети и родители в

данном случае оказываются принадлежащими к одному социальному поколению (28, с. 226).

Действительно, у многих народов иметь детей разрешалось только после достижения определенного социального возраста, хотя половые отношения не возбранялись. В случае рождения детей их социальными родителями становились представители старшего поколения, т.е. родители биологических родителей детей. Последние, попав таким образом в одну социально-возрастную группу со своими биологическими детьми, становились для них социальными братьями и сестрами.

Изучая традиционный для антропологии объект исследования – восточноафриканские социумы с их институализированными возрастными системами (возрастными классами), – ученые приходят к выводу, что развитие биологического родства, обусловленное усилением хозяйственно-экономической роли семьи, привело к тому, так называемые возрастные классы, которые прежде состояли из индивидов примерно одного возраста (биологического возраста) в исследуемый период стали включать в себя людей, различие в возрасте которых было весьма значительно. Причины этого видятся ученым в том, что если раньше возрастные институты в соответствии с принципом социального родства создавались на базе прежде всего биологического возраста, то в тот период, когда социумы данного региона попали в поле зрения исследователей, время включения индивида в подобный институт стало определяться возрастом их биологического отца – главы семейства (16).

*Термины родства и возраста (по материалам,
собранным в русской деревне конца 30-х годов XX в.)*

Сосуществование родственных отношений, основанных на различных принципах, и отношений возраста прослеживается даже на материалах русской деревни довоенного периода. В частности, наблюдалось использование терминов родства возрастными группами (28, с.229).

Вспоминая эти годы, отечественный этнограф А.М. Решетов пишет: «Всех людей возраста моей бабушки я называл бабушками и дедушками... обычно называли без прибавления имени, даже если здесь находилось одновременно несколько родных бабушек и дедушек и тем более других людей их возраста». Последующее поколение также определялось групповым названием безотносительно к кровному родству: «Если были живы родители бабушек и дедушек, то их также называли бабушками и дедушками, иногда в разговоре добавляли “старенькая

бабушка” или “старенький дедушка”, но прадедушкой или прабабушкой не называли. Эти термины употреблялись только при уточнении степени родства». Это же относилось ко всем, принадлежавшим к поколению родителей: «Всех своих реальных теток и дядей – сестер и братьев отца и матери, их жен и мужей – я называл тетей и дядей... Родителей своих приятелей-сверстников, в дальнейшем родителей одноклассников, я называл дядями и тетями...». Те, в свою очередь, «...называли нас по имени если же не знали его, то обращались просто “сын” или “доченька”» (28, с.219–220).

Вместе с тем наряду с групповыми терминами родства, употреблявшимися для обозначения социально-возрастных поколений, существовали и термины, отражавшие индивидуализированное биологическое родство и группировавшиеся по поколениям: «Такие названия, как “тесть”, “теща”, “свекор”, “свекровь” конкретизируют положение определенных лиц в поколении моих родителей; термины “золовка”, “деверь”, “шурин”, “свояк”, “свояченица” определяют наши связи в пределах нашей возрастной группы; названия “невестка”, “сноха”, “зять” – термины, характеризующие отношения этой группы с лицами двух возрастных объединений – своего и родительского».

Изучение возраста в системе родственных отношений лежит, в частности, в области решения проблемы взаимоотношений индивидов разного возраста (хронологического или биологического) в рамках одного поколения. Во многих системах родства признается равенство среди членов поколения внутри родственной группы, тем не менее **относительный возраст** оказывает влияние на взаимоотношения между его членами. Это прослеживалось и на материалах русской деревни указанного периода: «Мы обращались к детям людей одного поколения с родителями по имени, если они были одного с нами возраста; если же они были много старше нас, то, хотя, казалось бы, должны принадлежать к одному поколению (и реально принадлежали), мы их называли “тетя” и “дядя” с добавлением имени». В связи с этим автор вспоминает: «Я помню старую хозяйку усадьбы М.В. Она была старше моих родителей, но они воспринимали ее как принадлежащую к их возрастной группе и называли по отчеству (так обычно делалось среди сверстников поколения родителей). К ее детям... они соответственно обращались по имени. Казалось бы, что я должен был относить М.В. к поколению родителей, а ее детей считать своими сверстниками, т.е. принадлежащими в широком смысле к моему поколению. Однако реально было не так. Я к старшей хозяйке М.В. обращался как к бабушке, настолько значитель-

ной была разница в возрасте между нею и моими родителями, с одной стороны, и между ней и мною, с другой. Поэтому мое обращение к ней как к бабушке было закономерным и воспринималось окружающими нормально. Соответственно ее детей я называл “тетя Шура”, “дядя...” — такое обращение к ним определялось моим отношением к их возрасту. Соответственно их детей я называл только по имени, причисляя их к своим сверстникам, хотя фактически некоторые из них принадлежали к следующему поколению, хотя некоторые из них были старше меня». Биологический (хронологический) возраст влиял и на взаимоотношения между поколениями: «С другой стороны, если родственники принадлежали к разным поколениям, но между ними разница в возрасте была не очень велика, то младшие (например, племянники) называли старшего (например, дядю) просто по имени, как равного, принадлежащего к их поколению» (28, с.224–225).

Восприятие людьми друг друга по признакам биологического возраста было характерно для бытовой обстановки, и это несмотря на то, что всем были известны действительные, подлинные родственные связи. А.М. Решетов отмечает, что в данном случае определение возраста осуществлялось «визуально, во внешнему виду друг друга». В результате к одной возрастной группе относили лиц, фактически принадлежащих по общепринятой традиции, закреплённой в соответствующей терминологии, к другой возрастной группировке (28, с. 225–226).

Из приведенных выше свидетельств видно, что относительный возраст различных категорий родственников влияет на характер их взаимоотношений, несмотря на широко распространенное мнение о том, что системы родственных отношений жестко нормируют социальные роли в традиционных обществах. Реальный (биологический) возраст родственников влияет также на взаимоотношения между ними и в современной городской семье. Например, отношения между мужчиной и его тестем будут зависеть от разницы в возрасте между ними — чем больше разрыв, тем жестче будет выражена иерархичность этих отношений. Вероятно, их отношения примут иной характер, если мужчина старше своего тестя. Абсолютный возраст также может воздействовать на характер подобных взаимоотношений.

В условиях появления полигинной семьи имеет место взаимодействие между различными принципами, определяющими представления о родстве, а именно как о **коллективно-социальном** феномене, содержанием которого являются отношения между различными возрастными группами, и как **индивидуально-социальном** феномене, база которого – кровные отношения между индивидами, принадлежащими к различным генеалогическим поколениям.

Это хорошо видно на примере современных африканских обществ, в которых оба принципа до сих пор во многом определяют их социальную структуру. В частности, наряду с полигинной семьей зачастую продолжают существовать и социально-возрастные группировки, отношения между которыми маркируются родственной терминологией и за которыми закрепляются определенные общественные функции. Здесь нередко складывается ситуация, когда индивид по своему реальному возрасту входит в группу детей (допустим, на уровне деревенской общины), но в то же время принадлежит к поколению отцов (в рамках большесемейной общины).

Конфликт состоит в том, что индивид как представитель младшей социально-возрастной группы (т.е. по биологическому возрасту) в соответствии с традицией должен выполнять подчиненные и малопrestiжные общественные функции, а как представитель старшего генеалогически поколения – наоборот.

Известный антрополог-африканист *М.Фортес* приводит следующий пример из своей полевой практики. Как-то он увидел юношу лет двадцати, который «отчитывал» мальчика за то, что тот, занимаясь выпасом скота, потерял козу. Когда ученый спросил молодого человека, почему он не прибег к более строгому наказанию за столь серьезный проступок, молодой человек, сильно удивившись, ответил, что не может этого сделать, так как мальчик – его отец. В дальнейшем выяснилось, что действительно мальчик был сыном младшей жены кровного дедушки молодого человека, а значит, его **классификационным отцом** (10, с. 102). Принадлежность к старшему генеалогическому поколению, с одной стороны, и реальный возраст – с другой, предписывали индивиду иногда противоположные по социальной значимости роли. В частности, мы видим, что мальчик, как следует из приведенного примера, занимался выпасом скота, чем традиционно в Африке занимались «социальные

дети» в обществах, в которых родство понималось как коллективно-социальная категория.

На примере талленси (Африка) можно проиллюстрировать один из способов разрешения подобного рода противоречия в общественной практике. Интересные данные приводит тот же исследователь. Он ссылается на сведения, полученные от двух информантов: один из них, Тизен, являлся классификационным сыном (ему было около 70 лет) другому – классификационному отцу Нандзиту (ему было около 50). Они объясняли ученому-антропологу, что мужчина может жениться на вдове своего патрилинейного дедушки при условии, что она не является его собственной бабушкой. Так Тизен наследовал мать Нандзита еще до того, как Нандзит перестал кормиться грудью. В результате Тизен растил своего классификационного отца, который по обычному праву талленси являлся главой ветви их линиджа. Затем Тизен, как старший по возрасту мужчина, был избран главой кланового собрания, в то время как внутренние дела линиджа, такие как вступление в брак, отправление обрядов на могилах предков, находились в ведении Нандзита. Оба утверждали, что между ними нет никаких конфликтов, так как внутренние дела (внутри линиджа) и дела клана (клан состоит из нескольких линиджей) имеют различную природу (43, с.100–115).

В этой связи можно вспомнить сцену, которую наблюдал М. Фортез у тех же талленси. К клановому вождю Тонго (55 лет), пришла делегация от соседнего вождя сватать дочь Тонго. Последний поблагодарил их и объяснил, что он не может сам принять решение, так как его отец еще жив. Женитьба же – внутреннее дело линиджа, а не забота клана, напомнил он, и здесь он подчиняется решениям отца. Если учесть, что отец к этому времени был дряхлым стариком, то фактически решение принимал именно вождь, однако оно не имело юридической силы, не будучи формально одобрено его отцом (42, с.103).

Подобные противоречия между возрастом и поколением не чужды и современным западным обществам. К примеру, во втором или третьем браках дети могут появиться много лет спустя после рождения детей от первого брака. В результате племянник может быть старше своего дяди. Но сейчас положение в системе родственных отношений не предполагает жесткого выполнения социальных ролей, что характерно для традиционных обществ. У нас нет классификационных родственников, а поэтому не возникает проблем в сфере социальных или персональных отношений, хотя они могут возникнуть в сфере наследования имущества.

Предметом интереса антропологии является также соотношение возрастного и поколенного принципов в определении социальной позиции индивида внутри кровнородственного коллектива (семьи) и в государственной структуре, в рамках которой этот коллектив существует. Если в семье социальное положение индивида определяется прежде всего его принадлежностью к генеалогическому поколению, то для государственных структур принципиален в первую очередь хронологический возраст.

Для семьи учет хронологического возраста может служить даже дестабилизирующим фактором. К примеру, ребенок в современной семье часто ссылается на свой хронологический возраст, требуя увеличения своих прав. В семье же отец есть отец, а сиблинг есть сиблинг, независимо от хронологического возраста. Государство же регламентирует общественную жизнь исходя только из последнего.

Вообще хронологический возраст, по мнению ряда исследователей, как важный индивидуальный признак обретает значение только в связи с развитием политической организации. Впервые, например, общественно-политическая деятельность индивида стала регламентироваться хронологическим возрастом в Древнем Риме. Таким образом, одной из проблем антропологии является **изучение исторических изменений в человеческих представлениях о возрасте в связи с политогенезом.**

Важной проблемой для антропологии возраста является взаимообусловленность функционирования в обществе социальных институтов, в основе которых лежит возрастной принцип, и институтов, базирующихся на принципе кровного родства. *С. Айзенштатд*, например, проанализировав материалы, относящиеся к различным стадиям общественной эволюции, пришел к выводу, что усиление в обществе возрастной стратификации происходит на фоне ослабления института семьи, т.е. института, основанного на принципе кровного родства. Причем в исторической перспективе такое усиление наблюдалось на ранних стадиях социогенеза, когда семья еще не обрела статуса главной социально-экономической ячейки общества, а также в эпоху индустриализации, т.е. когда этот институт, наоборот, утратил указанную функцию.

ВОЗРАСТНОЙ СИМВОЛИЗМ КУЛЬТУРЫ*Возрастной символизм как подсистема культуры*

Под возрастным символизмом следует понимать **систему представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и освящает (легитимизирует) жизненный путь индивида и возрастную стратификацию.** Возрастной символизм как подсистема культуры включает в себя следующие взаимосвязанные элементы:

1. **Нормативные критерии**, т.е. принятую культурой возрастную терминологию, периодизацию жизненного цикла с указанием длительности задач его основных этапов (в системе возрастного символизма фиксируется не жизненный путь индивида с его открытостью и вариативностью, а именно жизненный цикл как нечто повторяющееся, обязательное и нормативное). Нормативные критерии возраста соответствуют стадиям жизненного цикла и структуре возрастных слоев.
2. **Аскриптивные возрастные свойства, или возрастные стереотипы**, – черты и свойства, приписываемые культурой лицам данного возраста и задаваемые им в качестве подразумеваемой нормы. Аскриптивные возрастные свойства – культурно-нормативный аналог индивидуальных возрастных различий и свойств соответствующих возрастных слоев (классов).
3. **Символизацию возрастных процессов** – представления о том, как протекают или должны протекать рост, развитие и переход индивида из одной возрастной стадии в другую.
4. **Возрастные обряды** – ритуалы, посредством которых культура структурирует жизненный цикл и оформляет взаимоотношения возрастных слоев, классов, групп. Символизация возрастных процессов и возрастные обряды – не что иное, как отражение и легитимация возрастных изменений и социально-возрастных процессов.
5. **Возрастную субкультуру** – специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного слоя, класса или группы осознают и утверждают себя в качестве «мы», отличного от всех остальных возрастных общностей. Возрастная субкультура производна от реальных взаимоотношений возрастных слоев и организаций. Здесь эти явления рассматриваются, как они представлены в общественном сознании (17, с. 93–94).

Нормативные критерии возраста, объективированные в возрастной терминологии, тесно связаны с развитием временных представлений и категорий. При всех этнокультурных вариациях здесь четко вырисовываются некоторые общие закономерности. Древнейшая интуиция времени фиксирует не его длительность и необратимость, а цикличность. Идея постоянства жизненного цикла подкрепляется распространенной во многих древних религиях идеей инкарнации, вселения в тело новорожденного умершего предка (или его души), представлением о ребенке как вернувшемся и повторяющем свою жизнь предке. Исчисление же хронологического возраста для представителя традиционного общества не имело смысла.

Средневековые люди также плохо знали возраст своих детей. Санчо Панса говорит о своей любимой дочери: «Ей, может быть, пятнадцать лет или же два года больше или меньше. Во всяком случае она стройна, как копьё, и свежа, как апрельское утро». Кормилица Джульетты также не без труда идентифицирует возраст главной героини трагедии Шекспира:

Ох, я не стоила ее! А вашей
Четырнадцать в Петров день будет точно,
Вот, помнится, одиннадцать годов
Тому минуло, в год землетрясения,
Как я ее от груди отняла.

(Шекспир В. Собр. избр. произв. В 6 т. Т.2. СПб., 1992.С.326)

Просвещенный флорентиец XV в. Леон Баттиста Альберти рекомендует отцам семейства фиксировать в секретных книгах точное время (год, месяц, день и час) и место рождения каждого ребенка. Это было важно как с точки зрения астрологии (возможность предсказания судьбы), так и для будущей борьбы за политические должности, связанные с возрастным цензом. Существует также предположение, что дату рождения специально скрывали, опасаясь враждебной магии (подобно тайне личного имени). Поэтому Альберти и советует делать хронологические записи в секретной книге.

Индивидуализация возрастных представлений идет параллельно общему росту личностного начала жизни и развитию чувства исторического времени. Это относится к эпохе становления в Европе капиталистических отношений. В XVI–XVII вв. в английском языке, например,

появляется много слов, описывающих временные интервалы: *century*, *decade*, *epoch*, *contemporary* и т.п.

Транскультурные закономерности возрастного символизма

Каждая культура по-своему регламентирует жизненный путь индивида. Однако кросс-культурные исследования показывают, что существуют и некоторые общие закономерности в выделении его стадий. Все народы, например, придают особое значение возрасту от 5 до 7 лет. В это время родители обычно передают, а дети принимают на себя ответственность за младших детей, уход за животными и другие домашние обязанности. Они становятся ответственными за свое социальное поведение, и их строже наказывают за нарушение норм. Считается, что ребенок 5–7 лет уже «входит» в разум и приобретает более или менее устойчивый характер, позволяющий принимать новые социальные роли. От детей ожидают также проявления стыдливости и подчеркивается необходимость половой дифференциации в общении. Короче говоря, 5–7-летний ребенок всюду категоризируется иначе, чем младший; он становится более или менее интегральной частью социальной структуры.

Ряд универсальных, транскультурных моментов **аскриптивного** и **прескриптивного** характера содержат и представления о переходном, пубертатном возрасте. Тем не менее здесь много культурно-специфического.

Разные культуры выделяют неодинаковое число «возрастов жизни». У разных народов число возрастных степеней различно. Причем возрастные степени у мужчин отличаются от возрастных степеней женщин. Когда возрастная терминология перестает замыкаться на жесткую систему возрастных степеней и начинает обозначать только стадии жизненного цикла, она становится более гибкой, но одновременно менее определенной. Неопределенность, условность хронологически выражаемых возрастных границ – общее свойство любой развитой культуры.

Нередко периодизация жизненного цикла увязывается с символикой чисел, принятой в той или иной культуре. В греко-римской традиции священной цифрой была цифра 7. Она лежала и в основе возрастной периодизации; 7–14–21 и т.д. У готов, салических франков, датчан и шведов такой цифрой была цифра 5, а некоторые германские племена предпочитали число 6, масаи Африки – 8. Солон, автор древнейшей греческой периодизации жизни, делит ее на 10 семилетий («седмиц»):

Маленький мальчик, еще неразумный и слабый, теряет
Чуть минет семь лет, первые зубы свои;
Если же бог доведет до конца седмицу вторую,
Отрок уже являет признаки зрелости нам,
В третью у юноши быстро завьется, при росте всех членов,
Нежный пушок бороды, кожи меняется цвет.
Всякий в седмице четвертой уже достигает расцвета
Силы телесной, и в ней доблести явствует знак.
В пятую – время подумать о браке желанном мужчине,
Чтобы свой род продолжать в ряде цветущих детей,
Ум человека в шестую седмицу вполне созревает
И не стремится уже к неисполнимым делам.
Разум и речь в семь седмиц уже в полном бывают расцвете,
Также и в восемь – расцвет длится 14 лет.
Мошен еще человек и в девятом, однако слабеет
Для веледоблестных дел слово и разум его.
Если ж десятое бог доведет до конца семилетье,
Ранним не будет тогда смертный конец для людей.

(31, с.133)

«Седмицами» оперирует большинство древнегреческих, включая Аристотеля, древнеримских; византийских и средневековых авторов. Если Солон насчитывает 10 седмиц, то Шекспир пишет о комедии жизни, состоящей из семи действий.

Согласно древним индуистским нормам, которые и по сей день не утратили своего значения, жизненный путь человека должен строиться на основе так называемого «четвертичного закона»:

– **1-й этап** – стадия ученичества начинается после обряда инициации и состоит в изучении священных ведических текстов в доме Учителя, поддержании священного огня в доме Учителя, обслуживании Учителя и т.д.;

– **2-й этап** – стадия домохозяина, когда человек должен жениться, произвести потомство, обрести практическое знание жизни;

– **3-й этап** – стадия лесного отшельника, с женой или без нее, когда положено предаваться благочестивым размышлениям и неукоснительно соблюдать религиозные предписания относительно усмирения бренной плоти;

– **4-й этап** – период аскетизма и религиозного подвижничества, когда надлежит отринуть все узы привязанности к земной жизни.

Индуистские кодексы дают точные указания относительно того, как «ищущий Путь» должен изучать священные книги в юности, каких правил он должен держаться как домохозяин, и, наконец, как на склоне лет он должен искать спасения в жизни религиозного аскета или отшельни-

ка — ибо индуисты полагают, что таков должен быть удел старости. «Проведши часть жизни как домохозяин, дважды рожденный человек (второе рождение дается изучением Вед) должен удалиться для жительства в лес: да укрепит он в себе веру и да умертвит он плоть свою. Когда отец семейства заметит, что мускулы его делаются слабыми и волосы седеют, и увидит уже потомство детей своих, то пускай он ищет убежища в лесу, лишенный всякой пищи, употребляемой в городах, и всех своих хозяйственных принадлежностей, пускай он удалится в одинокий лес, поручивши своим сыновьям заботу о своей жене, или сопутствуемой ею, если она предпочтет следовать за ним... Пускай он постоянно предается чтению Вед, терпеливый ко всем крайностям... Пускай он сносит словесные упреки с терпением; да не увлекают страсти его слабого и вместе с тем беспокойного тела и да не вступит он во вражду с чем-либо живущим... С гневным человеком да не будет он в свою очередь гневен, обиженный, пускай он говорит кротко; да не произносит он праздных слов... Наслаждаясь размышлениями о верховном духе, сидя погруженный в эти размышления, не нуждаясь ни в чем земном, не имея никакого постороннего сообщества, пускай он живет в этом мире, заботясь о загробном блаженстве... Тыква, деревянная чашка, глиняная посуда или корзина, сделанная из тростника, как объявил Ману, сын Самосущего, — самая подходящая утварь для принятия пищи людей, преданных Богу» (15).

Существует предположение, что удаление стариков от практической жизни относится к более древней эпохе, нежели традиция индуистов, и что оно существовало независимо от нее в качестве древнего закона или обычая. В индуистском наследственном праве смерть вовсе не есть необходимое условие для наследования; совершенно такое же общее явление есть наследование вследствие удаления от мирской жизни, причем домохозяин может, покидая свою семью, разделить имущество между детьми. Мало того, дети (хотя это и спорный вопрос) вправе принудить его к такому удалению (23, с. 17).

Это, помимо прочего, наводит на размышления о существовании общекультурных закономерностей, касающихся отношения общества к старикам на ранних стадиях социогенеза. Известна, к примеру, гипотеза о том, что в более древние времена, стариков просто убивали, так как общество не имело возможности содержать иждивенцев. Этнографы зафиксировали немало подобных обществ. Однако существует и другая точка зрения, в соответствии с которой старики в человеческом обществе на любой стадии эволюции всегда пользовались высоким авторитетом, причем в этом случае и примеры убийства стариков рассматрива-

ются как имевшие в соответствующих культурах высокий ритуально-престижный статус. Во всяком случае можно привести длинный список (почетных) названий учреждений, должностей, лиц (взятых из самых разных культур), которые первоначально соотносились с преклонным возрастом: *сенат, элбдомен, эльдер, пресвитер, монсеньор, сеньор, сир, сэр и шейх* (23, с.18).

В заключение следует отметить, что в настоящее время наука располагает незначительным числом эмпирических исследований, связанных с символизацией различными культурами жизненного пути человека. Тем не менее символические маркеры или сигналы возрастной идентичности зафиксированы во многих обществах, включая те, в которых отсутствовали ярко выраженные системы возрастных групп. Представляет интерес изучение соотношения символической маркировки границ жизненного пути по сравнению с другими предписанными идентичностями, к примеру этнической.

Глава 5

ВОЗРАСТ И РИТУАЛ

Инициация

Сравнительные исследования различных культур дают основания предполагать, что ритуал инициации, который отчетливо фиксируется этнографами в самых различных обществах, возникает в культуре человечества как средство гармонизации психологии отношений между старшим и младшим поколениями. Для ранних стадий социогенеза именно взаимоотношения между этими стратами служили гарантом поддержания порядка в обществе, а также необходимым условием его воспроизводства.

При отсутствии объективированных средств хранения социальной информации, последняя могла передаваться от поколения к поколению только через непосредственный контакт. Однако здесь решающее значение имело наличие положительного эмоционального климата между приемником и передатчиком знания. Известно, что «если приемник традиции не испытывает по крайней мере к одному из представителей старшего поколения... эмоций уважения и любви... механизм, передающий традиционные нормы, не срабатывает» (19, с.48). Ребенок должен хотеть действовать согласно требованиям взрослых, и у него должно

быть положительное отношение к усваиваемым нормам поведения. В противном случае положительные результаты не достигаются.

Положительное же отношение к источнику информации способствует бессознательному ее усвоению (7, с. 49). Одним словом, психология взаимоотношений между старшими и младшими в условиях традиционного общества была определяющей для воспроизводства человеческого коллектива, а значит, для существования данной формы организации материи в принципе.

Представляется, что институт инициации, столь устойчиво фиксируемый учеными в самых различных культурах, играл главную роль в организации подобных отношений между поколениями. Эта функция ритуала инициации становится понятной, если мы рассмотрим психологию взаимоотношений между старшими и младшими с учетом характерной для нее диалектики.

Наличие положительного эмоционального отношения ребенка к взрослому на ранних этапах воспитания предопределено и объясняется тем, что последний является для ребенка постоянным осязаемым источником удовлетворения его потребностей, будь то потребность в пище, изменении положения в пространстве и т.д. Формирование устойчивой положительной эмоции (т.е. чувства любви) служит психологической основой подражания старшим, которое, по наблюдению европейских исследователей, играло огромную роль в процессе социализации детей в традиционных обществах. В частности, ученые отмечали крайне незначительное место вербальных проявлений, т.е. всякого рода словесных наставлений и инструкции со стороны старших (53, с. 4).

Однако, как известно, на определенной стадии психологических взаимоотношений старших и младших неизбежно возникают **кризисные явления**. Это выражается в том, что ребенок меняет свое отношение к носителю авторитета возраста, стремится выйти из под его влияния. Причина нового состояния носит психобиологический характер и связана с периодом полового созревания. В это время у подростков наблюдаются негативизм, агрессивность, критическое отношение к авторитетам. Наш известный философ *К.Н. Леонтьев* говорил о «наличии двух якорей в жизни человека: «Родители, их дом, его младенчество – это якорь. Первая любовь в 13–14 лет есть перелом, предвестие, что потянул другой якорь» (18, с.139).

Современные психологические исследования свидетельствуют о том, что именно в период полового созревания внушаемость индивида резко падает по отношению к внушаемости остальных возрастных групп

(8, с.9). Причем это наиболее отчетливо проявляется у мальчиков, в то время как у девочек чаще наблюдается пассивное, апатичное, сонливое состояние (14, с.30).

Кризис во взаимоотношениях старших и младших заложен также и в самой психологии подражания, которое на определенном этапе детства переходит из бессознательного в осмысленное. Подражание в его поздней стадии предполагает не только положительное эмоциональное отношение к объекту, но непременно направлено на развенчивание авторитета того, кому подражают. Иными словами, подражание в этом случае есть «попытка наилучше узнать объект и лишить его преимуществ», что в конечном итоге и приводит к противоречиям между ними: «сначала воображаемое стремится стать реальным. Но реальное слияние влечет за собой противоречие с реальным существом, каким является модель» (12, с.145–146).

Таким образом, как можно предположить, психология взаимоотношений между старшими и младшими на известном этапе заключала в себе серьезную опасность для воспроизводства социальной информации. Представляется, что появление института инициации в человеческой культуре было мотивировано именно этими причинами и ориентировано на восстановление соответствующего психологического климата между приемниками и передатчиками традиционного знания, младшими и старшими.

Инициация являлась инструментом оказания мощного идейно-психологического воздействия системы на юношество с целью нейтрализации заключенного в нем негативного потенциала, грозившего ее целостности. Данный институт выступал в форме ритуального действия, после проведения которого юноши переходили в другую страту, становились полноценными членами общества (взрослыми). Само же действие было ориентировано на интернализацию поведенческих норм, сформировавшихся в той или иной культуре.

Структура ритуального действия, с одной стороны, включала средства, обеспечивавшие эффективность самого процесса, с другой же – увязывала поведенческие нормы с идеологическими представлениями культуры предков, которые легитимизировали приоритетное положение старших социально-возрастных групп в обществе. В частности, ритуал состоял из серии процедур, символизировавших разрыв с прежним юношеским статусом, полным отделением от старого мира, т.е. мира матери, через идею «смерти» и «возрождения» в мужском мире, наделение новыми (взрослыми) социальными функциями.

Можно предположить, что становление этого института как, впрочем, и других обычаев и традиций, происходило бессознательно (6). Скорее всего, первоначальным поводом к появлению подобного института была потребность в организованном воздействии на юношество в силу того психологического дискомфорта, который всегда нарастал по мере достижения детьми половой зрелости. Способ воздействия в форме **коллективного идейно-психологического принуждения** являлся естественной реакцией членов социума, которые коллективно сопереживали любое значимое для него событие. Периодичность возникновения подобной ситуации привела к закреплению в человеческой культуре такой процедуры. Последняя все более и более совершенствовалась по мере эволюции общественного организма.

На уровне сознания процедура инициации осмысливалась как «смерть» и «возрождение», т.е. в рамках господствовавших в первобытном обществе идеологических представлений культа предков. В результате юношество включалось в мир взрослых, обретало «взрослые» права и обязанности, а также включалось в мужскую систему взаимоотношений, иерархия в которой определялась данной идеологией.

В пользу предположения об изначальной функции института инициации как средства снятия психобиологических противоречий между младшими и старшими свидетельствует тот факт, что особое общественное значение в известных антропологам традиционных обществах придавалось именно мужским инициациям, где естественные психобиологические возрастные противоречия проявлялись, как уже отмечалось, особенно остро. Женские же инициации, которые иногда фиксируются исследователями, представляли собой «просто ритуальное обозначение факта наступления половой зрелости и включения девочки в группу взрослых женщин» (3, с.95).

Таким образом, ритуал инициации, который по своему содержанию являлся знаком обретения индивидом (или группой) более высокого социального положения, по форме представлял собой не что иное, как **акцию социально-психологического принуждения** посредством преднамеренного внушения, с целью закрепления в сознании людей сложившейся иерархии, в которой старшие занимали доминирующее место. Эти акции проходили при больших скоплениях людей, так как в ритуале инициации участвовали обычно все члены социума, что должно было значительно усиливать процессы внушения и взаимовнушения. Усиление же их было необходимо, если иметь в виду падение внушаемости у представителей мужского пола в период полового созревания (8).

Психике иницируемых целенаправленно прививались и другие состояния, позволявшие внедрить в их поведение заранее предусмотренные модели без активного участия в этом процессе **сознания участников** ритуала. В частности, в инициациях большую роль играло подражание. Правда, здесь оно выступало как имитация, что предполагало известное абстрагирование от непосредственного объекта подражания. Юноши научались чему-то, имитируя в своих действиях те поведенческие нормы, которым им предстояло следовать во «взрослой» жизни.

Важную роль играл также музыкальный и особенно танцевальный ритм. Погружение участников ритуала в единый ритм способствовало возникновению у них чувства единства, сплоченности, т.е. установлению такого эмоционального климата между ними, при котором резко возрастала внушаемость. Именно посредством танца иницируемые часто имитировали поведенческие нормы, которым им предстояло следовать после вступления в «новую жизнь».

Овладение ритмом, пластикой, характерными для культуры той или иной конкретной общности, осуществлялось с самого раннего детства: «Маленьких детей учат танцевать, как только они начинают ходить... Всякий новый танец взрослых дети пытаются исполнить в своем кругу, и, увидев, с какой серьезностью танцуют девочки и мальчики 2-3 лет, можно подумать, что при этом решается их жизнь», – писал европеец, наблюдавший за австралийскими аборигенами (3).

Внушающий эффект, как известно, зависит от психологической предрасположенности суггерента. Например, как утверждал *В.М. Бехтерев*, «благоприятным условием для внушения являются господствующие среди многих лиц настроения одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты, развивающиеся в периоды, связанные с определенной надеждой или ожиданием» (5).

Этнографические материалы, характеризующие различные народы мира, дают представление о той тщательности, с которой молодежь готовилась к проведению инициации. Срок подготовки варьировался от нескольких месяцев до нескольких лет. Этот период времени юноши проводили в уединении, в тонкостях осваивая правила ритуального поведения, тщательно изучая верования социума. На них могли накладываться разнообразные запреты: пищевые, сексуальные, на перемещения в пространстве и т.д. Здесь же отметим, что ни один юноша не мог не мечтать о переходе в следующую социально-возрастную страту, которая обеспечивала ему высокий уровень престижа. Одним словом, характер подготовки молодежи к инициации надежно обеспечивал эффектив-

ность непосредственного внушения, осуществляемого в процессе ритуального действия.

Хотя в арсенале средств, используемых ритуалом для оказания внушающего эффекта, преобладали действия, слово (т.е. вербальное влияние) также играло известную роль в этом процессе. В ходе ритуалов произносились различного рода клятвы, заклинания, назидания и т.д. В столь эмоциональной атмосфере словесное воздействие, по-видимому, имело гипнотический эффект: «Если налицо полное безоговорочное доверие... то человеческие слова у слушающего вызывают с полной необходимостью те самые представления, образы и ощущения, какие имеет в виду говорящий, а полная ясность и безоговорочность этих вызванных представлений с той же необходимостью требует действий, как будто эти представления были получены наблюдением и познанием, а не посредством другого лица» (27, с.155).

Ритуальное поведение часто характеризуется элементами «аномальности». Это касается и инициаций. Включение в ритуальное действо «аномальных» поведенческих моделей способствовало психологическому перерождению личности, вследствие чего возрастали ее возможности по адаптации к новому социальному статусу. В частности, для инициаций характерно включение драматического обыгрывания ситуаций, символизировавших конфликт поколений, при котором власть насильственно захватывалась новым поколением у старшего. Это же свидетельствует, на наш взгляд, о главной функции ритуала как механизма, ориентированного на гармонизацию отношений между старшими и младшими.

Имеющиеся данные свидетельствуют также о том, что в социумах с более сложной структурой инициации включают более сильные средства психологического воздействия. В частности, речь может идти о физических насильственных действиях, которые всегда являются составной частью ритуального действия и функция которых сводится к оказанию подобного влияния. В более примитивных социумах «ритуалы инициации не были столь мучительными для посвящаемых и не включали в себя многих мучительных операций...» (1, с. 55). Похоже, что по мере социально-политической эволюции традиционных обществ нарастала напряженность между стратами, его составлявшими, что требовало, естественно, выработки новых, более эффективных средств психологического принуждения.

Этнографические материалы говорят о том, что после прохождения инициаций поведение молодежи коренным образом изменялось в сторо-

ну тщательного соблюдения предписанных ее новому статусу норм поведения (58, с.68). В то же время в районах, где европейское влияние было достаточно сильным, ритуал как средство психологического воздействия терял свою эффективность, и старики часто жаловались, что «молодежь после инициации продолжает вести себя безответственно» (54, с.120).

Данное явление объясняется тем, под влиянием европейской культуры существенно менялась жизнь человека. В частности, старшие стали нередко нарушать вековые традиции, связанные прежде всего с отношением к молодежи. Например, они, как мы уже упоминали, стремились задержать социальный рост молодежи, оттянуть проведение ритуала, чтобы как можно дольше использовать ее труд для собственного обогащения. В этом они находили поддержку у колонизаторов. В результате изменялся психологический климат между старшими и младшими, между приемниками и передатчиками традиции. Вероятно, можно говорить о формировании у молодежи своеобразного «смыслового барьера», который служил преградой для бессознательного усвоения передаваемой старшими социальной информации (в том числе и посредством ритуала инициации).

Другие ритуалы жизненного цикла (ритуалы перехода)

Инициации являются частным случаем более широкого ритуального комплекса – «ритуалов жизненного цикла» (или «**ритуалов перехода**»). Последние оформляют любое передвижение индивида или группы по социально-политической иерархии традиционного общества, которое всегда мыслится как передвижение по социально-возрастной иерархии от рождения до смерти. Причем сам факт рождения или смерти не принципиален для традиционных культур, здесь человек считается умершим и родившимся только после совершения соответствующих обрядов.

Таким образом, ритуал не «подтверждает» и не «утверждает» уже совершившегося факта, но конструирует, создает его и в конечном счете является им. В таком случае человек рождается не потому, что его мать успешно перенесла беременность, а потому, что были совершены необходимые обряды. И переход индивида (группы) в следующий возраст воспринимается как следствие совершения ритуала (4). Это в известной мере справедливо и для современной культуры. Например, по своим физиологическим данным человек не может быть причислен к «взрос-

лым» и до получения паспорта (или до достижения определенного возраста) не считается таковым. Умершим у нас считают того, чья смерть «освящена» документально (независимо от того, является ли человек реально живым или умершим).

Структура этих ритуалов, включая инициации, состоит из определенных элементов. Это прежде всего **лишение объекта**, вводимого в новую возрастную реальность, **признаков прежнего состояния**. Считается, что именно в ритуале (а не в промежутках между ними) человек кардинально меняется, становится взрослым и даже умирает. Новорожденный еще связан с миром предков, со сферой «нечеловеческого». Поэтому к нему применяется та же операция, что и по отношению к невесте или покойнику: ритуальное омовение. С младенца смывается его «чужость», инакость. В свадебном обряде символ очищения выражен в «свадебной бане».

Следующий элемент структуры ритуала перехода – это **преобразование объекта ритуала**. Все ритуальные действия подчинены идее «перedefеливания» объекта. Это касается и снятия признаков прежнего состояния, и наделения признаками нового. По отношению к человеку «переделка» его существенных характеристик воплощается в действиях, концентрирующихся вокруг омовения, переодевания (перемены прически) и перемещения главного персонажа. Наиболее распространены операции над волосами (прическа на смену распущенным волосам, опаливание волос, их обстрижение). Эта же идея реализуется в переодевании, ибо новая одежда означает другого человека.

Затем происходит **наделение героя новыми признаками**. Он вновь обретает возможность ходить, видеть, говорить, осуществлять определенные действия и т.д., но это уже другие свойства, соответствующие его новому статусу. Вошедшему в состояние «взрослости» возвращается имя, но оно несколько иное (именование по имени и отчеству молодоженов).

Новорожденный обретает новые, человеческие признаки посредством таких обрядовых действий, как открытие глаз, «развязывание» ног и т.д. Подобные действия могут осуществляться до возраста 5–7 лет.

Для покойника новые признаки – это признаки принадлежности к мертвецам. Поэтому в погребальном обряде представлена картина противоположных действий: закрытие глаз, завязывание рук и ног и т.п.

В результате совершения любого обряда происходит создание новой знаковой реальности: исходный объект превращается в новый (новорожденный, новобрачный, новопредставившийся). Ритуализация

длится до тех пор, пока сохраняется статус нового. Для разных объектов длительность новизны различна. Младенец считается новорожденным в течение 40 дней или одного года. Аналогичные сроки приняты во многих местах для покойника (сроки обязательного траура). В течение года (т.е. до рождения ребенка) молодожены считаются новобрачными. «Новизна» – это срок, в течение которого объект сохраняет свою принадлежность к сфере ритуального, и вместе с тем срок «утверждения» в новом статусе, своего рода испытательный период. Промежуточное состояние новобрачных, например, подтверждается тем, что они могут принимать участие как в собраниях неженатой молодежи, так и старших, взрослых, женатых.

Разрушение старого и создание нового – два компонента ключевого комплекса «смерть – возрождение». В обрядности, связанной с родами, приобретают значение действия по наделению признаками «культуры», а в похоронной – снятие признаков прежнего статуса (4, с.174–182).

Существует и предположение более общего порядка – о том, что ритуал всегда является мостом в разрывах непрерывности, а поэтому он должен быть наиболее разработан в точках «социального разрыва» жизненного пути. Индивид же стремится прибегнуть к ритуалу прежде всего тогда, когда он чувствует такой разрыв наиболее остро. Поэтому, по всей видимости, иммигранты, как люди с «разрушенной историей», а также люди преклонного возраста должны быть горячими участниками и создателями ритуалов (51).

Представляет интерес в данной связи проблема соотношения степени ритуализации и символизации жизненного пути и режима функционирования общества. Иными словами, вопрос заключается в том, в каких обществах, а именно стабильных или, наоборот, обществах с высокой скоростью социальных перемен, этапы жизненного пути получают наиболее разработанное ритуальное и символическое выражение.

Этнографические материалы свидетельствуют о высокой степени ритуализации и символизации возраста в традиционных обществах, что объясняется низкой степенью их динамики, ориентацией на простое воспроизводство. Сегодня же наблюдается как раз формализация возрастной организации именно в индустриальных обществах, в то время как в традиционных обществах она идет на убыль. К примеру, некоторые исследователи усматривают в американском обществе (США) усиление осознания его членами возрастных различий. Предполагается, что это происходит из-за демографических изменений, в результате которых в обществе увеличивается доля пожилых людей. В результате прогнози-

руется возрастание в будущем вероятности появления политиков, действия которых будут основаны на возрастных интересах, поскольку они сформировались в условиях, когда возрастные различия осознавались особенно отчетливо. В современной России возрастной принцип занял прочное место в политической сфере. В соответствии с ним создаются, например, и политические партии («Партия пенсионеров»).

Драматические изменения в возрастной демографии являются типом социальных изменений, ведущих к **усилению возрастной дифференциации**, что, в свою очередь, может служить источником появления возрастного конфликта в обществе (38, 18).

Глава 6

ВЛАСТЬ И ВОЗРАСТ

Власть старших на ранних стадиях социальности

В процессе становления человеческого общества возникла исторически первая социально-политическая иерархия, основанная на **половозрастном принципе**. Она проявлялась в различных нормах, регламентирующих поведение старших и младших возрастных групп. Нормы первых связывались с высоким социальным престижем, с властными позициями в социуме, нормы же вторых – с подчинением.

Существует точка зрения, что на самых ранних стадиях социогенеза индивид по мере своего биологического взросления автоматически передвигался по социальной иерархии, обретая все более значимые права и обязанности по отношению к обществу (21). Одним словом, такое соотношение возраста и власти может быть отнесено только к некому гипотетическому прошлому. В большинстве ранних работ антропологов, изучавших традиционные общества, объективная реальность тоже упрощалась, и эти общества рассматривались как **геронтократии**.

Более поздние исследования подобных обществ, сохранившихся до наших дней, показали, что достижение индивидом определенного возраста еще не гарантировало ему политического превосходства. Для этого необходимо было обладать и определенными личностными свойствами, а также материальными ресурсами. Последние давали возможность расширять социальные связи заключая многочисленные браки, а также организовывать многочисленные угощения и застолья, что было необходимым условием обретения высокого авторитета в социуме.

Таким образом, в подобного рода обществах старейшина – это человек, не только относящийся к старшему поколению, но влиятельный (богатый). У лугбара (Африка) старейшина – это официальный глава патрилинейной локальной группы, обычно – старший сын первой (старшей) жены своего предшественника. Однако, если он был молод, слаб или глуп, то его функции мог выполнять другой родственник в качестве своего рода регента.

По мере эволюции первичной формации социально-возрастное доминирование все более отрывалось от своей биологической основы. Это отчетливо видно на материале африканских обществ с их так называемыми «**возрастными классами**». Эти классы, когда они попали в поле зрения европейских исследователей, уже включали индивидов самого разного возраста (биологического), который значительно варьировался, хотя сами аборигены определяли свои классы как возрастные. Данное явление объяснялось усилением кровнородственного начала в социальной организации общества, выделением семьи в качестве основной единицы социально-хозяйственной деятельности. Теперь принадлежность к возрастному классу определялась не столько биологическим возрастом индивида, сколько материальными возможностями и желанием кровного отца способствовать социальному росту своих сыновей, повышение социально-возрастного статуса стало зависеть от внесения материального взноса за проведение инициации либо уплаты брачного выкупа и т.д. (16).

При этом по мере усиления семьи в качестве самостоятельной социально-хозяйственной единицы власть старших внутри нее возрастала. Если в наиболее примитивных сообществах, как показывают этнографические материалы, она было едва заметной для европейского глаза, то в более развитых (типа вожеств, например) подчинение отцу семейства отождествлялось с полной покорностью, а его авторитет был сопоставим с авторитетом бога (11, с.273).

Здесь возрастной принцип жестко оформлял общественную иерархию внутри семьи: «Что испытывал любой обитатель крааля от своего отца, он, в свою очередь, переносил, правда, в меньшей степени, на младших, требуя от всех моложе него по возрасту или стоящих ниже него на общественной лестнице такого же повиновения, какого требовал от него старший. Наряду с требованием полнейшего повиновения развивалось не только почтение с старшим, но нечто большее, благоговение ко всем, кто старше. Это благоговение было всеобщим. Маленький мальчик почитал старшего мальчика. Последний – своего старшего брата, а все вместе – своих родителей» (11, с. 127).

Поэтому вряд ли прав Г Мэн, рассматривавший возникновение государственной власти из абсолютной власти отца в семье (*patria potestas*, см. 10). В исторической перспективе было, скорее, наоборот: возникновение надобшинных раннегосударственных властных структур привело к усилению власти старших и, в частности, отеческой власти в семье. В таком обществе назвать себя сыном другого лица было равносильно тому, чтобы назвать его слугою (32, с. 190). Европейский материал также говорит о том, что слова, выражавшие старшинство (о чем мы уже упоминали), со временем превращались в почетные титулы: *граф, барон, сеньор, сэр* и т.д. (32, с.199).

Из власти старших (возникшей из естественной потребности социальной формы организации материи в самосохранении) развилось в человеческой культуре, по выражению Г Спенсера, «правительственное чувство». «Во-первых, эмоциональная природа, обуславливающая общий образ поведения, наследуется от предков, являясь продуктом всех деятельности этих последних; во-вторых, частные мотивы, прямо или косвенно определяющие предпринимаемый способ действия, внушаются на ранних ступенях развития старшими при посредстве требований, верований и обычаев, унаследованных от предков. Говоря кратко, “правительственное чувство” является накопленным и организованным чувством прошлого»(32, с. 228). Поэтому искатели власти у всех народов и во все времена всегда апеллируют к прошлому, они беззастенчиво фальсифицировали и продолжают фальсифицировать историю, видя в ней главное средство легитимизации своей власти.

Сегодня в антропологии существует точка зрения, согласно которой распределение власти в обществе между поколениями обусловлено демографическими причинами, конкретно – его возрастной структурой. К примеру, К. Калтер обратил внимание на демографические изменения в современном американском обществе, в результате которых увеличивается доля пожилых людей. На этом основании предполагаются обострение в будущем межпоколенного конфликта, а также вероятность появления групп давления, основанных на возрастных интересах (38, с. 26). Если учесть, что в «примитивных» обществах лишь меньшинство достигало возраста 50 лет, то сторонники этого мнения считают правомерной постановку вопроса: каким образом старики все же доминировали в обществах, в которых они составляли меньшинство? (47).

Современные антропологи ставят следующий вопрос: при каких условиях старшие и младшие формируют политические группы давления для достижения своих целей? При этом они видят аналогии с инду-

стриальным обществом, в котором старшие для реализации своих интересов организуются в различные ассоциации, союзы и т.д. (56).

Харизматическая власть и молодежь

В традиционных обществах отчетливо прослеживается тенденция к взаимодействию харизматического лидера и молодежи. Основой этого взаимодействия служила, с одной стороны, неудовлетворенность молодежи своим положением в обществе, с другой – борьба за власть между традиционными и харизматическими лидерами.

Роль харизматических лидеров (колдунов, знахарей, пророков) в традиционных обществах была весьма существенна, и она носила интегрирующий характер – в том смысле, что авторитет традиционных лидеров, в частности старейшин, распространялся лишь на свои родственные коллективы и опирался на культ своих предков. Авторитет же пророков, колдунов, знахарей опирался на магические представления и мог распространяться на больших территориях.

Молодежные группы в традиционных обществах всегда строились на надродовой основе, поэтому идеологическое обеспечение их деятельности могло осуществляться только посредством магических представлений. У масаев (Африка), например, харизматический лидер играл основную роль при проведении обрядов инициации, он же санкционировал военные набеги (44, с.64). У дессане (Африка) молодежь нередко обращалась к знахарю за разрешением осуществить набег в обход консультаций со старейшинами (36, с.129). Обращение воинов к знахарям мотивировалось тем, что последние могли обеспечить им успех в военном предприятии, указав наиболее удачное время для совершения набега. В знак признания авторитета знахаря воины отдавали ему часть захваченной добычи (9, с. 111).

Харизматические лидеры, в свою очередь, использовали молодежь в борьбе за власть. Особенно она разворачивалась во времена кризисов традиционной власти. Причиной кризисов являлись социальные и природные катаклизмы, эпидемии и т.д., которые свидетельствовали о том, власть утратила свою силу (т.е. магическую силу) и не способна далее эффективно управлять. В это время и появлялись пророки, знахари или колдуны, которые, опираясь на свой «сверхъестественный» потенциал (харизму), начинали претендовать на политическую власть.

При этом молодежь была их союзником, учитывая характерную напряженность между нею и традиционными лидерами, к которым отно-

сились старшие родственники. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что именно харизматические лидеры часто были инициаторами набегов. Э.Э. Эванс-Причард описал одного такого лидера у нуэров (Африка), который вдохновлял молодежь на совершение набегов. Он часто прилюдно оскорблял членов своей же возрастной группы, которые по отношению к молодежи выступали как отцы. Такое поведение было направлено на завоевание авторитета у молодежи (40, с.112). Бывало, что тандем такого лидера и молодежи приводил к образованию временных политических объединений (9, с.112).

По мере развития политической организации, формирования публичной власти связь харизматического лидера и молодежи становилась еще более крепкой. Это объяснялось прежде всего возникновением такого института, как дружина. Последняя появилась на том этапе общественно-политической эволюции, когда война постепенно стала важным фактором социально-хозяйственной деятельности социума.

Военные вожди в известной мере противостояли родовым структурам, входившим в социум, так как их аппарат строился на надродовой основе. Дружины охотно пополняла молодежь, стараясь уйти из под власти своих родовых начальников. Захватываемая в процессе военных действий добыча теперь распределялась вождем преимущественно среди дружинников. В результате юноши обретали экономическую самостоятельность, независимость от своих старших родственников и могли впоследствии использовать появившиеся у них материальные ресурсы для повышения своего социального статуса, в частности уплаты брачного выкупа. Поэтому наиболее охотно в дружину шли дети малообеспеченных родителей (9, с.117). Таким образом вождь для дружинников становился как бы отцом, который выполнял наиболее важную социальную функцию – обеспечивал социальный рост своих «детей».

Из сказанного можно сделать вывод, что институт дружины в известной мере снимал напряженность между молодежью и старшим поколением в рамках родственного коллектива (семьи), но в то же время возникали новые проблемы – между дружиной и вождем. В частности, дружинники требовали от вождей активных военных действий, которые обеспечивали им престиж и материальное благополучие. Неудачливые в военном отношении лидеры могли быть отвергнуты дружиной и даже убиты. Подобные противоречия между дружинниками и их лидером на данном этапе политогенеза отчетливо фиксировались в ритуалах, в которых дружина и вождь выступали в качестве враждующих сторон (37, с. 327–404).

Характерной особенностью харизматического лидера является его противостояние структурам, власть в которых зиждется на идеологии культа предков или, в широком смысле слова, на традициях. В этом отношении вся российская политическая история изобилует примерами использования харизматических свойств для укрепления своей власти. Особенно это присуще лидерам-реформаторам, которые, по определению, отрицают «старый» порядок, пытаясь внедрить новые формы отношений. Именно они в своей деятельности опираются прежде всего на молодежь, используя объективные противоречия, существующие между старшим и младшим поколениями.

Это отчетливо видно на примере двух выдающихся отечественных самодержцев-реформаторов – Ивана Грозного и Петра Великого: «Оба монарха окружают себя молодыми людьми, и это не мелочи их частной жизни». Характеризуя последнее опричное правительство, Таубе и Краузе отмечали, что при особе Ивана остались одни «молодые ротозеи». Голиков, смиренный почитатель Петра, перечисляя «Страленберговы нарекания» на своего кумира (они отражают ропот консервативных «некоторых тогдашних московских бояр»), два из них передает так: «2. Что определял к себе молодых людей без разбору, благородных и неблагородных; 3. Что тем молодым людям позволял осмеивать бояр, наблюдающих старинные обычаи...». Одновременно идея единства рода сменяется проблемой отцов и детей, когда одно поколение противопоставляется другому... «В административной практике царь (Иван Грозный. – В.Б.) постоянно нарушает принцип старшинства, произвольно выбирает из большего количества размножившихся служилых родов того или иного человека, не считаясь совершенно со службой его отца и деда и ближайших родственников» (13, с.259). Московские разговоры о том, что Грозный натравливал младших родственников на старших, передал Флетчер (33; с.45). Иногда это выливалось в трагическую форму. По сведениям Курбского, царь вынудил своего фаворита Федора Басманова резать отца.

«Установке на молодое поколение аналогична установка на иностранцев. Для Петра это не нуждается в аргументах» (26, с.59-60). Петр также нарушал традиционные нормы, завоевывая авторитет у молодежи: «...выбрана была Петру невеста, и он женился, несмотря на несогласие царевны. Такой смелый поступок усилил партию Петра, и все молодые царедворцы, отцы которых всегда были на стороне Софии, перешли к нему» (29, с.514).

В советский период опора власти на молодежь приобрела вид государственной политики. Одновременно предпринимались попытки разорвать связь поколений, стимулировать конфликт между ними. В результате Павлик Морозов был признан национальным героем, и на его примере воспитывалась молодежь.

Культ предков как идеология власти старших

Культ предков является, по-видимому, исторически первой политической идеологией, закреплявшей доминирование старших социально-возрастных групп в традиционном обществе. Этот вид идеологических представлений в той или иной форме наблюдается у всех народов. Он, по сути дела, отражает и закрепляет на уровне сознания сложившуюся в обществе иерархию, построенную на возрастном принципе.

В основе данной идеологии лежит вера в сверхъестественные возможности предков. Считалось, что магическая сила индивида возрастает по мере взросления и достигает своего максимума, когда он переходит в статус предка, т.е. после его физической смерти. Используя эту силу, как предполагалось, старшие; и в особенности предки, могли наказывать младших за неповиновение. По мере нарастания социальной дифференциации, которая сопровождалась усилением социально-хозяйственной роли семьи, почитание предков принимало религиозный характер, и в конце концов люди стали верить, что проклятие отца влечет за собой страшные беды для сына.

В дальнейшем, с развитием политической сферы, появлением надобщинных властных структур, вождей, именно их предкам, а не семейным, приписывается большая магическая сила. Вожди (а потом и средневековые монархи) выступают в качестве отцов социума, члены которого считаются его «детушками». Неповиновение им также предполагает сверхъестественные санкции, распространявшиеся на все общество, в то время как санкции семейных предков затрагивали только членов родственных коллективов. Одним словом, иерархизация сверхъестественных образов была лишь фактическим отражением реальной социальной иерархизации.

Следует отметить, что даже там, где культ предков не был столь развит, старики считались приближенными к божествам и обладали, как предполагалось, мистической властью. Они были хранителями ритуальных и религиозных знаний, что во многом определяло их авторитет. Старики помнили также прецеденты, что и использовалось в судебной

практике. Они не делились своими знаниями, а хранили их при себе, что превращало стариков в монопольных владельцев важной социальной информации. Это, в свою очередь, укрепляло их высокое положение в обществе.

Наследование

Исследование взаимосвязи возраста и власти не может быть осуществлено вне изучения проблемы, связанной с наследованием. Наследование всегда привязано к возрасту, и каждое общество вырабатывает свои механизмы, посредством которых молодые наследуют власть старших.

Антропологические исследования доиндустриальных обществ показывают, что в одних случаях наследовали братья, в других – сыновья. Принято считать, что наследование братьями характерно для более архаичных социумов. Здесь патриарх или вождь и их наследники (братья) принадлежат к одному поколению. Возрастное различие между ними, как правило, незначительно, что часто ведет к обострению конкурентной борьбы за власть. У зулусов «вновь назначенные вожди при первой же возможности старались незаметно устранить своих завистливых братьев» (5, с. 290). Видимо, поэтому в традицию многих народов входила процедура казни братьев правителя во время ритуала его коронации (11, с.189).

Наследование же титула правителя представителем младшего поколения (сыном), напротив, способствовало гармонизации властных отношений, учитывая что последнему приходилось не так долго ждать «своего времени», находясь в зрелом возрасте.

Отечественный исследователь *В.М. Мисюгин*, сравнив средневековые суахилийские хроники с древнеирландскими и древнерусскими письменными правовыми источниками, пришел к выводу, что все они содержат следы более архаических норм наследования титула, т.е. наследования братом. Он назвал это правило «правилом ндугу» (по суахилийской традиционной терминологии «ндугу» – это родственник).

Суть данного правила состояла в том, что в династийном роду титул наследовал не сын умершего правителя, а следующий за ним по возрасту родной или двоюродный брат (по мужской линии). Однако это правило не распространялось на всех возможных представителей одного генеалогического поколения правящего рода, а касалось трех старших (по порядку рождения). Далее титул переходил к их потомкам, к трем

братьям следующего поколения, которые последовательно по возрасту пожизненно отправляли должность верховного политического главы.

Ученый считает, что до пожизненного правления титул правителя передавался в момент вступления в брак очередного наследника еще при жизни предшествующего. Этот вывод исследователь делает, опираясь на данные по некоторым народам Восточной Африки, где передача власти осуществлялась от поколения к поколению, строго через определенные промежутки времени, что обязательно сопровождалось вступлением в брак представителей возрастной группы, входившей во власть.

Стремление узурпировать правителем власть, т.е. не допустить при своей жизни вступления на престол остальных своих братьев, имевших на то традиционное право, неизбежно вело к междуусобице среди претендентов (т.е. братьев). С точки зрения ученого, междуусобицы русских князей в Древней Руси были вызваны, с одной стороны, сохранявшейся традицией передачи власти брату, с другой же – стремлением правителей назначать в качестве своих наследников представителей младшего социально-возрастного поколения, т.е. сыновей. В конечном итоге именно второй принцип закрепился в культуре большинства народов мира, так как он обеспечивал повышение устойчивости возникавших социально-политических образований (22, с. 38–48).

В полигинных обществах может наследовать не просто старший сын, а старший сын жены наиболее знатного происхождения. Старшие сыновья других жен становятся второстепенными наследниками (у африканских свазии). После смерти главы семьи на совещании родственников происходит выяснение генеалогии вдов, а затем избирается новый глава семьи.

Глава 7

КОНФЛИКТ И ВОЗРАСТ

Социальные причины возрастного конфликта

В основе социально-возрастного конфликта в традиционных обществах лежал неравномерный доступ различных социально-возрастных групп к наиболее общественно-ценным ролям и материальным благам. Есть основания предполагать, что на более ранних стадиях социогенеза традиция достаточно жестко регулировала периодичность смены поко-

лений, обеспечивая доступ к властным ресурсам наиболее дееспособным в физическом и умственном отношении мужчинам.

Однако, когда эти общества попали в поле зрения европейских исследователей, старшие социально-возрастные группы повсеместно нарушали традиционные нормы, пытаясь продлить свое привилегированное положение. В меньшей степени это имело место в обществах охотников и собирателей, поскольку здесь все социально-возрастные группы могли эксплуатировать территорию. В земледельческих же и скотоводческих обществах старшие контролировали главные материальные ресурсы: землю и скот. Они могли задерживать социальный рост молодежи, лишая сыновей приданого (калыма), сами же брали дополнительных жен, увеличивая свой престиж. Во-первых, большое количество жен увеличивало число родственных связей, что было важно для того чтобы стать влиятельным человеком. Во-вторых, оставляя своих сыновей в социально униженном положении, старшие (отцы) получали возможность продолжать эксплуатировать их труд и тем самым увеличивать свое материальное благосостояние. В-третьих, создание большой семьи давало им еще и возможность использовать труд жен и других младших родственников. Наконец, выдавая замуж дочерей отцы получали дополнительные материальные ресурсы в виде калыма. Зачастую они также использовали в качестве рабочей силы труд их мужей (прежде всего при матриликальном браке).

М. Вилсон, работавшая среди няккьюса (Африка) в 30-х годах, была свидетелем того, как вождь и все его поколение, несмотря на старческий возраст, продолжали находиться у власти. Они брали себе в жены молодых женщин, в то время как их сыновья продолжали ходить в холостяках, не обретая тех прав полноправных членов общества, которые представители традиционных обществ получали только вступая в брак (59).

Поэтому конфликт между старшими и младшими на этой почве был наиболее распространенным в подобных обществах. «Неженатые мужчины нередко посягали на молодых жен старших мужчин: встречались с этими женщинами тайком, устраивали побеги, вступали в споры со старшими мужчинами, претендовавшими на дополнительных жен» (3, с. 167).

Подобный конфликт между старшими и младшими мужчинами в семье при определенных условиях мог обостряться. Например, во время первой мировой войны в России резко возросло количество преступлений, связанных с убийством своих отцов в связи с так называемым «снохачеством» (т.е. когда отцы вступали в связь с женами своих сыно-

вей, уходивших на фронт). Преступления совершались, как правило, после возвращения последних с фронта.

Конфликт между отцами и сыновьями в борьбе за верховную власть можно отчетливо проследить листая страницы нашей политической истории. Достаточно вспомнить убийство сына Иваном Грозным и Петром I или убийство Павла I в результате заговора, организованного его сыном Александром. Убивает своего сына и былинный герой русского народа Илья Муромец (24, с. 422).

Возрастной конфликт в патрилинейных и матрилинейных обществах

В патрилинейных обществах конфликтные отношения существуют прежде всего между отцами и сыновьями..

Во-первых, сыновья в этих обществах наследовали отцам, и это приводило к напряженности. Отцы не спешили обеспечивать своих чад брачным выкупом (калымом), в то же время с недоверием смотрели на своих уже взрослых холостых сыновей, боясь, что те соблазнят их молодых жен. Во-вторых, после женитьбы сыновья стремились к большей автономии, пытаясь уйти из под власти патриарха. Последний же старался и после этого использовать даровой труд своих младших родственников.

В турецких деревнях сын жил в доме отца до его смерти. У ив (Африка) сын работал на отца даже после женитьбы и строил собственный дом в месте, указанном отцом. У ибо (Африка) отношения между отцами и сыновьями особенно обострялись, когда отцам было за 60, а сыновьям под 40 и они имели почти взрослых детей. Однако отцы продолжали владеть лучшими землями, а также сосредоточивать в своих руках ритуальную власть. Поэтому именно от отцов, которые имели доступ к предкам благодаря ритуальной практике, зависела судьба сыновей и их семей. И только со смертью отца у последних появлялась возможность самим вступить в контакт с предками (41, с. 45).

Особенно неблагоприятно складывались отношения между отцом и старшим сыном, который представлял для власти отца наибольшую опасность. Антропологам часто доводилось слышать от туземцев: «Старший сын – наш соперник», «Посмотри на моего старшего сына, он не будет беспокоится, если я завтра умру, так как унаследует все мои владения». С раннего детства отношения между ними регламентировались многочисленными запретами. Первенец не мог есть из посуды

отца, носить его одежду, заглядывать в отцовский амбар, пользоваться его луком. Когда он женился, ему запрещалось встречаться с отцом лицом к лицу, даже у общей калитки дома (41, с. 45–46).

В патрилинейных обществах обычно женщина после замужества шла жить в дом своего мужа (патрилокальный брак). Поэтому мужчина был избавлен от власти ее отца. В том же случае, когда они жили рядом и зять оставался должен доплатить выкуп или отработать за него, отношения между ними были натянутыми.

В матрилинейных системах подобные отношения складывались между племянником и его дядей по материнской линии. Правило наследования брату матери делало их потенциальными конкурентами. Здесь антропологам часто приходилось слышать: «Сын сестры – враг своему дяде (брату матери), он ждет его смерти, чтобы унаследовать ему». Противоречия между дядями и племянниками нашли отражение в фольклоре, например, пословица ашанти говорит: «Сын сестры подобен собаке, он покорно сидит у твоих ног, но фактически готов грызть кость твоей ноги». В 50-х годах племянники нередко прибегали к попыткам отравить своих дядьев.

В матрилинейных обществах, как правило, выкупа за невесту не существовало, либо он был очень маленьким. Зато мужчины после вступления в брак работали на родственников жены, что обостряло отношения между ними и отцами жен (тестями). Отработки замечены и в патрилинейных обществах при матрилокальном браке, особенно когда отцы по бедности не могли обеспечить сына выкупом (41, с. 48–52).

Наиболее острые межпоколенные противоречия складывались между смежными мужскими поколениями, но между дедушками и внуками отношения были дружескими, раскованными, так как внуки не являлись их непосредственными наследниками и, таким образом, не представляли для них потенциальной угрозы. Напряженность могла возникать на этапе полной физиологической деградации дедушек, когда забота о них ложилась на плечи внуков. В 50-х годах основные противоречия у скотоводов самбуру (Африка) складывали между старшими воинами и младшими старейшинами, т.е. двумя смежными поколениями (41, с. 56).

Подобные отношения между старшими и младшими могли и не ограничиваться лишь пределами родственных групп. Например, у индейцев хидатса переход из одной социально-возрастной группы в другую не мог осуществляться индивидуально. Младшая группа покупала имя у старшей, а могла вообще остаться без имени, продав свое младшей и не

имея средств купить его для себя у более старшей. Наиболее напряженными были отношения между смежными социально-возрастными группами: старшие старались назначить более высокую цену, вероятно, чтобы замедлить социальный рост молодежи, в этом случае младшие обращались к еще более старшим (дедам) для получения от них материальной помощи.

Конфликтные отношения со стариками

Источником напряженности в отношениях между поколениями во многих обществах может служить физическая деградация стариков и связанная с этим потеря ими высокого социального статуса, переход на положение иждивенцев. Как правило, старшие к этому времени передают власть младшему поколению. В некоторых обществах это происходит, когда дети вступают в брак. У галла старики, равно как и дети, носили название «немые», т.е. не имевшие голоса при решении общественных проблем. Напряженность возникала, когда старшие пытались оттянуть время ухода с политической сцены (41, с.100). Зачастую старики старались концентрировать в своих руках прежде всего ритуальную власть даже в случае почти полной физической деградации. Поэтому в известных науке традиционных обществах отношение к старикам варьировалось от трогательной заботы до самого жестокого обращения. Антропологам известно немало обществ, в которых существовала традиция насильственного убийства стариков, либо их бросали умирать.

В то же время почти всегда эти убийства имели достаточно высокий престижный статус в культуре, так как предполагалось, что стариков отправляют в мир предков, где они обретут новые сверхъестественные силы, а затем возродятся в детях. Известно, что в старые времена старики-якуты, став немощными, просили закопать их живьем. Перед тем, как отвести стариков в лес и закопать их в заранее подготовленную яму, в течение трех дней праздновали это событие. О том, чтобы их бросили умирать, просили и старики-эскимосы северной Канады (41, с. 108).

Для славян были характерны представления о «пережитом» веке (чрезмерно затянувшейся жизни, отразившиеся в выражении «зажиться на свете», «заедать чужой век»). В некоторых районах Болгарии и Сербии зафиксированы обряды прижизненных поминок по «зажившимся» старикам, с целью искусственно ограничить непомерную продолжительность «века». «Зажившийся» опасен тем, что «заедает чужой век»,

т.е. расходует долю, предназначенную для другого человека (4, с. 102). Обряд подобных поминок означал, по сути дела, социальное убийство.

Способы регуляции конфликтов между поколениями

Существовавшее в традиционных обществах неравенство поколений обуславливало напряженность в отношениях между ними и таило в себе опасность перерастания в открытый конфликт. Публичный конфликт или агрессивное поведение могли проявляться в различных культурах в виде физической агрессии, словесного спора, косвенной агрессии, нарушения обязательств, набегов, отделения. Физическая агрессия – это убийства, драки, поединки, разрушение собственности и кража ценных вещей. Нередки были случаи драк между отцами и сыновьями. Случаи убийства отцов и дядьев резко участились среди народов африканского континента в колониальный период.

Надежным регулятором взаимоотношений между поколениями, который снимал существовавшую в них напряженность, была традиция. Она включала в себя экономические, социальные, идеологические и социально-психологические аспекты.

К экономическим аспектам относится преимущественное владение старшими средствами производства, землей, скотом и т.д. Поэтому социальный рост молодежи зависел от старших, которые обеспечивали юношество необходимыми материальными ресурсами для социального роста. Это заставляло молодежь подчиняться старшим, ожидая «своего часа»

К социальным аспектам можно отнести взаимные обязательства между поколениями, которые также служили фактором, нейтрализующим конфликт. Молодежь осознавала, что для удовлетворения своих интересов более выгодно укреплять социальные связи прежде всего с влиятельными старшими. У самбуру (Африка) молодые воины старались поддерживать тесные отношения со старшими старейшинами, среди которых были их отцы. Основной же антагонизм был направлен против младших старейшин. Молодые люди нередко отдавали предпочтение укреплению контактов не со своими сверстниками в рамках своей социально-возрастной группы, а со старшими родственниками или свойственниками.

К идеологическим аспектам традиции, регулировавшей взаимоотношения между старшим и младшим поколениями, относятся господствовавшие представления, связанные с культом предков. В соответ-

вии с ними старшие обладали мистической властью, используя которую они могли определить судьбу младших родственников.

Подчеркнем, что идеология в традиционных обществах еще во многом совпадает с социальной психологией. В частности, запреты, которые четко разграничивали поведение старших и младших, с одной стороны, соответствующим образом формировали психику подвластных (младших), с другой же – отражались в сознании людей в рамках представлений культа предков, обеспечивая старшим высокий авторитет в общественной жизни.

Например, табу (запреты) часто принимали форму так называемых обрядов избегания. Они ограничивали контакты между старшими и младшими и жестко регламентировали поведение одних относительно других. Например, племяннику могло быть запрещено даже прикасаться к дяде (брату матери). Регламентация касалась и вербального поведения. В частности, младший не имел права заговаривать первым. Ему также нередко запрещалось жевать, курить, плевать, а в разговоре со старшими он обязан был использовать только наиболее вежливые обращения и выражения. Особенно жестко эти табу действовали по отношению к самому старшему мужчине матрилинейного поселения, главе домохозяйства. Если в этих поселениях подобной персоной являлся брат матери (как правило, старший), то в патрилинейных – отец.

Идеологическая легитимизация неравенства между старшими и младшими зафиксирована в фольклоре, мифах, исторических преданиях и анекдотах. Их создателями были сами старшие, которые таким образом постоянно внушали уважение к себе.

К идейно-психологическим факторам, служившим нейтрализации напряженности между поколениями, которая возникала в связи с неравномерным распределением общественных ресурсов между ними, можно отнести осознание младшими неизбежности старения, а значит, обретения ими в будущем высокого социально-возрастного статуса. Они могли предвидеть, что дурное обращение со стариками сулит им самим мрачные перспективы в старости. Это несомненно служило гармонизации отношений между возрастными стратами.

Можно также говорить о том, что традиция включала в себя определенные механизмы **переориентации агрессивности**, характерной для юношеского возраста. Одним из таких механизмов был институт набегов на соседей, который широко представлен в традиционных культурах. Не случайно набег на соседей является важным компонентом обряда инициации. Здесь иницируемые должны проявить свои мужские

качества: смелость, храбрость и т.п. Сама же инициация служила важнейшим инструментом социализации прежде всего мужчин, в ее процессе происходило «обуздание» того разрушительного потенциала, которым характеризуется человеческий организм в период полового созревания.

Агрессивность юношеского возраста являлась, по всей видимости, постоянной угрозой целостности архаического социума. С одной стороны, старшие стремились направить ее за пределы своего социума, с другой же – боялись усиления роли молодежи в связи с возрастанием в обществе роли военной функции.

Согласно этнографическим материалам, хотя решения о набегах принимали старшие, тем не менее, военная деятельность молодежи часто выходила из-под контроля старейшин. Так, собравшись вместе во время досуга, юноши приходили в такое возбуждение, что удержать их от набега было невозможно. Решения принимались ими внезапно и реализовывались в течение нескольких часов, и старейшины не могли этому воспрепятствовать (36, с.127).

Именно в такие моменты напряженность между младшими и старшими усиливалась, приобретая ярко выраженный биосоциальный характер. Подобное проявление молодежной агрессивности отчетливо фиксируется и на русском материале вплоть до настоящего времени, в форме деревенских драк, в которых участвовала неженатая молодежь (35).

На племенных сходах, посвященных перспективам набега, велись ожесточенные дискуссии между представителями старшего и младшего поколений. Вербальное поведение старейшин характеризуют выражения, подчеркивающие низкий социальный юношества. Старейшины, как правило, старались воспрепятствовать внеплановым набегам, стремясь таким образом ограничить военную деятельность молодежи.

Старшие контролировали и захватываемые в ходе набегов материальные ресурсы, прежде всего скот и женщин, которые поступали в распоряжение старших родственников. Это делалось для того, чтобы молодые люди не могли их использовать для преждевременного социального роста, в частности для уплаты калыма.

Традиционное регулирование взаимоотношений между старшими и младшими часто предполагало их пространственное отделение. Это ярко проявилось в традициях няккюса, у которых молодежь, начиная с периода полового созревания, селилась отдельно от своих старших родственников, образуя деревни сверстников (о чем речь шла в гл. 2 раздела 2).

Изоляция могла иметь и частичный характер. У многих народов юноши по достижении половой зрелости жили в специальных поселениях за пределами деревни и под надзором старейшин, дожидаясь инициации. Бывало, что молодежь под руководством своего вождя покидала родные края в поисках военной удачи. Впоследствии они могли оседать на другой территории и даже образовать отдельный этнос. Похоже, как уже отмечалось, эфиопский этнос амхара имеет именно такое происхождение (34). Современная миграция молодежи из сельских районов в города также во многом представляет собой попытку уйти из-под надзора старших, т.е. имеет те же корни.

Неудовлетворенность молодежи своим униженным положением находила частичную компенсацию в рамках самой молодежной субкультуры с ее базовыми ценностями. Представители молодежной субкультуры стремились завоевать престиж и уважение среди сверстников (41, с.143). У самбуру, например, старейшины мало вмешивались во внутреннюю жизнь моранов. Если среди старейшин ценились рассудительность, терпимость, самоконтроль в спорах, надежность, честь, то у моранов авторитет ассоциировался с проявлением мужества, храбрости, агрессивности и т.п.

Однако и здесь традиционные культуры охраняли общество от молодежи. В частности, авторитет молодежного лидера ограничивался временем набегов, а попытки навязать его сверстникам в мирное время сурово осуждались (36, с.122). У чеченцев, например, подобных лидеров нередко убивали (25, с.39).

Механизмы, компенсировавшие в традиционном обществе неудовлетворенность юношества своим положением, обнаруживаются и в их сексуальном поведении. Хотя старейшины наказывали молодых людей за связь с чужими женами, у молодежи такие связи пользовались уважением и составляли предмет бахвальства друг перед другом. Молодые люди имели контакты и с незамужними любовницами. Все это в известной мере компенсировало их социальный статус неженатых мужчин.

Поскольку молодые обладали физическим здоровьем и силой, это составляло предмет не только их гордости, но и зависти со стороны старших. Молодежь же также гордилась «лихими временами», своей символикой и одеждой. Компенсацией для молодежи была также власть, которую они навязывали еще более молодым. Старики же компенсировали свою немощь и утрату реальной власти выполнением ритуальных и религиозных функций (41, с.145).

Механизмом отвода агрессии можно считать и вербальное поведение молодежи, нередко изобиловавшее ядовитыми шутками в адрес старших, которые представляли в них злыми, глупыми и несправедливыми людьми. Ирландцы, например, высмеивали стариков как старых болтунов. У самбуру мораны преднамеренно разыгрывали старших, используя неологизмы, которых старшие не понимали. Поэтому когда юноши запевали песню, насыщенную подобными словцами, старшие не знали, то ли она предназначена для соблазнения их молодых жен, то ли молодежь просто поет и радуется жизни (41, с.147).

К компенсаторным механизмам, направленным на нейтрализацию напряженности между старшими и младшими, можно отнести и ритуальное поведение. У няккюса, например, разыгрывалась ритуальная война между старейшинами и молодежью во время инициации нового вождя. Также во время праздников часто ставились сатирические представления, в которых высмеивались старейшины. Такое поведение составляло обязательную компоненту праздника, однако в обыденной жизни оно не позволялось (41, с.148). У кикую (Африка) обряд инициации молодежи включал элемент ритуальной узурпации власти молодыми воинами у старшего, уходящего поколения (9, с.98). В традиционных обществах нередко были случаи обвинения стариков в колдовстве.

Поколенные нормы поведения, предписанные традицией как младшим, так и старшим, обеспечивались определенными санкциями. Старшие, например, могли лишиться сыновей наследства в случае нарушения этих норм. Соблюдение же своих обязательств старшими возрастными когортами обеспечивалось прежде всего общественным мнением, которое осуждало нарушение традиции.

В традиционных обществах данный механизм контроля был чрезвычайно эффективным для всех социальных категорий, включая лидеров (11, с.272). В более развитых социумах (типа вожеств) права молодежи постепенно начали охранять сами вожди, власть которых во многом опиралась именно на молодежь. У зулусов (Африка) «в обязанности верховного вождя входило следить за тем, чтобы отцы семейств не лишали своих сыновей их законных прав» (11, с.273).

Однако в колониальных условиях традиция как регулятор поведения всех слоев общества, обеспечивавшая гармонию отношений между старшими и младшими, все больше утрачивала свою эффективность. Это привело, с одной стороны, к частым нарушениям норм старшими, которые стали игнорировать свои традиционные обязательства перед

молодежью, не передавая ей власть, с другой – к конфликтности поведения молодежи, не удовлетворенной этим.

Как уже упоминалось, поддержку традиционным лидерам оказывали колониальные власти. В этих условиях молодежь стремилась покинуть традиционный сектор и, получив образование, реализовать себя в колониальном секторе (прежде всего в качестве чиновников колониально-административного аппарата). Но и эта сфера деятельности не приносила молодым людям полного удовлетворения, образованные «туземцы» могли занимать лишь низшие должности в этом секторе. В результате молодежь оказалась в оппозиции как к традиционным лидерам, обрекавшим ее в новых условиях на вечную социальную молодость, так и к колониальным властям, которые не обеспечивали ей обретения социальной полноценности.

Поэтому становление национально-освободительных движений в колониях имело ярко выраженный возрастной аспект, и именно молодежь стала активно создавать оппозиционные колонизаторам политические партии. Возрастной принцип, лежавший в их основе, как выше отмечалось, находил отражение и в названиях этих партий (например, «младоалжирцы» и т.д. и т.п.). Причем борьба этих организаций была направлена как против колонизаторов, так и против своих традиционных властей, которые образовывали по преимуществу старшие возрастные поколения (9).

Литература

1. Абрамян А.А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
2. Арсеньев В.Р. Бамбара: люди в переходной экономике. СПб., 1997
3. Артемова О.Ю. Личность и социальная норма в раннепервобытной общине. М., 1987
4. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Л., 1993.
5. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
6. Боас Ф. Ум первобытного человека. М., 1926.
7. Божович Л., Славина С. Советская психология воспитания. Советская педагогика. М., 1967.
8. Бокеев В.А. Экспериментальные исследования механизмов внушаемости: Автореф. канд. дис. М., 1970.
9. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М., 1992.
10. Бочаров В.В. Истоки власти // Потестарность. Генезис и эволюция. СПб., 1997
11. Брайант А. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
12. Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.
13. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
14. Выготский Л.С. Детская психология // Выгодский Л.С. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., 1984.
15. Законы Ману. М., 1960. Гл. 6.

16. Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Л. 1976.
17. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.
18. Леонтьев К.Н.О всемирной любви // Русская идея. М., 1992.
19. Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах// Природа. 1969. № 11.
20. Максимов С. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1905.
21. Мисюгин В.М., Чернецов С.Б. «История галла» как этноисторический источник // Africana. 1978. Вып. XI.
22. Мисюгин В.М. «Правило ндугу» и следы социально-возрастного деления у некоторых европейских народов раннего средневековья // Africana. 1980. Вып. XII.
23. Мэн Г Древний закон. М., 1881.
24. Онежские былины. Архангельск, 1983.
25. Ошаев Х.Д. Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец. 1929. № 6.
26. Панченко А.М., Б.А. Успенский. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха //Труды отдела древнерусской литературы. XXXVII. Л.,1983.
27. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
28. Решетов А.М. Об употреблении вокативных терминов родства в повседневном быту русских (по воспоминаниям и наблюдениям) // Алгебра родства. Вып.1. СПб., 1995.
29. Россия глазами иностранцев ХУ-ХУП вв. Л., 1987.
30. Синицина И.Е. Человек и семья в Африке. М., 1989.
31. Солон. Седмицы человеческой жизни // Античная лирика. М., 1968.
32. Спенсер Г. Основания социологии. В 2 т. Т. 2. СПб., 1898.
33. Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб.,1911.
34. Чернецов С.Б. Кто такие «амхара» // Этническая история Африки. М., 1977.
- 35.Щепанская Т.Б. Браки и драки // Полевые исследования. Музей антропологии и этнографии РАН. СПб., 1997
36. Almagor U. Raiders and Elders: A Contribution of Generations among Dassaneth // Warfare Among East African Herders.1977. № 3.
37. Beidelman T.O. Swazi Royal Ritual //Africa. 1966. Vol.36. № 4.
38. Culter N. Political Characteristics of Elderly Cohorts in the Twenty-first Century // Aging: Social Change. N.Y., 1981.
- 39.Eckert P. Age and Linguistic Change // Age and Anthropological Theory. N.Y., 1984.
40. Evans-Pritchard E.E. The Nuers. Sudan Notes and Records. L., 1935.
41. Foner N. Ages in Conflict. A Cross-cultural Perspective on Inequality Between Old and Young. N. Y., 1984.
42. Fortes M. The Dynamics of Clanship among the Tallensi. L., 1945.
43. Fortes M. Age, Generation, and Social structure // Age and Anthropological Theory. N.Y 1984.
44. Fratlin E.A. A Comparison of the Role of Prophets in Samburu and Masai Warfare // Warfare Among East African Herders.1977. № 3.
45. Goldenweiser A. The Psychology and Culture. Vol. 1. N.Y., 1923.
46. Gutmann D. The Cross-cultural Perspective: Notes toward a Comparative Psychology of Aging // Handbook of the Psychology of Aging. N.Y., 1977
47. Hammel E. Age in the Fortesian Coordinates // Age and Anthropological Theory. N.Y 1984.
48. Howitt A.W. The Native Tribes of South-East Australia. L., 1904.
49. Keith J. Old Age and Age Differentiation: Anthropological Speculations on Age as a Social Border // Aging: Social Change. N.Y., 1981.

50. *Keith J.* The Ethnography of Old Age // Special Issue of Anthropological Quarterly. 1979. Vol. 52 (1).
51. *Myerhoff B.* Rites and Signs of Ripening: The Intertwining of Ritual, Time, and Growing Older // Age and Anthropological Theory. N.Y., 1984.
52. *Nadel S.F.* Witchcraft in Four African Countries // American Anthropologist. 1952. № 54.
53. *Rattrey R.* The African Child in Proverbs, Folklore and Fact // Africa. 1933. Vol. 6. № 4.
54. *Richards I.* Chisungu. L., 1956.
55. *Shapera I.* The Khoisan People of South Africa. L., 1930.
56. *Terray J.* A History of the Study of Human Growth. Cambridge, 1975.
57. *Wells A.C.* Milingimbi. Ten Years in the Crocodile Islands of Arnhemland. Sydney, 1963.
58. *Wilson M.* Religion and Transformation of Society. Cambridge, 1971.
59. *Wilson M.* For Men and Elders. L., 1977.

ВОЗРАСТ В ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРАХ

Глава 1

КАТЕГОРИЯ «ВОЗРАСТ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НЕКОТОРЫХ АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ

Возраст в культуре галла и кикуйю

В традиционных обществах, в том числе африканских, исчисление времени было обусловлено хозяйственной деятельностью и прежде всего природными циклами (для африканского континента это чередование сухих сезонов и сезонов дождей). Временными вехами служили также знаменательные события (обильный урожай, сильный голод, «большая рыба», война и т.д.) (см. подробнее 5).

Система учета возрастных степеней (их названий) позволяла народу хранить в памяти события давностью в несколько десятилетий, за пределами которых события истории народа уже утрачивали точность, становясь легендарными традициями. У галла, например, существовал индивидуальный счет возраста отдельных лиц (составлявших возрастные группы). Этот счет времени, т.е. жизненного пути галла, связывался с периодами в системе, которые от одной степени до следующей длились восемь лет (см. раздел 2, гл. 2). У самих же галла границы периода «гада» фиксировались обрядом высаживания каждой возрастной группой при вступлении в новую степень дерева «далла», особенностью которого было цветение в течение восьми лет, после чего дерево умирало. Согласно этому обычаю сами галла определяли возраст индивидов, составлявших возрастные группы, по количеству степеней, пройденных группой в системе, пребывание в системе в целом составляло 40 лет (5х8).

При такой системе счета возраст индивидов нельзя определить хронологически, он будет определен весьма приблизительно, так как отсчитывается от момента включения индивида в систему «гада», а в нее вводят детей в возрасте от одного года до восьми лет, собранных вместе.

Причем все дети независимо от хронологического возраста считаются сверстниками, если вместе проходят обряд инициации.

Различия в представлениях о возрасте европейцев и африканцев нередко приводили к конфликтам между ними в колониальный период. Например, у кикую традиционно период смены поколений исчислялся 13 годами. С приходом англичан в конце XIX в. он сократился до 6 лет. Это было вызвано тем, что англичане стали собирать налог с 16-летнего возраста.

Неуплата наказывалась тюрьмой или принудительными работами. Юноши же все равно отказывались от уплаты налога, поскольку по их представлениям уплата налога была актом участия в общественных делах, а это могли делать только взрослые мужчины. В большинстве своем 16-летние юноши у кикую были еще не инициированы и потому, согласно традиции, не имели права участвовать в общественных делах.

Англичане, не зная о традиции проводить очередную инициацию только по прошествии четырех лет, сочли, что молодежь отказывается от инициации, чтобы избежать налога. В результате давления колониальных властей на ведущую возрастную группу, последняя (т.е. группа старейшин) была вынуждена нарушить традицию, отменить 4-летний перерыв между инициациями и вводить юношей в следующую возрастную группу ежегодно (5, с.59).

Иными словами, для кикую неиницированный всегда считается ребенком, для европейцев же, для которых критерием в определении возраста считается время, взрослость начинается с 16 лет.

Европейцы не могли также понять, почему штраф платила вся группа, а не провинившийся индивид. Это непонимание проистекало из представлений европейцев о правовом статусе. Для них было характерно признание индивидуальной юридической ответственности, в то время как для африканцев – групповой. Коллективная ответственность была нормой традиционного правового кодекса кикую. Если один человек совершал преступление, ответственность ложилась на всю возрастную группу. В колониальный период кикую продолжали действовать в соответствии с этой традицией.

Периодичность смены поколений часто заменяла календарь. Галла пользовались в качестве календаря периодичностью циклов системы «гада», по которым события датировались именами правителей возрастной группы «луба». Время правления царей служило календарем и для протоиндийцев (1, с.221–233). Мы и сейчас нередко соизмеряем время

по нашим самодержцам или политическим деятелям: «Это произошло при Екатерине Великой, при Сталине и т.д».

Если галла измеряли длительность нахождения в определенной возрастной степени по цветению и умиранию дерева «далла», то кикуюю отмечали приход новой возрастной группы в общественную власть высаживанием отростка дикого фигового дерева «кигуму» рядом с деревом, высаженным уходящей группой, от которого брался отросток. Новое дерево, таким образом, было календарной отметкой вступления во власть входящей возрастной группы.

У галла культовые места, где цвело дерево «далла», символизировали, по сути дела, локальное восприятие времени. При случайных отклонениях от традиционных кочевых маршрутов (по тем или иным причинам), могли исчезать некоторые временные знаки, что влияло на изменение периодов «гада». Таким образом, временная точность «гада» – в смысле конкретного событийного содержания – определялась по именному и локальному признакам. Именным было название правящей в течение периода «гада» возрастной группы «луба», а локальным – культовое место с высаженным там в начале периода деревом (5, с.69).

Дата церемонии «перехода» объявлялась ритуальными «экспертами» и советами старейшин (церемония бутта). Галла все исчисляли по этим церемониям. Как олимпиады для греков, церемонии «бутта» служили временными вехами, по которым все галла определяли свой возраст.

Интересно, что универсальные традиционные формулы вступления и перехода в цикл «гада» не содержат даже слова «год». Законы вступления в систему – «сорок моего отца» – и перехода в четвертую степень – «восемь пепла моего отца» – означает в первом случае интервал между двумя институтизированными поколениями, т.е. весь цикл системы, а во втором – пятый период «гада», по выходе из которого группа заканчивает свою последнюю социально-активную часть жизни, которая символически названа «пеплом». Цифры 40 и 8 в застывших формулах для каждого галла означают «период гада» и «цикл гада», без уточнения единицы времени. «Дай мне дойти до пепла моего отца» – формула-заклинание галла, означающая просьбу к сакрализованному предку о благополучном прохождении системы «гада» от начала до конца. Иными словами, и здесь образ пепла используется вместо временного периода системы «гада».

Фраза «Я имею три гада» (т.е. мне 24 года) показывает, что возраст в периодах «гада» выражает срок пребывания в системе, причем если спросить галла о возрасте, одинаковый ответ дадут все члены одной

возрастной группы, ибо это возраст не одного лица, а коллективный возраст всех ее членов.

Помимо системы «гада», которая определяла социальный возраст, существовали и определители биологического возраста – для тех, кто не входил в систему. Это:

1. Мучаэ – грудные дети.
2. Эльман – дети, отнятые от груди.
3. Горбае – мальчики, которых воины берут с собой в рейды.
4. Мелькую – старики.

Данные группы четырех биологических возрастов, не имевших социального значения, именовались также «немыми», т.е. не имевшими права принимать участие в решении общественно важных вопросов.

У кикую также существовала возрастная терминология для детей по критерию биологического возраста, причем не различающая пола («ребенок, кормящийся грудью» – «начинающий ходить» – «помогающий пасти скот»). В дальнейшем возрастные термины уже дифференцировались по полу, что было связано с функциональным разделением труда по полу и возрасту:

1. Кахи – маленький мальчик, начинающий пасти скот.
2. Карелу – маленькая девочка, участвующая в выпасе коз.

Далее использовались термины, отражающие социальный возраст:

1. Кихи – старший мальчик, но не прошедший процедуру обрезания.
2. Кирилу – старшая девочка до инициации.
3. Чиумири – инициированный мальчик или девочка (пол не различается).
4. Мванаке – инициированный неженатый мужчина.
5. Муирити – незамужняя женщина.
6. Мисури – мужчина, имеющий детей.
7. Мутумиа – замужняя женщина с детьми.
8. Мутумиа ва някунва – женщина, первенец которой инициирован и получившая право употреблять алкоголь.
9. Кихети – женщина после климакса.
10. Кигугута – старик, старуха, старый скот.

Обратившись к лексическому запасу языков данных африканских народов, мы не обнаруживаем одного определенного слова, которое передавало бы смысл категории «возраст». Возрастные понятия выражены, как мы видим, не в абстрактно-обобщенной форме, а чрезвычайно конкретно. В языках же народов, развитых в социально-экономическом отношении, возраст выражается как общее понятие, как

абстрактная категория, представленная одной лексической единицей. Эта категория, как правило, использовалась европейцами при оценке и анализе традиционных обществ. Поэтому смысл мировоззренческих представлений африканцев нередко оказывался искажен, категории европейско-американских обществ ученые-европейцы нередко переносили на социальные явления изучаемых ими обществ.

Глава 2

ВОЗРАСТ И ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ

В этой главе мы остановимся в основном на лексике и обычаях русского народа, в которых выразились представления о возрасте, а также на нормах поведения, связанных с этими представлениями. Материалы, собранные *Н.А. Бернштам* (3), по которым написана данная глава, позволяют дать довольно полную характеристику возрастной стратификации в традиционной народной культуре русских.

Возрастные слои. Социально-возрастная терминология

Новорожденный (младенец) и ребенок (в среднем до 5–7 лет) имели названия, не дифференцирующие пол и характеризующие их физический рост и соответствующее поведение («кувяка/кувятка» – издающий звук, плач; «слюдяник/слигоза» – пускающий слюни; «подсосок» – кормящийся грудью; «пополза» – ползающий; «дыбуля/дыбок» – начинающий вставать на ноги, подвижный; «жевжик, выюнчик» – юркий).

Собирательные названия были либо возрастными, производными от *дитя* – («ребятня/ ребятежь»), либо поведенческими, характеризующими физическую, умственную неполноценность, стихийность («дикость») этого возраста: «орда», «мелочь» (сев.), «тварня» (южн.) и т.д. В разных областях России характерно отношение к детскому возрасту и даже подростковому как к безвременному: «безгодовой» (южн.), «малые дети» (нижегород.), «мелочь» (яросл.).

Характерной особенностью терминологии, относящейся к подросткам, являются названия, производные от природных и временных понятий и явлений, а также обилие социально-хозяйственных терминов, свидетельствующих об активном приобщении подростков к трудовым функциям. В этой терминологии уже появляются отдельные мужские и женские термины. Названия животных использовались для обозначения

детских и подростковых возрастных категорий, подчеркивая тем самым близость (биологическую) этой стадии к природному миру: «недоросль», «недокунок» (сев.), «ярица» или «важенка» (молодая самка оленя), «шижлик» (ящерица), «зук» (птица, питающаяся отходами, сев.), «борнополок» (ведущий лошадь при бороньбе), «пахолок/подорок» (помощник при пахоте), «пестунья» (нянька в семье, сев.) (3, с.26). Самым распространенным в России названием подростка любого пола, близкого к совершеннолетию, было «подлеток». Ребенок способный работать назывался «робрята» (русск.), «паробок/парубок» (укр.) – от *раб/работать*.

О переходе молодежи во взрослое состояние говорит терминология, производная от понятий времени и роста, общая для всех взрослых и поэтому распространявшаяся на совершеннолетнюю молодежь: повзрослеть – «войти в года/в лета», «в совершенные лета», «стать порнящим, вытным, летным, большим» (сев). В ряде северных и поволжских областей совершеннолетие обозначалось понятием «верста» (единица пространственного измерения), а «верстать» означало отдавать дочь замуж или женить сына (отдавать в брак).

Представления о необходимости выбора для брака максимально подходящего срока («поры») обусловили выделение (главным образом по отношению к девушкам) совершеннолетия, периодов его начала, пика и конца. Начало: «стать большой/взрощи», «выросшая до больших ног», «растовая/ый». Пик: «находится в самой поре», «на замужьи», «человекавата», «большая», «поспелка» (про девушку).

Различали период полового созревания и брачный возраст, например, при наступлении менструального периода – «глупая», затем – «большая» (18 лет), затем «невеста», «растовая» (20 лет). Конец (критический период для выхода замуж): «залетная» (перешедшая за «лета» замужества), «перегодница» (оставшаяся в невестах до будущего года), «посиделка», «засидок» (засидевшаяся на молодежных собраниях и не выбранная вовремя в жены) и т.д.

К мужским собирательным названиям относятся: «молодцы», «ребята», «парни». «Молодец» – высокая степень уважения (например, в фольклоре) к бойцовым качествам молодого человека, прежде всего в сфере брака и любовных отношений, символически сопоставляемых с битвой. Основной смысл термина «ребята» (как социально-хозяйственного) обусловил его употребление в качестве будничного (в отличие от «молодца»). Термин «парень» произошел от иранского *parna*, обозначавшего социально-возрастной класс, членами которого являлись

холостые и женатые молодые мужчины с присущими им военными и свадебными функциями. В поздней бытовой традиции слово «парень» употреблялось молодежью в будничных и праздничных ситуациях без того «военно-свадебного» оттенка, какое сохранялось в слове «молодец». Слово «женихи» восходит к индоевропейскому *zena* – «жена», «женщина», суффикс *-хъ* обозначает деятеля, т.е. жених – это сватающийся. Таким образом, в общерусском бытовании постоянным был смысл термина «жених» как «способный познать жену», что делало его синонимичным словам «молодец», «молодой». Члены мужской группы воинов – «отрок», «муж», «дружинник», «воин», «некрут», «лоб» (рекруту брили лоб).

Одним словом, мужские **собираательные термины характеризовали все признаки взрослого социально-возрастного статуса** мужчины: способность к браку и деторождению, к мужским трудовым и военным ролям.

Собираательная терминология, обозначающая девичий возраст, производилась от слов «дева», «девки», «девье», «девца». В праславянском *deva* лингвистами установлено значение потенции, наличия способности «кормить детей грудью». «Невеста» (этимологически) означает «неведомая», «неизвестная» (не познанная мужчиной).

В отношении взрослых семейных и стариков использовались описательные термины от слов «время», «год», «лето»: «войти в лета/года» – достичь одной взрослой возрастной нормы (но не возраста); «летный» – совершеннолетний, взрослый, пожилой, старый; «вытный» – вошедший в года, зрелый; «матерый» – зрелый, пожилой.

Брачный статус молодоженов

Брачный статус молодоженов передавали термины «молодые», «первожены», «новожены», «женачи». Социально-возрастное название новобрачной – «молodiца/молoдуха/молoдка». Известно, что почти везде невестку/снoху в семье могли называть «молodiцей» почти до старости, но в данном случае термин функционировал как **семеино-родственный, а не социально-возрастной**. Если она родила первой девочку, ее называют «бабица», «баба», «робитка», если мальчика – «ржаница». Этим словом обозначался и период жатвы, что делало социально-возрастной термин знаком выполненной биологической миссии, как бы аналогичной родам земли.

По окончании статуса новобрачных (а иногда и с его началом) вступившие в брак назывались общерусскими терминами взрослой категории – «мужик», «баба». Собираательные названия – «мужичье», «бабье».

Старики

В словах, относящихся к старикам, использовались корни *-лет*, *-стар*: «летный», «подлеток», «остарок» (38). В старообрядческих общинах молодежь говорила о всем старшем поколении, включая собственных родителей, «отцы». Словами «дед» и «бабка» лишь в самое позднее время изредка называли стариков-родственников.

Существовали термины, обозначающие социально-возрастные категории лиц, считавшихся с точки зрения народа **анормальными** (безбрачные, вдовые, солдатки, калеки и больные от рождения, женщины, родившие до брака, и незаконнорожденные). Безбрачные женщины назывались «девка-вековуха», «домаха», «домовуха», мужчины – «бурлак», «пропускной боров», «трутень», «девун», «девуня». Вдовы и вдовцы – «девки» и «парни». Женщина, родившая до брака, была «покрытка», «проруха», добрачные дети – «сколотники», «жировики», «заугольники».

Имя как символ социально-возрастного статуса

Имя давалось ребенку при крещении, пользоваться им начинали обычно с середины или пика подросткового возраста в форме полуимени – Машка, Ванька. К рубежу совершеннолетия появлялось право на имя – Машуха, Ванюха, но только после совершеннолетия появлялось полное имя – Марья, Иван. Получение полного имени или имени-отчества (права на величание) являлось важным показателем признания перехода в совершеннолетие.

Границы совершеннолетия

В оценке возраста совершеннолетия преобладали физиологические и аскриптивные (приписываемые традицией) признаки. У женщин наступление совершеннолетия определялось 16-летним возрастом. Это была нижняя граница брачного возраста. Однако память о ранних браках (женщин в 13 лет и мужчин в 15 лет) была жива среди русского на-

селения до начала XX в. Их в столь раннем возрасте объявляли женихом и невестой, и они находились в этом статусе до 16–17 лет.

Выгодность ранней женитьбы в народном мнении поддерживалась различными соображениями экономического и бытового характера: заполучить в дом даровую рабочую силу до ухода сына на военную службу, избежать внебрачного ребенка, освободиться от обязанности кормить и одевать взрослого сына. Подобные соображения приводили также к неравным бракам, когда муж был моложе жены на 8–10 лет. Этноисторические данные свидетельствуют о том, что подобные браки в XVIII в. были обычным явлением. С 1874 г., когда были введены всеобщая воинская повинность с 21 года и обязанность отслужить в армии 3–6 лет, стал распространяться обычай женитьбы после рекрутчины – в 22–25 лет.

Возрастной символизм

Знание точного возраста, даты рождения не было характерным для основной массы крестьянского населения. К архаическим временным отсчетам и возрастным названиям можно отнести термины, связанные с лунным календарем («молодик» – молодой месяц), а также по биорастительным циклам, объединявшим рост человека, животных и растений. Более поздним, но производным от календарного отсчета, было определение возраста по церковным датам, необязательно соответствующим точным датам рождения; в таких случаях именины (событие, редко отмечавшееся в крестьянской среде и то в основном в зажиточных семьях) заменяли собой родины.

Во многих украинских областях отмечались такие этапы физического развития ребенка, как «сидины» (ребенок садился) и «ходины» (начал ходить). «В старину разделят межу в поле, и межовники призывают ребятишек одного возраста (от года до трех). Когда они приходили, их начинали бить: чтобы помнил, что бит, чтоб знал, где межа проведена. Значение межи как места какого-то возрастного обряда отразилось в русских присловьях: “Когда межуют, то парнишек на меже секут”, “Кто на меже сечен, тот и в понятия иди”».

Широко было распространено мнение, что новорожденный «не имеет пола», до крещения особо подвержен действиям «нечистой силы», которая может переменить пол. Предпринимались различные магические действия. В Орловской губернии родители, желающие иметь следующим ребенком мальчика, зарывали послед под святым (красным) углом, а если хотели девочку – на «чужом поле».

Повсеместно в России ребенку до года не стригли ногтей (их откусывала мать) и волос. Вера в значение волос и головы для успешного роста ребенка отразилась в обычае стричь волосы только через год, когда по волосам гадали, будет ли он жить. Во время крещения ребенка ему давалось имя, которое выбирали кумовья. По этому случаю устраивался крестинный обед для малых детей. В Новгородской и Псковской губерниях на крестины собирали детей обоего пола, давали им по горсти крутой каши, чтобы «они не обижали родившегося и пожелали ему хорошего роста». Детская одежда русского населения не имела половых различий: обычно дети ходили в рубахах (мальчики – без штанов).

Дети 7–8 лет, т.е. в подростковый период, включались в социально-трудовую жизнь общины. В Витебской губернии существовал обряд надевания на 6–8-летних детей штанов или юбки. Дети по обряду должны были сопротивляться, для того чтобы «дольше жить». Переход мальчиков в категорию подростков чаще, чем девочек, отмечался своеобразными обрядами. Посвящением в подростки можно считать испытания «зуйков» у поморов: им давали невыполнимые задания, обманывали, накладывая камни вместо рыбы в мешки и снасти, заставляли самим добывать себе пропитание, устраивали между ними состязания. Несмотря на позднюю форму этих испытаний, они явно восходили к каким-то архаическим традициям мужских организаций, где подростки и молодежь проходили необходимые жизненные и профессиональные стадии, учились традиционным обрядам и обычаям, усваивали условный язык.

Профессии отходников, промысловиков и другие мужские профессии, лучше, нежели земледельческие, сохраняли или возрождали возрастные традиции мужских организаций, подобные поморским. В рыболовецких, охотничьих, ремесленных артелях, куда подростки вступали в возрасте 8–12 лет, они проходили испытательный срок, прежде чем становились их полноправными членами.

К 14–15 годам мальчики являлись почти «кормильцами» (так называли мужчин в России), имели свой заработок, особенно в промысловых и охотничьих районах. Частично этот заработок они тратили на одежду, готовя себе взрослый комплект. Девушки заканчивали накопление приданого, понемногу включая в свою одежду «взрослые» элементы (это касалось прежде всего праздничного наряда).

Изменялось праздничное и будничное поведение подростков. Они могли появляться на собраниях совершеннолетней молодежи, занимая пока еще худшие места, или около хороводов, но без активного участия в них. Старших подростков-мальчиков мужчины допускали иногда в

свои компании, но на пассивных ролях: в качестве слушателей, наблюдателей (при играх или коллективных выпивках). На праздниках подростки участвовали в кулачных боях, играли с парнями в мяч/шары, «зачинали» их драки (предбрачие).

Обретение взрослости всегда сопровождалось вступлением в брак. Переходные обряды, связанные с молодоженами, начинались в рамках свадебной обрядности; носили не только семейно-родственный, но и публичный, общинный характер. В течение года после свадьбы молодые находились в переходном состоянии. Послевенчальный цикл свадебного ритуала представлял собой первый комплекс переходных обрядов во взрослую категорию, главным образом связанных с «молодицей».

К числу общерусских можно отнести следующие свадебные акты: реальное или символическое оповещение об утрате девственности молодичей, приобщение ее к новому семейному очагу, родовому коллективу, первая демонстрация взрослого (семейного) статуса (обрядовые действия с печью, символическое метение пола, исполнение хозяйственных поручений свекрови).

Ряд актов выделяется в комплекс «рождение молодых». К нему относили водные обряды: утреннее умывание молодичи (или обоих молодых), обычай посылать молодых за водой. Обряды заканчивались баней молодых.

Символика утренних хозяйственных заданий свекрови «молодиче» содержит элементы обучения: спечь три блина, спрясть нитку, вынести корм скоту и проч. Символика похищения и невесты, и «молодой» вполне вписывается в систему признаков переходных обрядов (род «мнимой смерти»).

Половой акт, составлявший центральный момент брачного «перехода», оформлялся обрядами, характерным признаком которых являлось участие в них сельского коллектива – от узкого круга свадебных «чинов» до всех жителей деревни.

Важными календарными вехами были так называемые общественные «испытания», «смотры» молодых, праздничные циклы Масленицы, Пасхи, Иванова и Петрова дней. Масленичные обряды носили откровенно эротический характер и состояли в основном из испытаний физических возможностей и подчеркивания изменений, происшедших с молодыми людьми после брака.

В течение первого года наблюдалась тесная ритуальная связь молодежи и молодых: совместные гулянья, хороводы, вечеринки/игрища, свершение различных женских обрядов. Конец статуса молодых связы-

вается с рождением ребенка. Роды считались в народе «смертью». С родителями производили действия, аналогичные при любых переходных обрядах. Отца символически приобщали непосредственно к акту родов: он должен был съесть пересоленную кашу или что-нибудь другое, «противное на вкус», при родах использовалась его одежда, он должен был имитировать родовые муки. Роженицу изолировали, после родов держали в «нечистом помещении», меняли ей одежду и т.д. После этих обрядов родители (муж и жена) становились полноправными членами группы взрослых в общине.

Критерии (нормативные) стариковского возраста сильно зависели от социальных факторов. Большое влияние на норму стариковского возраста оказывал тягловый срок: к его окончанию «подгонялись» традиционные представления о физиологических изменениях, выражавшихся в двух основных признаках – невозможности иметь детей и утере трудоспособности. Однако пожилые мужики из зажиточных семей «имели право» не только на рождение детей, но и на вступление в брак, хотя вообще с 50 лет считалось грехом рожать детей (и даже спать вместе мужу и жене), особенно если дети в этой семье уже вступили в брак.

Пожилые и старики считали отращивание длинных волос (на голове) грехом, но отпускание бороды и усов – «святым делом». К пожилому возрасту украшения практически исчезали. Старики, как правило, носили темную или белую одежду, не имели права на новое платье и не соответствующий возрасту покррой. Обычно они донашивали свою или чужую старую одежду, или им шили из старой материи платье стариковского покроя, нередко напоминавшее балахон. В целом стариковская одежда приближалась к детской по ряду признаков: в ней практически отсутствовали половые различия, даже в праздники запрещалось надевать новое платье, отсутствовали какие бы то ни было украшения, штаны были необязательны (для мужчин).

Предсмертные обряды включали в себя собирание/приготовление смертной одежды при жизни (а также холста и полотенец), грободомовины, обычай выбирать место на кладбище, молиться о душе и «легкой» смерти. Облик и одежда близких родственников покойного также имели свои особенности, что входило в систему переходных признаков погребально-поминальной обрядности. Переходными атрибутами можно считать вещи, которые клались в гроб покойного: деньги, христианские «сопроводительные» грамоты, рабочие инструменты, некоторые предметы туалета и рукоделия. Последний путь к месту погребения показывает связь умершего с половозрастными группами об-

щины. Активными участниками выноса тела и опускания его в могилу были обычно люди одной возрастной категории с умершим.

Глава 3

ВОЗРАСТ И ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ЯПОНЦЕВ

Японская культура (подробнее см. 6) представляет собой пример культуры, в которой до настоящего времени сохранились черты возрастного взаимодействия, характерные для традиционных обществ. Это прежде всего относится к четкой дифференциации общества по возрастному признаку, который в известной мере пронизывает все другие формы социального расслоения. Здесь сохраняется характерный для традиционных обществ авторитет старших возрастных поколений (поддерживаемый государством).

Идеологическая основа возрастной стратификации в японском обществе

Во многом японский феномен объясняется влиянием на культуру общества **конфуцианства** – религиозно-философской системы, возникшей в Китае больше двух тысячелетий назад. Конфуцианство представляет собой морально-этическое духовное учение, в котором содержится много наставлений молодежи. «Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу...». Покорность и безоговорочное следование авторитету составляют особый принцип конфуцианства – *Сяо* (6, с.75).

Согласно *Сяо* дети должны не только исполнять волю родителей и верно служить им, но всем сердцем любить их. Если человек не любит родителей, а тем паче не признает своих сыновних обязанностей, он – существо никчемное. Конфуций учил, что лучше умереть, чем отказаться почитать родителей.

Японское государство заботилось о распространении идей *Сяо* среди подданных, так как сам принцип включал в свою орбиту не только взаимоотношения между отцом и сыном, но и общество в целом: отношения между императором и министрами, между местными властями и населением. Сыновья почтительность (безоговорочное подчинение отцу) распространялись на всю государственную иерархию и означала

подчинение существующему порядку. В результате идеи Конфуция проникли во все поры японского общества.

В современной японской семье первый мальчик пользуется особым расположением окружающих. Младших братьев побуждают развивать в своем характере покорность и послушание старшему брату. В японском языке нет даже слов «брат» или «сестра», а «старшая сестра» и «младшая сестра».

Интересно, что в Японии до сих пор культ предков, тип идеологических представлений, возникший на ранних стадиях социогенеза и отражавший доминирование старших в обществе, не утратил своей актуальности. Семья, как ее представляют японцы, включает в себя всех предков далекого прошлого и всех потомков далекого будущего. Поэтому понятие долга человека включает определенные обязательства как перед его потомками, так и перед предками. Этот культ имеет в Японии три разновидности: почитание императорского дома, почитание покровителя рода, почитание семейных предков. В японских домах для этого всегда устраивается *камидана* (синтоистская домашняя божница). Каждое утро перед этим алтарем совершают ритуал почитания, хлопая в ладоши и низко кланяясь. Алтарь *буцудан* (алтарь Будды) также состоит из моделей монументов с именами умерших. В домах, где исповедуют синтоизм, имеется еще доска, предназначенная исключительно для почитания предков семьи.

Жертвоприношения предкам состоят из риса, чая, рыбы и веток сакаки. Обычная семья в недалеком прошлом имела свиток – список своей семьи, рода, клана, и эта реликвия передавалась от поколения к поколению. В Японии считают, что благополучие семьи зависит от того, насколько преданно каждое поколение выполняет ритуал почитания предков. Согласно учению Конфуция существуют три тысячи проступков, степень тяжести которых подпадает под пять категорий, но нет более тяжкого проступка, чем непочтительность детей по отношению к своим родителям.

Первичная социализация

Раннее детство в Японии окружено исключительной заботой и нежностью со стороны старших. Ребенку все дозволяется, никакой ворчливости, никаких строгостей, почти полное отсутствие телесных наказаний. Постель ребенка располагается рядом с матерью. И мать и отец проявляют исключительную выдержку и терпение: они не произносят

ни одного сердитого слова, не обнаруживают ни одного жеста неудовольствия. В большинстве сельских районов рождение ребенка привлекает внимание не только той семьи, где он родился, и их родственников, но и всей деревни, члены которой участвуют в совершении обряда, которым новорожденный включается в состав деревенского общества.

Раньше новорожденных признавали полноценными людьми лишь после совершения определенных обрядов, поэтому убийство младенца, не прошедшего их, не считалось тяжелым преступлением. Вместо слова *коросу* (убить) убийство новорожденного обозначалось словом *каэсу* или *модосу* (отправить назад, возратить), т.е. отправить назад в мир духов вместо того, чтобы принять в мир людей.

Следует отметить, что подобные представления имеют аналогии во многих культурах. Например, у нганасан Сибири существует представления о *нго*, куда уходят умершие. Оттуда же, по их представлениям, появляются и новорожденные, которые также не порывают с *нго* и не считаются полноценными людьми до прохождения соответствующего обряда (4). Близкие представления характерны и для славян (2).

На седьмой день происходит праздник наречения именем. Раньше обращались с просьбой о выборе имени к буддийским и синтоистским священникам, но сейчас это делают редко. Случается, что родители новорожденного обращаются с такой просьбой к гадалкам.

В прошлом веке имела место практика давать ребенку нескольких имен. В детстве человека называли детским именем, а по достижении совершеннолетия – фамильным. Наряду с этим встречается ряд случаев, когда японцы, кроме имен, данных при рождении, имеют и другие. Это в основном актеры, художники, каллиграфы, спортсмены и т.д. Мужчина, принимающий духовный сан, берет религиозное имя; в увеселительных заведениях и ресторанах женщины пользуются специальными именами-кличками, которые известны только в этих местах (6, с.98).

Спустя 100 дней после рождения ребенка несут в храм. Через год перед ним раскладывают различные инструменты – серп, молоток, японские счеты, кисточку для письма и т.д. По тому, какой из разложенных предметов он возьмет первым, предсказывают его будущее.

Традиционно в Японии практикуют церемонии по случаю достижения трех, пяти, семи лет (*ситигосан*). По китайскому поверью, нечетные числа приносят счастье. Возраст же в семь лет является как бы критическим, когда боги, если их умилоствят, даруют ребенку право на существование (половая дифференциация: девочкам надевают женское кимоно, мальчикам – мужское, в это время тетка дарит мальчикам *фундо*-

си – набедренную повязку-плавки, а девочкам – передник, или *косимаки*, – пояс стыдливости).

Не прибегая к запретам, японских детей учат прежде всего соизмерять свои поступки с мнением других людей. С раннего возраста им внушается, что если они совершат что-либо дурное, то будут осмеяны. Иными словами не страх, который порождается психофизиологическим механизмом запрета, а стыд выступает в качестве основного механизма **социального контроля**. Воспитание детей в японских семьях всегда было направлено на формирование личности, соответствующей требованиям группы (6, с.100).

Социализация подростков и юношества

Воспитание в этом возрасте направлено прежде всего на развитие группового сознания. Подросткам исподволь прививаются именно те навыки поведения, которые отвечают интересам группы, в которую они будут приняты. На первом месте – семья, где ребенок учится преданности (верности этой группе), четкому усваиванию разницы между старшими и младшими. Семейные навыки распространяются на другие группы – школу, клуб, бизнес.

Нарушивший групповые нормы подвергается ostracism и неизбежно оказывается моральным изгоем. В детских организациях известен особый способ наказания – *татакинаоси*, когда нарушителей исключают из группы или объявляют им бойкот. В школе каждый принадлежит к группе, где все одного возраста, с одинаковым положением, с одинаковыми интересами.

По окончании школы, сохраняя преданность бывшим школьным друзьям, японец вливается в группу по месту работы. Мнение членов группы является для него решающим. Интенсивность усвоения группового поведения у японца, начинаясь в семье, возрастает, когда он вступает в ряды сверстников по месту жительства. Такие группы товарищей по играм, как правило, формируются в каждой деревне. В них может войти любой мальчик, достигший нужного возраста. Имеются также группы девочек. Раньше группы мальчиков назывались *кодомо-гуми*. Они имели строгую иерархию. Например, старшего по возрасту называли *головой (когасира)*. Распределение прав и обязанностей в группах проводилось по принципу: чем моложе участник группы, тем меньше его значимость. Активность группы проявлялась на празднествах.

Теперь такая формальная организация групп практически отсутствует, однако групповая деятельность детей сохранилась. Так, в последний день празднования Нового года мальчики ходят по домам и собирают соломенные веревки с бумажными полосками, которые используются для украшения ворот, потом из них устраиваются костры. Общие детские забавы организуются во время праздника кукол (*хина мацури* – в марте), праздника детей (октябрь) и праздника мальчиков (май).

В эпоху Мэйдзи молодежные группы (*вакамоно-гуми*) были преобразованы в ассоциации молодых людей, имеющие различные названия (раньше *вакамоно-гуми* создавались в каждом населенном пункте). В наши дни такие ассоциации известны по функциям, которые они осуществляют в том или ином районе страны.

Вступление в такую группу означало, что юноша достиг совершеннолетия, с этого момента окрестные жители начинали считать его взрослым. Иногда группы имели свои дома (*ядо*). Известны два типа домов: те, что посещались в течение года, и те, что использовались по какому-то случаю. Иногда такие дома строились специально, иногда их арендовали у зажиточных жителей. В дневное время юноши принимали участие в трудовой деятельности семьи, а вечером отправлялись в свои *ядо*, где занимались плетением соломенных циновок или ремонтом сетей. Подобное направление социализации сохранилось и поныне.

Молодежные группы помогают общественности в борьбе с пожарами и другими стихийными бедствиями. Но основное время у них занято подготовкой и проведением праздников, организацией различных спортивных состязаний и игр. Во время некоторых игр играющим намеренно причиняют значительную физическую боль. Раньше думали, что только через познание боли человек может добиться совершенства – существовало поверье, что, если человек умрет до того, как пройдет болевое испытание, его душа не сможет обрести покоя.

В былые времена организации молодежи пользовались финансовой помощью властей. После второй мировой войны эта система была ликвидирована, и теперь в Японии можно встретить группы, существующие лишь на собственные средства.

Имеются подобные группы и у девушек (*мусумэ-гуми*, *мусумэ-пакама*, *онаго вакасю*). Их и сейчас можно встретить на западном побережье Японии. В эти организации вступали по достижении 15–16 лет. Были также дома для собраний, где девушки могли проявлять активность и самостоятельность. После вступления в брак посещение этих домов прекращалось.

Существующие ныне в Японии разнообразные ассоциации молодых жёнщин напоминают мусумэ-гуми, хотя и отличаются по характеру своей деятельности. Японские девушки включаются в профсоюзное движение; принимают участие в работе различных воспитательных комитетов, проявляют активность в деятельности спортивных организаций.

Отношения между разновозрастными членами семьи регулируются традиционной этической системой – *гири*. В соответствии с ней родители и дети должны жить в дружбе. Отец, строго воспитывая ребенка, улучшает его характер, учит его разным искусствам, заботится о нем. Мать нежно печется о детях, следит, чтобы они не сердились на отца за строгость и дурно о нем не думали. Дети почитают и уважают родителей, не противятся их воле, не огорчают их. Даже если родители не правы, дети не могут сердиться на них и все равно должны им угодить. Приемные дети воспитываются на таких же основах.

Старшие братья главенствуют во всех делах, руководят младшими и заботятся о них. Младшие братья, повинаясь и не прекословя, должны относиться к старшим в высшей степени почтительно, во всех делах оставаясь под их началом. Если даже обращение старшего брата дурно, младший все равно почитает его: в послушании состоит доброе поведение младшего брата. Также относятся друг к другу старшие и младшие сестры. По Гражданскому кодексу 1948 г. положение старшего брата не гарантируется законом. Теперь все члены семьи имеют равные права на наследование имущества. Однако обычаи делают свое дело. Неписанные нормы традиции все же дают старшему брату большие преимущества. Особенно сильно это сказывается в сельской местности.

Закон отношений с друзьями по *гири* предусматривает искренность и доверительность. Друзья друг друга не стесняются, знают друг о друге все. Это относится и к коллегам по службе. В этом проявляется «закон друзей».

Японский этикет по преимуществу строится на почитании возраста. Старший является вышестоящим для младшего. Японский язык кодифицирует такие различия даже в семье: братьев и сестер (даже сыновей и дочерей) называют не по личным именам, а по «возрастным» (например, *нисан* – старший брат).

Раньше при встрече со старшим, если младший ехал на велосипеде, полагалось сойти с него и поклониться, если шел в пальто – снять пальто, а уже потом приветствовать. Сейчас единственное, что требуется при встрече со старшим, – это остановиться и поклониться первым (6, с.214).

В Японии старший по возрасту получает на работе больше младшего или новичка. Считается, что уравниловка недопустима, что люди талантливые должны оцениваться выше, но, конечно, без нарушения принципа старшинства. Даже отдельные, весьма заметные заслуги работника оцениваются **с учетом возраста**.

Японские промышленники положили этот принцип в основу стимуляции трудовой активности своих работников на всех уровнях иерархии. Старшинство служит мерилем всех нюансов при начислении заработной платы. Определяющими при повышении заработной платы, которая увеличивается ежегодно, остаются возраст и выслуга лет в данной организации. Работник в возрасте 45 лет получает в 2,4 раза больше 20-летнего. Эти же факторы определяют и должностное продвижение сотрудника. И хотя среди молодых работников нередко возникает желание обсудить критерии возраста и стажа и поспорить о них, ветераны-коллеги успокаивают их не вступая в конфликт. Кроме того, когда молодые сами набирают возраст и стаж, они незамедлительно становятся сторонниками устоявшейся системы.

Продвижение японца по службе сопряжено как с возрастом, так и с наличием определенного образования. Например, выпускник университета может занять руководящую должность на уровне *канри* (начальника отдела) через семь лет после поступления в фирму, а тот, кто не имеет такого образования, – только через 15 лет. Должности в составе высшей администрации крупных и крупнейших фирм занимают сегодня лишь лица с университетским образованием.

Теоретически в высший эшелон управления фирмой могут быть допущены и лица, получившие университетский диплом путем заочного обучения. Но на деле такие случаи весьма редки. Практически работники, не имеющие высшего образования, могут дослужиться лишь до низшего или среднего управленческого звена. При этом окончившие среднюю школу первой ступени (девятилетку) могут в 40 лет стать мастером, а в 45 – руководителем производственного подразделения (примерно соответствующего нашему цеху). Выпускник средней школы второй ступени (12-летки) должности мастера может добиться в 32 года, а должности начальника цеха – в 37 лет. Дальнейшее продвижение лиц без университетского образования прекращается.

Служащие с университетским образованием через восемь лет после поступления в фирму, т.е. в возрасте 30 лет, могут стать заведующими подсекциями. В возрасте 40 лет им разрешается продвигаться до заведующих секциями, а в возрасте 50 лет – до заведующих отделами и далее – до директоров.

Молодые бывают не довольны, что приходится «ждать своего часа», но терпят. В крупных фирмах работники, поступившие на работу вместе, формируют своего рода клубы коллег, рассчитывающих на одновременное продвижение по службе. Если повышение получает только один из них, то все остальные выражают администрации свое явное неудовольствие. Причина – нарушение принципа старшинства.

Этот принцип в общем и целом выполняет **мотивационную роль**. Он обеспечивает устойчивое поддержание благосостояния работника: с годами он получает большую зарплату, что дает ему возможность покрывать нарастающие расходы, связанные с повышением стоимости жизни и растущими личными потребностями (обзаведение семьей, воспитание детей, строительство дома и т.д.).

Структурно представляя собой пирамиду, японская фирма складывается из множества малых групп. Будь то слесари-сборщики, наладчики, станочники и т.д. – везде действует группа. Всюду есть старший и младший, на каждом, даже самом маленьком участке фронта труда в Японии действуют ведущие и ведомые («Ни старшего, ни младшего» – так японская пословица определяет состояние «хаоса»).

В японской фирме отношения между сослуживцами регулируются этическим кодексом *Он*. Кодекс *Он* предписывает старшему быть с подчиненными вежливым и даже почтительным, а подчиненным – умерить свой пыл и чаще благодарить старших. К шефу обычно обращаются по фамилии с добавлением суффикса *-сан* или названия должности (например, *кате*, т.е. руководитель секции). Шеф при обращении к подчиненному называет фамилию, добавляя суффикс *-сан* или более фамильярное *-кун*. Право на фамильярность принадлежит только шефу, подчиненный всегда соблюдает дистанцию. Шеф к кому-то может быть лично близок, а от другого отдален. Именно этот факт дает основание подчиненному называть его либо *даеси*, либо *увакю*. Однако, кто есть кто, становится ясным только при анализе взаимоотношений в диаде шеф – подчиненный с позиций *сэмпай* – *кохай* (старший – младший).

Японцы воспринимают социальный мир поделенным на четкие структуры: *сэмпай* (старшие), *кохай* (младшие) и *доре*. Категория *доре*, обозначающая коллег, относится лишь к людям одинакового ранга, а не

ко всем, кто выполняет вместе одинаковую работу. Даже среди дореволюционных различия в возрасте, времени поступления на службу или окончания школы или университета определяют характер восприятия друг друга либо в качестве сэмпай, либо в качестве кохай.

Одним словом, отношения старший – младший пронизывают все сферы деятельности в японской культуре. Эти отношения касаются **как хронологического, так и социального возрастов** – в зависимости от типа сферы деятельности. Взаимоотношения между разновозрастными субъектами регулируются традиционными этическими нормами.

Старший по положению обязательно старше младшего и по возрасту. В результате у него больше выслуга лет. Старший наделяется властью, а следовательно, и определенной степенью защищенности. Такое положение старшего обеспечивает ему возможность оказывать младшему помощь.

Старший опекает младшего и побуждает его к дружескому расположению. Младший положительно отзывается на дружеское расположение старшего.

Взаимное предрасположение старшего и младшего составляет основу взаимоотношений между ними. Подобного рода взаимоотношения устанавливаются на основе молчаливого согласия, без каких-либо специальных договоренностей.

Идеальная модель взаимоотношений по вертикали выглядит следующим образом: а) младший проявляет знаки благодарности по отношению к старшему; б) старший проникается в ответ чувством предрасположения к младшему, становясь его хорошим *сэмпаем* (6, с.249).

Японская семья строится на основе **незыблемой иерархии зависимостей** (отец – глава семьи, после его смерти главой становится старший сын; свекровь – госпожа невестки и т.д.). Перенесение этой модели на производство способствует уменьшению противоречий между начальниками и подчиненными. Кроме того, японская философия руководства людьми ориентирует менеджеров проявлять внимание к подчиненным, опекать и защищать их, т.е. быть хорошими *сэмпаями*.

Отношения в семье переносятся и на воспитание в школе. И там и тут школьники сталкиваются с культом авторитетов, основанных на старшинстве. Дома это – авторитет родителей, в школе – авторитет учителя. Оба авторитета непререкаемы. У школьников есть верный старший друг – *сэнсэй* (учитель), который печется о них, пестует их и постоянно заботится о поднятии их чувства собственного достоинства (6, с.273). Конфуцианство послужило основой разработки в 50-х годах сис-

темы этического воспитания *дотоку*, а в 1962 г. – «Программы формирования человека» (*хитодзукури*). Идеи Конфуция об уважении родителей и старших, о долге, вежливости и почтительности и т.д. нашли в наши дни официальное закрепление в правительственных документах (6, с.295).

В японской действительности открытая конфронтация в системе подчинения практически отсутствует, случаи неповиновения старшим или отказы выполнить указания наблюдаются крайне редко. Даже если у работника возникает по отношению к старшему чувство негодования, он никогда не выскажет его в непосредственном общении со старшим.

Литература

1. Альбедиль Р. Протоиндийский календарь: символы стихий и астрологический код // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной русской культуре. СПб., 1993.
3. Бернштам Н.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988.
4. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983.
5. Калиновская К.П. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки // *Africana*. 1980. Вып. XII.
6. Прошников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. Этнопсихологические очерки. М., 1985.

ВОЗРАСТ И ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СУБКУЛЬТУРАХ

Архаический синдром в стратификации современных субкультур

Если отношения, основанные на возрасте, пронизывают все сферы современного японского общества, то в других развитых индустриальных (постиндустриальных) системах подобные отношения доминируют **на периферии**. Они могут определять взаимоотношения в группах и организациях, отдельных социально-политических институтах. Интересные данные в этой связи приводит американский антрополог *Дж. Везерфорд*, изучавший в течение продолжительного времени взаимоотношения между конгрессменами США методом включенного наблюдения – работая клерком на Капитолийском холме (5).

В своей книге «Племена на холме» Везерфорд описывает взаимоотношения, в которых отчетливо просматривается социально-возрастной принцип. В частности, исследователем говорится о возрастной дискриминации, существующей между «старыми» конгрессменами, которые уже не первый раз избираются в законодательный орган страны, и «молодежью», т.е. впервые избранными. Это проявляется в том, что «старики» пользуются определенными привилегиями, например занимают наиболее комфортабельные служебные кабинеты. В обращении с «молодыми» они всячески стараются подчеркнуть «низкий статус» «молодежи», допустим, нарочито путая имена своих вновь избранных коллег. Приводимый исследователем факт интересен с разных точек зрения. Во-первых речь идет о способе, с помощью которого «старики» унижают «молодежь», который также уходит своими корнями в начало человеческой истории. Мы имеем в виду отношение к имени, которое характерно для представителей примитивных обществ. В имени, как известно из многочисленных этнографических источников, отражались не только

индивидуальные, но и социальные свойства индивида, оно несло с собой сакральный смысл. Поэтому небрежное обращение с именем считалось недопустимым. Во-вторых, данный тип взаимоотношений, которые составляют первооснову социальной материи, воспроизводится даже в законодательном органе наиболее развитой в социально-экономическом и научно-техническом отношении стране. Здесь возраст (в данном случае – социальный возраст) определяет «периферийные» участки взаимоотношений людей, которые носят неформальный характер.

Наиболее отчетливо эти стратификационные модели представлены в различных субкультурах, которые располагаются на периферии общества, представляя собой сообщества людей, которые, в силу тех или иных причин, изолированы от него. Причем данные модели во многом воспроизводят архаические модели, характерные для ранних стадий социогенеза. В частности, их социальная структура зиждется на возрастном принципе, который реализуется в виде своеобразных возрастных классов, и индивид, проходя через возрастные степени посредством «обрядов перехода», обретает более высокий социальный статус.

Глава I

ВОЗРАСТ И ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ХИППИ*

Идеология, поколения, символы

Изучая в 80–90 годах отечественных хиппи, сообщество которых называлось «системой», Т.Б. Щепанская отметила, что характерной особенностью «системного» самосознания является **непринадлежность ее членов основному обществу**. Эти идеологические представления выступают в символах «ненормальности» и «детства». Оба символа олицетворяют противопоставление рациональному, «нормальному» миру взрослых. Поэтому «сумашествие» среди «системщиков» очень престижно. Психология «системы» характеризуется ориентацией на подсознательное, эмоциональное, чувственное – в противоположность рациональному, прагматическому. В музыке – это предпочтение ритма перед мелодическим рисунком, в живописи – цветовых пятен и абстрактных форм, в общении – предубеждение против слов и речи и культ молчания.

---

* Глава написана по полевым материалам Т.Б. Щепанской 80–90 годов (Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. СПб., 1993).

Многое в символике хиппи связано с образами детства. «Живите, как дети» – главный девиз «системы». Свой «день рождения» хиппи празднуют 1 июня, т.е. в День защиты детей. Детство понимается ими как противопоставление миру взрослых, его «призрачным ценностям». Детскость важна как новый принцип строительства культуры – без корысти, как у взрослых, без соперничества и лжи. По существу это – нежелание взрослеть, входить в мир взрослых, в общество, занимать там какую-то позицию. Бедность, бесполость – это и есть **границы бесстатусности**: не должно быть различий даже по полу.

«Поколения» у «неформалов» сменяются через два-три года. С приходом каждого из них «системная» традиция пополняется новой символикой. «Каждое поколение приходит как новая волна: вначале были хиппи, они и составили ядро “системы”, затем – панки, металлисты и люберы» – так описывают процесс смены поколений сами «системщики». Стремиться к лидерству считается неприличным, так как принято, что сюда затем и приходят, чтобы освободиться от давления правил и власти. На самом деле все не так: любой пришедший на тусовку ощущает явное давление среды – и правил, и авторитетов. Но они как бы невидимы для здешнего мифа, так что прямые расспросы не дают возможности составить представление о внутреннем устройстве «системы».

Большое значение, как и в традиционных обществах, имеют **символы статусности** («феньки»): разного рода значки и украшения (предпочтительно самодельные), даже стишки. По внешней атрибутике можно определить идейную направленность и интересы человека, а также его авторитет и статус на тусовке.

От лидера символы растекаются по всему сообществу либо путем копирования, либо лидер сознательно наделяет других своими символами, например, дает «системное» имя или дарит какой-нибудь предмет («фенечку», рисунок) со своей и, соответственно, групповой символикой.

По «системным» представлениям особой энергией обладают феньки – насыщенные символикой украшения из бисера. Бывают «феньки» – талисманы «от контролеров в автобусах». Некоторые «феньки» помогают в незнакомом городе, чтобы хорошо устроиться, найти ночлег, чтобы «трасса» была интересной и спутники невредимыми. «Феньки» помогают также от «гопников» (недружественных членов ряда других молодежных когорт).

«Энергия» у «системщиков» – способность символики воздействовать на социальную среду, определенным образом ее организовывать.

Энергия места связана с его значимостью для общения, энергия предмета («фенек», «прикидов») – также с его влиянием на взаимодействие со средой. Подобным же образом «энергия» человека означает его вес в сообществе. Чем выше авторитет – тем выше его потенциал; человек, обладающий большой энергией, – лидер. У него большой потенциал (биопотенциал). Вспомним, кстати, что лидер в традиционном обществе обязательно является персоной, наделенной в большей степени, нежели другие, магическим потенциалом.

Лидерами в системе являются «олдовые», т.е. старики (от англ. *old* – старый). Это не просто те, кто давно, несколько лет, тусуется в «системной» среде, но и те, кто пользуется здесь авторитетом. Именно «олдовые», как правило, владеют «энергетическим» языком осознанно, другие знают отдельные поверья об энергии, например, что «энергетически опасно носить феньки, полученные от случайных людей, а надо только те, которые предназначены тебе лично», но не понимают, почему это так. «Олдовые» активно участвуют в создании новых «системных» мифов. Утрата сторонников описывается как **«энергетическая смерть»**. Если кто-то поссорился с влиятельным лидером, то последний может лишиться его всех друзей и сторонников, т.е. вызвать «энергетическую смерть».

«Олдовые» владеют особым эзотерическим языком. Каждый «олдовый» – довольно известный в «системе» человек – обладает устойчивой репутацией. Это хранители традиций, живая память «системы», ее идеологи. Они обсуждают разные социальные проблемы: от приемов повышения статуса («потенциала») до проектов идеального сообщества. Именно в ходе таких обсуждений формируется «энергетический» язык и все более обогащается выраженный на этом языке опыт социальных манипуляций, выработанный «системой». Отношения «энергетов», т.е. «олдовых», основаны на равенстве.

Взаимодействия здесь весьма ритуализованы. В частности, существуют обряды дарения «фенек», которые есть не что иное, как передача символов. Главное качество «феньки» – это отсутствие материальной ценности, но зато повышенная семиотическая нагрузка. Связи между «энергетами» (или «олдовыми») часто определяются как «астральное братство» и заключаются посредством ритуала братания (с помощью надрезов и смешения крови). Следы надрезов на руке говорят о связях со многими «олдовыми» (136). Дарение «феньки» есть передача лидером программ поведения, т.е. управление. Для дарителя «фенька» – знак и носитель «энергетического» воздействия, для получателя – знак принад-

лежности к сообществу или отдельной конкретной группе какого-либо «олдового».

Социальная структура

Социальная структура «системы» состоит из трех слоев, организующихся в соответствии с **социальным возрастом**. Это «пионеры» (новички), «пиплы» (средний слой) и «олдовые» (старики).

Характерна повышенная внешняя знаковость, с одной стороны, на периферии, т.е. среди новичков «системы», с другой – у «олдовых». Самая насыщенная сленгом речь наблюдается как раз у «пионеров». Постепенно, с освоением норм поведения и вхождением в сеть личных связей, внешняя атрибутика теряет свое значение. «Своих» узнают по специфически «системному» взгляду, личностным особенностям. У «олдовых», самых старых и авторитетных тусовщиков, наблюдается вторичное повышение внимания к внешней знаковости, они опять начинают уделять внимание сленгу и прическе. С помощью символики они привлекают к себе новичков, для которых чем ярче внешний облик, тем «круче» его обладатель.

«Пиплы» (люди, от англ. *people*) нередко нелестно отзываются об «олдовых», которые стремятся завлечь «пионеров». Играющий роль лидера вызывает среди настоящих «пиплов» неприятие. Претензия на более высокое положение считается среди «пиплов» деградацией. Основная ценность среднего слоя – «творчество», и считается, что в лидеры метит тот, кто не способен себя выразить в творчестве («творческие импотенты»). «Пионеры» же ничего плохого не замечают – просто потому, что еще не вошли в сферу действия «системных» норм. Обычно, потусовавшись два-три года вокруг «олдового» лидера и отдав ему дань восхищения, они разочаровываются и уходят, больше с ним не общаясь. У него появляются новые последователи.

Этапы социализации и жизненный путь

Путь в «систему» включает три ступени: первая ступень «пионер» (новичок), вторая – собственно «пипл» и третья – «олдовый» (старый тусовщик). Это три основных **статуса иерархии**, в которой «пионеры» занимают самое низкое положение, а «олдовые» – носители высшего авторитета. Средний слой образуют собственно «пиплы»: не новички и не лидеры. Эту троичность осознают и сами тусовщики, по крайней

мере достаточно опытные: «Есть слой лидеров Системы, есть слой средних людей, которые разделяют убеждения большинства и идут покорно за ними. Есть слой новопришедших». По мере вхождения в «систему», освоения ее традиций, меняется статус человека.

Весь «пионерский» этап есть знакомство с символами «системы»: атрибутикой и сленгом. Важный элемент – освоение сленга. «Пионерская» речь им заметно перенасыщена. Многие «пионеры» составляют для себя словарики сленга. Это – признак «пионерства», т.е. связано с непрестижным, низким положением в «системе». Для лучшего запоминания сленговых слов сочиняют стишки («феньки»), где на сленге описывается та или иная «типично системная» ситуация. Например: «Стремный флэт. Открылась дверь: На пороге стоит зверь. Весь прикинут в серой шкуре! Пипл, это мент в натуре. Вот и все, кранты, винты...». Противостояние милиции – черта системы; это максимальное выражение ее отторжения от общества. Милиция в данном случае играет роль стража общественных норм. Для «пионеров» стычки с милицией даже желательны, так как считается, «что если тебя не винтили (т.е. не задерживали), то ты не крут, так как винт (задержание) есть подтверждение обществом своего отказа от тебя, того, что ты им отвергнут».

Важным этапом в процессе социализации является присвоение имени. Обретение символов новичком обставляется специальными ритуалами: присвоением имени и дарением «феньки». Значение имени-прозвища вначале ограничивается указанием принадлежности к «системе». Раз есть имя, значит, человек «свой». Обладание системным именем увеличивает авторитет индивида на тусовке. Системные имена чаще всего восходят к определенным тусовкам («волосатых», металлистов, панков).

Дарение «феньки» или наречение имени в ритуальной форме фиксирует содержание всей деятельности «пионера» – обретение и наполнение (информацией) символов «системы». Это начальный этап социализации. Точно так же постепенно наполняются значениями и другие символы, которые воспринимаются на «пионерском» этапе. Разговоры новичков почти полностью сводятся к истолкованию символики и расшифровке сленга.

«Трасса» как инициация

«Трасса» – ритуальное средство перевода норм в поведение. «Трасу» прошел, значит, – крутой. Это грань, перейдя которую, «пионер» перестает быть «пионером»: «трасса» завершает процесс формирования

«системного» поведения и служит проверкой его соответствия норме. Обряды, связанные с «трассой», завершают **комплекс посвящения** в «систему».

«Трасса» есть высшее и максимальное проявление «системного» духа. Считается, что здесь можно познать просветление, понять высший закон – *Дао*. Само путешествие для «пиплов» не только и не столько реальный вояж, сколько попытка прорыва в области мистического Пути. Трасса становится воплощением этой центральной ценности. Существует масса поверий, связанных с путешествием по «трассе». Каждый эпизод толкуется и как магическое действие. На «трассе» нельзя ругаться – ни с шоферами, ни с попутчиками: пока в душе зло, машины не будут останавливаться и вообще не повезет. В дороге все наоборот: то, что обычно – знак благого, здесь говорит о присутствии темных «энергий». Закон трассы – «Всегда вперед!» Нужно постоянно идти избегая выжиданий и остановок. Еще одно требование «трассы» и «системы» – установка на поиск. Считается, что если ты идешь на «трассу» переполненный чувствами, хочешь чего-то, то ты очень быстро там (где хочешь) окажешься. Основная установка «системы» – ненасилие, мир, гармония. Это же становится одним из главных условий удачи на «трассе».

В целом ритуальный комплекс «трассы» позволяет воспроизвести и пережить модели поведения, принятые в «системе». Этот комплекс закладывает стереотипы поведения в разных ситуациях, фиксируя на них внимание магическим обоснованием. «Трасса» – завершение «школы», практически проверка освоения традиции и одновременно первый реальный опыт применения ее норм, навыков, символики, **канал перехода со знакового уровня освоения традиции на поведенческий** – от состояния ученика («пионера») к состоянию носителя традиции (полноценного «пипла»).

На трассе складываются «системные» репутации: говоря о том или ином человеке, прежде всего вспоминают, как он вел себя на «трассе», а об этом известно, поскольку обсуждение путешествий – едва ли не главная тема тусовочных разговоров. Если путешествовать с этим человеком «кайфово», другие тоже будут стремиться к нему в попутчики. Если «некайфово» – его репутация надолго останется с клеймом. Трасса открывает путь в «систему» тому, кто уже освоил ее традиции, умеет жить по ее нормам. В противном случае так и останешься на периферии, вечным «пионером». Это обеспечивает возобновление типа отношений и в конечном счете их структуры в неизменном виде.

Толкования эпизодов путешествия, особенно «олдовыми», насыщены упоминаниями энергетики, «энергетических воздействий», «приобретений» и «потерь» энергии. «Трасса», таким образом, еще и средство освоения «энергетического» языка «системных» эзотериков. Следовательно, она проводит человека не только через грань, отделяющую «пионеров» от собственно «пиплов», но и через границу между «пиплами» и «олдовыми». Осваивая эзотерический язык, человек получает доступ в описанную выше узкую сеть «энергетов».

Структура социализации и «родство»

Информация перетекает из сети «олдовых», хранителей традиции, на периферию, в среду новичков. В «системе» есть специальный обряд «усыновления». Многие входят в тусовочную жизнь именно посредством «усыновления»: «Женщина усыновляет: Ты мой сын и называет сынок. Это поддерживает дружеские отношения».

Усыновление практически исключает интимные отношения. «Мать» объясняет «сыну», как себя вести в разных ситуациях, знакомит с «пиплами», берет с собой на «сейшны» (концерты или сборища), с ней он осваивает технику «аска» (попрошайничества), «вписки» (поиска места ночлега). «Мать» удерживает его от наркотиков и других опасностей.

Типично совмещение «усыновления» с обрядом наречения имени. Усыновление может иногда распространяться на целую тусовку – тогда ее лидер называется астральным (или духовным) «отцом» и также играет роль наставника, но уже для всей группы.

Активно используются термины родства для маркировки группы, указывается просто относительный статус – «жена», «любовница». Это позиции если не равенства, то близости к «отцу»: «дети» и «внуки» – ступеньки ниже. Обычно «сыном» становится тот, кого ты привел на тусовку. Среди «системщиков» часто вычерчиваются подобные генеалогии, даже разветвленные.

Такие же отношения, с вертикальной передачей информации, складываются на «трассе», если едет новичок. А если есть «пионер», то ему в попутчики по «системному» обычаю подбирают по возможности «олдового», во всяком случае, опытного «пипла». Опытный попутчик объясняет, что допустимо и недопустимо на «трассе». Он же оценивает поведение новичка, а затем создает ему репутацию в «системе». Существует поверье, которое заинтересовывает «пиплов» ехать в паре с новичком,

заключающееся в том, что новичку больше везет. Такие пары выполняют основную функцию «трассы» – **передачу традиций**.

Диахронная передача информации включает не только обучение новичков, но и хранение информации. Роль хранителей выполняет сеть «олдовых». Именно в среде «олдовых» кристаллизуется символический язык тусовки, а также складываются мифоподобные сюжеты, в сжатой форме фиксирующие ее символику и нормы. Главным образом это два жанра: «телега» и миф. Практически каждый «олдовый» расскажет вам вариант мифа о происхождении «системы» и отдельных ее реалий. Роль своеобразной мифологии играют также плоды творчества «олдовых» (циклы картин Бориса Гребенщикова, тексты его песен, отдельные строки, которые воспринимаются как крылатые выражения).

Отдельная тема – «флэты» (жилища) «олдовых». Это действительно средоточие символов и лаборатория их поиска. На таких «флэтах» периодически устраиваются выставки «прикидов». Сюда свозят свои «фенечки», куртки, торбы, обильно снабженные значками и надписями. «Олдовые» играют в системе роль не только хранителей традиции, но и ее систематизаторов. Они всегда придирчивы к новым поколениям тусовщиков. Ориентация на прошлое – характерная черта любого хранителя традиции. «Олдовые» сверяют реальность с идеальным прошлым мифа. Норма относится в прошлое, где она якобы воплощалась. Прошлое фактически играет роль иного мира, никогда не существовавшего и принципиально недоступного проверке, – места воплощения идеала. И когда говорят о «деградации» современных хиппи, фактически просто указывают на несоответствие реального поведения провозглашаемым нормам, реальности и идеала.

«Система» делится на носителей и хранителей традиции. Носители – это средний слой («пиплы»): только они в действительности следуют нормам «системы», живут по ее законам, только в их поведении реализуется код, который определяет специфику данного сообщества.

«Пионеры» еще не умеют следовать нормам, да и зачастую просто не знают их. «Олдовые» считают себя выше этих норм. Они учат других, но сами используют все системные ценности как средства манипулирования. Именно поэтому настоящие «пиплы» говорят, что «олдовые» деградируют. «Пионеры» и «олдовые», элита и периферия, обеспечивают передачу норм и ценностей «системы» во времени; но в их собственном поведении эти нормы не реализуются.

История «системы» представляется «олдовым» как ряд волн, каждая из которых приносит новую возрастную когорту молодежи, прихо-

дящей со своей символикой. Система переживает стадии «сжеживания» и разрастания. Это происходит тогда, когда «пиплы» находят себе место вне «системы». Численность «системы» и ее отдельных группировок снижается, тусовка пустеет. В конце концов остается узкий слой людей – те, кому было достаточно комфортно в рамках «системы». Они не занимались активно поисками выхода из «системы», как это делало большинство «пиплов». Система и так давала этим немногим высокий статус, уровень самооценки и самореализацию. «Олдовые» последними покидают (или даже вообще не покидают) тонущий корабль. Весь строй их личности и внутренняя мифология приспособлены к жизни в «системе». И вот наступает момент, когда они остаются лидерами без паствы. В такие периоды кристаллизуется и вербализируется «системная» мифология, по-настоящему складывается эзотерический язык. Бывшие лидеры, оказавшись в среде таких же, охотно делятся своими находками, символическими средствами. Формируются длительные личностные привязанности.

Эта фаза развития сообщества внешне видится как его исчезновение. Однако на самом деле остается узкий круг хранителей его традиций. Их группы – «зерна традиции». Необходим только приток новой молодежи, очередное расширение тусовки. Тогда «олдовые», пережившие спад, займут в этой новой тусовочной среде позиции лидеров, поскольку владеют приемами манипуляций, управления. Новые «олдовые» пополняют круг хранителей традиции.

Поведение «олдовых» характеризуется повышенной внешней семиотичностью: это особая образность, даже некоторая иррациональность манер, речи и обстановки их «флэтов». Внешность играет большую роль. Зачастую вес в системе зависит от длины волос. «Олдовые» художники экспериментируют с рисунком или цветом для воздействия на подсознание. Подобным же образом экспериментируют с музыкальными образами, ритмами, тембрами, испытывая их влияние в поисках желаемого эффекта. Поиск ведется и в сфере вербального творчества, где имеют значение не только смысл, ритм, порядок слов, но и манера произнесения. Многие «олдовые» специально экспериментируют с тембром своего голоса, добиваясь наибольшего воздействия. Для этой субкультуры характерен тип лидера-художника или поэта-пророка. В мифологии «системы» это отразилось как поверье о том, что творчество способно повысить энергетический (социальный) потенциал, вывести в лидеры.

АРМЕЙСКАЯ СУБКУЛЬТУРА*

Социальная структура «дедовщины»

В неформальной армейской жизни, которая обычно определяется «неуставными отношениями», или «дедовщиной», можно выделить шесть слоев, составляющих основу социальных отношений в этой среде, строящихся по возрастному принципу. Причем сразу же необходимо отметить, что вопреки сложившемуся в нашем общественном мнении представлению о «дедовщине» как об аномальном явлении, имеющем локальный характер и связанным с проникновением в армейскую среду преступных элементов, основная масса военнослужащих считает такие взаимоотношения естественными и законными.

Вот как выглядит **социально-возрастная структура** отношений в армии (в зависимости от времени нахождения на военной службе):

1. До 1 месяца (до принятия присяги) – «сыннок».
2. 1 месяц – 0,5 года – «молодой», «щегол».
3. 0,5 года – 1 год – «дух», «салага», «шнурок».
4. 1 год – 1,5 года – «фазан», «черпак».
5. 1,5–2 года – «старик», «дед».
6. 2 года – «дембель».

Символы и ритуалы

За каждым социально-возрастным классом закрепляются определенные права и обязанности. Возраст в этой системе имеет высокий уровень ритуально-символического оформления. Прослужившие менее одного года – это «молодые», «салаги», «шнурки». Их используют на самой тяжелой и не санкционированной офицерами работе. «Молодые» одеваются в старую грязную форму, часто на два размера больше. Ремень затянут до предела.

Прослужившие более года – «фазаны», «черпаки», «старики», «деды» – пользуются привилегиями. Они – главные ревнители традиции неуставных отношений. Жестко карают любые проявления неповинове-

---

* Глава написана по полевым материалам автора 80–90-х годов.

ния. Их можно отличить по внешнему виду: обмундирование ушито, китель укорочен, сзади складка («год за плечами»), кокарда и бляха выгнуты, а у солдат-«дембелей» они прямые («путь домой»), сапоги обрезаны и отглажены «гормошкой». Даже подворотнички подшивают по-разному. Например, «старик» имеет право подшивать его даже черными нитками.

Неформальный этикет предписывает всем различное поведение. «Молодые» «добровольно» отказываются от культурно-развлекательных мероприятий, либо занимают самые неудобные места. В строю занимают первый ряд. При проведении хозяйственных работ (опять же «добровольно») занимаются самой трудной и грязной работой. Нередко «салаги» подвергаются насильственным действиям со стороны «стариков», но пытаются скрыть травмы. Если же травма не вызывает сомнений и известен автор травмы, молодой воин будет до конца выгораживать его, боясь наказания за «стукачество». Если «молодой сломался» и доложил командиру о неуставных отношениях, то он становится «изгоем», либо остается на низшем уровне казарменной иерархии. При этом его осуждают не только «старики», но и «сверстники».

Часто «молодые» должны развлекать «дедов». Причем выбор «концертной программы» бывает достаточно широк, а воины, обладающие определенным талантом, пользуются покровительством «дедов».

Ритуальная практика также акцентирует внимание на социально-возрастной иерархии. Она, в частности, включает период подготовки индивида к «ритуалу перехода», после чего произойдет изменение его статуса. Например, «молодой» после отбоя громко сообщает «старикам», сколько дней осталось до приказа об увольнении, не забывая при этом прокукарекать. Дневальный читает традиционный стишок из солдатского фольклора.

Обычно «дембель» укладывается на второй ярус кроватей. Два-три солдата раскачивают кровать, изображая поезд («дембельский поезд»), а остальные бегают за окном с ветками, изображая пейзаж, который проплывает за окном. Молодой воин («романист») сочиняет рассказы о прекрасной жизни «дембеля» после увольнения в запас.

Будущий лидер с первых дней службы активен в выполнении приказов «дедов», является идеологом неуставных отношений. «Старики» заранее готовятся к передаче власти, воспитывают своих преемников. Существуют ритуалы передачи власти, которые происходят в день выхода приказа Министерства обороны Российской Федерации об увольнении в запас. Будущий лидер пользуется особыми привилегиями. На-

пример, в день выхода приказа ему отдают все порции масла, и он делит его по своему усмотрению среди молодых воинов. Он пересаживается за стол старослужащих и ему разрешается пользоваться посудой «старика». «Молодые» имеют право пить только из зеленой кружки, тогда как старослужащие – из белой. Если вдруг рабочий по столовой перепутает кружки, его ждет самое тяжелое наказание.

Факты избиения «молодого» всегда оправдываются виновными как «отеческая забота» о нравственности и воспитании. После принятия присяги для молодого солдата начинается жизнь, полная «трудовых будней». Руководят этой жизнью те, кто прослужил больше года, так как они уже потрудились в «молодости» и добились к «зрелости» определенного положения и статуса. А вот солдат, отслуживший более полутора лет – «дед», «старик» – должен отдыхать, он уже на «пенсии».

Каждые полгода в марте и сентябре в казарме, ночью, когда нет офицеров, проводятся «ритуалы перехода». Солдат получает по ягодичам столько ударов, сколько месяцев он прослужил. Правда, «молодой» получает удары ремнем, а «дед» – ниткой и через подушку. После выхода приказа «дед» отказывается от мирской жизни, в казарме он обычно не ночует, а уходит на какой-нибудь дальний объект. Там он готовится к «смерти» – «дембелю», т.е. «в последний путь». Ему готовят «саван» – дембельскую форму с обилием побрякушек. В «могилу» с собой он возьмет все, что было дорого для него в армейской жизни (прежде всего дембельский альбом). Все провожают его «в последний путь» со слезами. Причем плачут те, кого он обижал. Если бывший «дед» придет через два-три месяца к месту службы, никто из бывших «молодых» не припомнит ему обиды, так как этот человек уже «умер».

Интересные наблюдения есть в связи с сосуществованием в рамках этих отношений **возрастных и родовых структур**. Замечено, что среди военнослужащих, принадлежащих к одной и той же этнической общности (прежде всего той, в которой сохранились родовые структуры, например, принадлежащих к этносам бывших закавказских и среднеазиатских советских республик), лидерами становятся не старшие по «социальному возрасту» (старослужащие), а представители наиболее влиятельных в этих этносах родовых групп. Иными словами, социальный возраст здесь не имеет принципиального значения.

ВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В АНГЛИЙСКИХ ПУБЛИЧНЫХ ШКОЛАХ

Достаточно жесткий, а подчас и жестокий характер взаимоотношений между представителями социально-возрастных структур в рамках армейской субкультуры, широкое применение средств насилия, используемых, в частности, в ритуальной практике, объясняется, по-видимому, не только функцией армии как общественного института, но и **его половым составом**. Аналогичный характер взаимоотношений между социально-возрастными группами можно наблюдать в субкультурных образованиях с иными общественными функциями, но также состоящих из представителей мужского пола, например в английских публичных школах (закрытых средних учебных заведениях для мальчиков). Выпускники этих школ в дальнейшем пополняют старейшие и престижнейшие университеты в Оксфорде и Кэмбридже.

Известный писатель и публицист *В. Овчинников* так описывает нравы, царящие в английский публичных школах, в которых по преимуществу обучаются дети аристократии: «Первая неделя новичка в такой школе часто оставляет самый болезненный след в его жизни. Ему трудно даже осознать, что в мире может быть столько людей, желающих ударить его, причинить ему боль и имеющих полную возможность сделать это в любое время дня и ночи. Жестокие побои, которым старшины домов, старшеклассники и даже сверстники подвергают новичков за малейшие проступки или недостатки характера, не имеют параллели в британском обществе. Нигде, даже в тюрьме, подростку не дадут семнадцать ударов розгами лишь за гримасу, сделанную другому подростку. Однако в публичной школе такая мера одобряется отчасти потому, что она позволяет эффективно поддерживать дисциплину; отчасти потому, что учит младших чувству ответственности и повиновению власти... Во главу угла поставлено не совершенствование духа, а формирование характера. Если в средневековой школе основой воспитания считалась розга, то здесь добавлен еще и спорт, а розга вложена в руки старшеклассников.

Это система старшинства, внутренней субординации среди воспитанников, которая наделяет старшеклассников значительной властью над новичками. Для того, чтобы эта субординация глубже пронизывала жизнь публичной школы, она организационно делится не горизонтально, т.е. на классы, а на дома. Каждый из домов объединяет воспитанни-

ков всех классов, остающихся в нем целый срок обучения от первого до последнего дня. Именно через старшеклассников публичная школа преподает новичку самый первый и самый суровый урок: необходимость беспрекословно подчиниться всякому, кто по школьной субординации стоит хотя бы на ступеньку выше...Идею субординации новичкам придают не нравочениями, а унижительными обычаями, наряду с которыми существует вполне официальная система телесных наказаний. Розга донине остается узаконенным средством, чтобы сначала учить воспитанника безропотно подчиняться, а потом, когда он сам станет старшеклассником, учить его умению повелевать. Шестой, т.е. выпускной класс...— это как бы унтер-офицерский состав школы. Эти подростки отвечают за порядок в классах, на спортивных площадках и в спальнях. Они вправе применять к младшим дисциплинарные взыскания и поощрения» (1, с.274).

Глава 4

ИЗРАИЛЬСКИЕ КИБУТЦЫ

Представляет интерес и социальная организация израильских сельских поселений общинного типа (кибуц), которая была характерна для них в 50-х годах по описаниям *С. Айзенштадта*. Эти поселения представляли собой своего рода коммуны, ориентированные прежде всего на простое воспроизводство форм общественной деятельности. Здесь также отношения между возрастными группами во многом тождественны тем **арханческим формам**, которые знакомы антропологам по традиционным обществам.

В кибутцах дети большую часть жизни живут отдельно от родителей. Они питаются, спят и учатся в своих собственных постройках. Жизнь группы определяется:

1. Обучением в школе с упором на сельскохозяйственное и техническое обучение и на идеологию сионистского движения.
2. Наличием у каждой группы участка земли, а также избиранием ею своего комитета, возглавляемого инструктором.
3. Культурной жизнью группы, т.е. чтением газет и книг, изданием собственной газеты, организацией игр и фестивалей.

Так же, как и у взрослых, власть здесь принадлежала ассамблее (детской). По инициативе инструктора группы все члены обсуждали возникшие в ней проблемы, часто — поведение нарушителей. Переход из одной группы в другую, т.е. с более высоким статусом, осуществлялся

коллективно. Почти каждая группа имела свое собственное имя (название животного, растения). Имя не изменялось с изменением статуса группы. Наиболее важные ритуалы были связаны с переходом группы из кандидатов в полные члены кибутца или в кандидаты кибутца. Группы в половом отношении были смешанными, но жили в разных жилищах (106).

Из приведенных выше сведений можно сделать вывод о наличии некоего тождества в реализации возрастного принципа как в архаических системах, так и в современных. Причем последние могут включать в себя и общество в целом (Япония), и отдельные субкультуры и институты. Это проявляется в социальном и идеологическом доминировании старших социально-возрастных поколений, в неравномерном распределении прав и обязанностей по управлению делами общества между поколениями, в использовании идеологических представлений, закрепляющих неукоснительный авторитет старших, в их высоком престижном статусе. Эти системы **жестко стратифицированы по возрастному принципу**. Здесь **ритуализация и символизация возраста имеют исключительно важное значение**.

Воспроизводство в рамках подобных общественных образований «архаических» структурных особенностей уже было отмечено исследователями (2). В частности, аналогии проводились путем сравнения традиционных обществ с отечественными криминальными субкультурами: «Я увидел и опознал в лагерной жизни целый ряд экзотических явлений, которые до того много лет изучал профессионально по литературе, – явлений, характеризующих первобытное общество. Для первобытного общества характерны обряды инициации – посвящения подростков в ранг взрослых, обряды, состоящие из жестких испытаний; такой же характер имели у дикарей и другие обряды перехода в иное состояние (ранг, статус, сословие, возраст). У наших уголовников это называется “пропиской” Для первобытного общества характерны табу... Абсолютное соответствие мы находим в лагерных нормах, определяющих, что “запало” Будто из первобытного общества перенесена татуировка – наколка и т.д.» (2). Многие из описанного выше без труда обнаруживаются в приведенных примерах.

Исходя из данного сравнительного материала по архаическим и современным системам, на котором мы остановились в данном разделе, можно констатировать, что подобные модели возрастных человеческих взаимодействий возникают при определенных условиях. Главным в них является преимущественная ориентация того или иного общественного

подразделения (общества, субкультуры, института) на **простое воспроизводство** форм деятельности. Последняя, в свою очередь, может быть обусловлена различными причинами, основная из которых – **изоляция от внешнего мира**. В результате общественная система лишается возможности черпать энергию извне для перестройки функционирования элементов в рамках режима расширенного воспроизводства форм деятельности. В соответствии с данной гипотезой и многовековая изоляция Японии (объяснявшаяся ее географическим положением), и изоляция современных «традиционных» обществ, вплоть до начала нынешнего века пребывавших на периферии мирового общественного процесса, и сознательное отчуждение от общества молодежных групп (хиппи), и объективная изоляция армии в конечном счете способствуют формированию типов культуры, ориентированных на воспроизводство «архаических» форм деятельности.

Географически изолированными от «центра», т.е. от наиболее динамически развивающихся мировых систем, оказались социумы афроазиатского континента. Здесь почти полностью сохранились общинные социально-экономические структуры, в которых возрастной и родственными принципами определяют социальную стратификацию. Соответственно представлены архаические идеологическая, ритуальная и сигнификационная особенности, легитимирующие этот тип стратификации. Моделирование современных институтов по типу общинных структур неизбежно приводит к воспроизводству ее основных черт. Таким примером и являются израильские кибутцы 50–60-х годов, ведущие по преимуществу натуральное хозяйство и ориентировавшиеся на простое воспроизводство форм жизнедеятельности.

Простое воспроизводство форм деятельности предполагает повторение младшими опыта старших в неизменном виде, что, в свою очередь, требует соответствующего закрепления авторитета старших социально-возрастных поколений как на идеологическом, так и психологическом уровнях.

Таким образом, «реанимация» архаических принципов организации общественного устройства и, в частности, возрастного принципа и закрепления его в идеологических и поведенческих моделях может осуществляться в системах, в которых **динамика общественных изменений** по тем или иным причинам **временно замедляется** и общество вступает в период стагнации. Это, например, характерно для советского общества эпохи «застоя», как, впрочем, и для обществ с тоталитарными режимами вообще, которые искусственно изолируются от внешнего

мира и прежде всего от экономически развитых систем, объявляя их «врагами» своих режимов. Здесь главной экономической причиной стагнационных процессов является либо полное, либо резкое ограничение частной собственности на орудия средства производства.

В советском обществе, как известно, институты, основанные на возрастном принципе, занимали доминирующее положение. Вплоть до периода зрелости практически все население страны проходило через своего рода возрастные степени (октябрятскую, пионерскую, комсомольскую организации). Внутри же партийно-бюрократической иерархии социально-возрастной принцип также играл главную роль, определяя в соответствии с рангом управленческие функции и характер привилегий и т.д. Развитие получили ритуальная и символическая сторона социально-возрастного процесса. Во многом была реанимирована идеология «культа предков». Так, культом сакрального «предка» можно считать культ Ленина, которого среди живых представлял Генеральный секретарь КПСС – «верный последователь его идей». Генеральный секретарь возглавлял и ритуальную практику на могиле сакрального «предка». Молодежь воспитывалась на «преданности коммунистическим идеалам». Активно использовались для сигнификации возрастных отношений термины родства. Сам вождь выступал по отношению к обществу в качестве «отца» (или «отца народов»), а «отеческая забота партии и правительства» распространялась на все население СССР, которое выступало, таким образом, в качестве «детушек». Отношения между различными этносами и республиками также маркировались посредством родственно-возрастной терминологии («старшие и младшие братья»).

Литература

1. Овчинников В. Дуб и сакура. М., 1979.
2. Самойлов Л. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1990. № 4.
3. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. СПб., 1993.
4. Eisenstadt S.N. From Generation to Generation. Age Groups and Social Structure. N.Y. 1963.
5. Weatherford J. Tribes on the Hill. N. Y., 1981.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ

Глава 1

ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ

Философы о конфликте поколений

Разные исследователи по-разному трактуют межпоколенный конфликт. По мнению *Л. Фойера* (США), наблюдавшего подъем студенческого протеста в Европе, «конфликт поколений является универсальной темой человеческой истории. Он основывается на самых изначальных чертах человеческой природы и является, может быть, даже более важной движущей силой истории, чем классовая борьба» (41, с.527). Большое влияние на взгляды Фойера оказал *З.Фрейд*.

Ж. Мандель (Франция) помимо понятия «конфликт поколений» выделяет и понятие «**кризиса поколений**». Если конфликт поколений, связанный с Эдиповым комплексом, состоит в том, что подросток стремится занять в обществе место своего отца и вообще старших («социальных отцов»), то «кризис поколений» означает, что юноша не соперничает с отцом, дабы в конечном счете идентифицироваться с ним, а полностью отвергает его как образец, отказываясь от своего социокультурного наследия (43).

К. Лоренц считает, что «вражда между поколениями» имеет этологические корни. Современное состояние общества, по его словам, это «массовый невроз», обусловленный тем, что у современного человека нарушены механизмы, ответственные за поддержание равновесия между удовольствиями и заботами. Трудности и препятствия, вынуждавшие человека предпринимать усилия, необходимые для выживания, но неприятные, исчезли. Отсюда гедонизм, требование немедленного удовлетворения всех желаний, нетерпеливость и лень, которым всегда сопутствует эмоциональное и духовное оскудение. А поскольку эти черты особенно распространены у молодежи, обществу угрожает перерыв в культурной традиции. Молодые люди «испытывают архаическое ин-

стинктивное удовольствие от племенной войны, направленной против родительского поколения. Ненависть, которую они питают к нам – старшему поколению, сродни национальной ненависти, самой разрушительной из всех эмоций. Она исключает всякую коммуникацию, что делает ее слепой и создает угрозу эскалации вражды» (42, с. 338).

В трактовке межпоколенных отношений в социологической литературе имеются **два полюса**.

1. В современном обществе существует большая разница между поколениями, и этот доходящий до противоположности разрыв увеличивается.
2. Представления о росте межпоколенных различий иллюзорны. Ничего нового в этом отношении не произошло.

Встречается также точка зрения, согласно которой подобные взгляды на взаимоотношения поколений существуют лишь в спекулятивных глобальных теориях. Данную точку зрения опровергают эмпирические исследования, которые показывают, что межпоколенные отношения являются отношениями **«селективной преемственности»**.

Эмпирическое исследование предполагает дифференциацию и детализацию следующих вопросов:

1. Что мы сравниваем: различия и сходство между поколениями по происхождению (родители и дети) или между сменяющимися друг друга когортами? Вслед за этим возникает вопрос о сравнительной значимости когортных и внутрисемейных сходств и различий и о мере их влияния на макросоциальные процессы.
2. Что мы сопоставляем: субъективно воспринимаемые аскриптивные свойства (как сами родители и дети, старые и молодые оценивают степень и характер своих отличий от другой возрастной группы) или же пытаемся измерить объективно существующие между ними различия, которых сами опрашиваемые могут и не осознавать?
3. Нельзя забывать о предметной стороне дела: что именно сопоставляется и измеряется – частные социальные установки, глобальные ценностные ориентации или реальное поведение в определенной сфере деятельности (труд, политика, семейная жизнь и т.д.)?

Глобальные обобщения, не учитывающие этого фактора, легко вводят в заблуждение. Спор о наличии или отсутствии «разрыва» между поколениями нередко объяснялся простым недоразумением: те, кто считал, что «разрыв» есть, оперировали одними показателями, а те, кто его отрицал, – другими (11, с.157–158).

М. Мид. Концепция преемственности культуры и конфликта поколений: постфигуративные, кофигуративные и префигуративные культуры

Концепция известного антрополога *М. Мид* (23) строится на определении зависимости межпоколенных отношений и темпов научно-технической и социальной динамики. В результате автор выделяет три типа культур:

- постфигуративные, в которых дети учатся главным образом у своих предков;
  - кофигуративные, в которых дети и взрослые учатся прежде всего у своих сверстников;
  - префигуративные, в которых взрослые учатся также у своих детей.
- Рассмотрим эти типы культур подробнее.

Постфигуративные культуры ориентируются в своем развитии на прошлое и свойственны прежде всего традиционным обществам. Здесь информация от поколения к поколению успешно передается бес-сознательным путем. Помимо «этнографических» обществ подобная передача социокультурной информации от поколения к поколению характерна для этнических субкультур (диаспор) – армянской, еврейской, индийской, а также для маленьких групп аристократов. Люди, которые принадлежали к сложным обществам, могут забывать в чужих странах те динамические реакции на осознанную перемену, которые вынудили их к эмиграции, и сплотиться на новом месте, вновь утверждая неизменность своего тождества с предками.

Постфигуративные культуры – это **безвременные культуры**, для них нет прошлого помимо прошлого, воплощенного в стариках. Здесь царит ощущение всепобеждающего обычая. Запреты и ритуалы служат средством нейтрализации поколенного конфликта.

В подобных культурах отношения между поколениями отнюдь не бесконфликтны. В некоторых обществах от каждого молодого поколения ждут мятежа и захвата власти (у людей старшего возраста). Это, с точки зрения *М. Мид*, находит отражение в ритуалах перехода (инициациях), цель которых – вызвать стыд и страх у жертвы.

Постфигуративные культуры – **бесписьменные культуры**, генеалогия, не выраженная документально, конденсирует историю таким образом, что мифологическое и близкое прошлое сливаются вместе. Когда же у народа нет письменности, нет документов прошлого, то восприятие новизны быстро сглаживается и тонет в общей атмосфере про-

шлого. Старшие, редактирующие ту версию культуры, которая передается молодым, мифологизируют или вообще отрицают перемену. Народ, который мог описать каждую деталь какого-нибудь события, происшедшего в период относительной стабильности, давал самые противоречивые путанные отчеты о событиях более поздних, если они происходили в беспокойные времена, что говорит о неизменности вытеснения из памяти всего того, что нарушает непрерывность и тождество.

Единственно существенная и определяющая черта постфигуративной культуры (или же тех ее аспектов, которые остаются постфигуративными среди всех громадных изменений в ее языке и традициях) состоит в следующем: группа людей, включающая в себя представителей по крайней мере трех поколений, принимает данную культуру **как нечто само собой разумеющееся**, так что ребенок, вырастая, принимает без тени сомнения все то, в чем никто не сомневается в его окружении. Именно это свойство подсознательности, невербализированности, необозначенности и придает постфигуральной культуре и постфигуральным аспектам всех культур их **«великую устойчивость»**.

В кофигуративных культурах молодежь ориентируется не столько на старших, сколько на современников, равных по возрасту и опыту. Иными словами, в процессе воспитания влияние родителей уравнивается влиянием сверстников. Это совпадает с изменением структуры семьи (которая из «большой» модифицируется в «нуклеарную»). Отсюда – растущее значение юношеских групп, появление особой молодежной культуры и всякого рода межпоколенных конфликтов.

В обществе, где единственной моделью стала кофигурация, старые и молодые сочтут естественным отличие форм поведения у каждого следующего поколения по сравнению с предыдущим. Каждый индивид, коль скоро ему удастся выразить новый стиль, становится в некоторой мере образцом для других представителей своего поколения.

Кофигурация начинается там, где наступает **кризис постфигуративной системы**:

- после катастрофы, в которых погибли в основном старшие;
- с развитием новых форм техники, неизвестных старшим;
- вслед за переселением в новую страну, где старшие всегда будут считаться иммигрантами и чужаками;
- в итоге завоевания, когда покоренное население вынуждено усвоить язык и нравы завоевателей;

- в результате обращения в новую веру или в итоге мер, сознательно осуществленных в ходе революции, утверждающей себя введением новых и иных стилей жизни для молодежи.

Иммиграция в США и Израиль – типичный случай, когда от молодежи требуется, чтобы ее поведение резко отличалось от поведения, характерного для культуры предков. Молодежь проявляет к старшим меньше уважения как к людям, не имеющим уже власти (своего рода пренебрежение, подчеркивающее, что старшие не являются более хранителями мудрости или моделью для организации своего поведения молодежью, которая никогда не пойдет по стопам стариков).

В кофигуративных культурах опыт молодого поколения радикально отличен от опыта их предков и других старших представителей той общины, к которой они непосредственно принадлежат. Будут ли эти молодые первым поколением, родившимся в эмиграции, первыми по праву рождения представителями нового религиозного культа или же первым поколением, воспитанным группой победивших революционеров, их родители не могут служить им живым примером поведения, подходящего их возрасту. Молодежь сама должна вырабатывать нормы поведения и служить образцом для своих сверстников.

Нововведения, осуществленные детьми пионеров – теми, кто первым вступил на новые земли или вошел в общество нового типа, – имеют характер адаптации и могут быть истолкованы представителями старших поколений (понимающими свою собственную неискренность в жизни новой страны, свою неопытность в вопросах новой религии или в делах послереволюционного мира) как продолжение их собственной целенаправленной деятельности. Поэтому они справедливо гордятся лучшей приспособляемостью своих детей. В ситуациях такого рода конфликт начинается не по вине взрослых. Но и дети, выросшие в новых условиях (иммигранты США, Канады, Австралии, Израиля), дети, создающие прочные связи друг с другом, борющиеся и с условиями внешней среды, и с устаревшими представлениями своих родителей, копируют поведение друг друга все еще на подсознательном уровне.

Новое культурное наследие передается этим детям от взрослых, которые не являются их родителями, дедами, жителями их собственных иммигрантских поселков (куда они недавно прибыли или где родились). Эти дети вступают в контакт со своими сверстниками и получают возможность сравнивать себя с ними. Сверстники в состоянии дать им более практичные модели поведения, чем те, которые могут предложить взрослые.

Однако конфликты между поколениями прежде всего присущи классовым обществам с высокой **вертикальной мобильностью**. Молодой человек, завоевывающий положение в обществе, отличное от положения своих родителей, должен открыто и осознанно разорвать с постфигуративными моделями, олицетворяемыми его родителями и дедами, и искать новые модели.

Как правило, первый разрыв со стилем поведения родителей возникает после получения образования – в тех случаях, когда родители выбирают для своих детей образование нового типа, ставят перед ними задачу приобрести новую профессию. Если число таких людей велико, они становятся образцом поведения друг для друга и, отвергая в новых условиях поведенческие модели взрослых, рассматривают своих учителей и администраторов как противостоящую им силу, которую скорее нужно перехитрить, чем следовать ее примеру.

В своей простейшей форме кофигуративное общество – это общество, в котором отсутствуют деды и бабки. Старшее поколение нередко отсутствует в современном мобильном обществе, таком как США, где как молодые, так и старые часто переезжают с места на место. Это явление свойственно и индустриальным высокоурбанизированным обществам, в которых обеспеченные или очень бедные люди отделяют себя от престарелых, предоставляя им для жительства специальные дома или районы (23, с.350).

С физическим удалением поколения дедов и бабок из мира, в котором воспитывается ребенок, его жизненный опыт сокращается на одно поколение, а его связи с прошлым ослабевают. В больших организациях, от которых требуется, чтобы они менялись (и менялись быстро), уход на пенсию – социальное выражение той же самой потребности в гибкости. Устранение старших чиновников, престарелого персонала, всех тех, кто своей личностью, памятью, не меняющимся стилем отношения к молодежи, укрепляет и поддерживает устаревшее, аналогично по своему характеру устранению дедов из семейного круга. Когда этого поколения нет или когда оно потеряло власть, молодежь может сознательно игнорировать стандарты поведения старших или же быть безразличной к ним. Установка на то, что дети уйдут от своих родителей либо окажутся вне их влияния, как в свое время сделали и сами родители, становится частью такой культуры.

Различия в культурах, отмеченные М.Мид, определяют отношение общества к старикам. Во многом оно обусловлено той ролью, которую они играют в процессе социализации молодого поколения. Технология и

культ эскимосской культуры не требовали познаний или же эзотерической мудрости стариков. Стиль этой культуры, включавшей далекие переезды и длительные семейные визиты, настоятельно требовал разработки очень быстрых и эффективных способов ориентации охотника на новых местах. В отличие от австралийских аборигенов, стиль обучения у которых связан со знанием территории, приобретаемым в течение всей жизни, с наделением этой территории глубоким сверхъестественным смыслом, эскимосы разработали метод быстрой передачи информации, который позволял им спокойно и легко перемещаться по новым местам. В этой культуре не было необходимости в стариках как носителях знаний. Когда старики становились бременем, угрожавшим выживанию молодых, они сами предпочитали умереть.

В Польше до первой мировой войны крестьяне-земледельцы обычно передавали землю своему женатому сыну в обмен на обязательство, что он будет заботиться о пожилой паре в течение всей оставшейся жизни. Но в таком случае гарантии оказывались необязательными для детей, и стариков выгоняли нищенствовать по дорогам.

Та легкость, с которой многие представители второго и третьего поколений американцев снимали с себя всякую ответственность за пожилых, связана с утратой санкций в этой области. Крах системы подобных санкций, когда-то осуществлявшихся самими стариками, владевшими собственностью до смерти, может означать, что прежнее положение стариков в обществе никогда уже не будет восстановлено. Аналогичным образом и там, где продолжительность жизни стариков в результате улучшения медицинского обслуживания выходит за пределы ожидаемой нормы, их могут лишить обязанностей, которые следующее поколение с полной готовностью возьмет на себя (навсегда). Каждый такой сдвиг в культуре, отражающий ее адаптацию к новым условиям, несет с собой возможности изменения и устранения глубинных характеристик постфигуративных культур.

Иммигранты в Америке, Индии, Пакистане, Африке, где дети также становятся экспертами по вопросам нового образа жизни, родители теряют свое право на оценку и руководство их поведением. Но там, где изменения происходят в одной стране, тот суммарный груз старой культуры, реинтегрирующая сила старых ориентиров, физическое существование старшего поколения ослабляют притязания на власть, выдвигаемые детьми. В странах же мультиэтнической иммиграции, однако, сила кофигурации удваивается, и родители, смещенные так сказать во времени и пространстве, находят вдвойне трудным сохранить любую

власть над своими детьми или даже веру, что такой контроль возможен и желателен.

Когда кофигурация среди сверстников институализируется культурой, мы сталкиваемся с явлением молодежной культуры, или культуры *тинэйджеров*, возрастная стратификация, поддерживаемая школьной системой, приобретает все возрастающее значение. В США последствия кофигурации, охватывающие всю культуру, стали ощущаться к началу XX в. Близкие отношения между старшим поколением и внуками потеряли силу нормы, а родители, утратившие приоритет в разработке стандартов поведения, отдали их на откуп детям. В культурном отношении кофигурация стала доминирующей, преобладающей формой передачи культуры. Очень немногие из пожилых претендовали на какое бы то ни было отношение к современной культуре.

Общества, сознательно пользующиеся возможностями, заложенными в кофигурации, общества, побуждающие подростков или взрослых образовывать группы, в которых их не воспитывают и не обучают, часто оказываются гибкими, легко адаптирующимися к новым условиям.

Для современных обществ значительно более характерно исчезновение ранних форм постфигурации. В то же самое время делаются все новые и новые попытки возродить некритическое единодушие, абсолютную лояльность. Последователи различных революционных, религиозных и иных культов пытаются создать закрытые общества, видя в них способ увековечить желательный образ жизни. На протяжении жизни многих поколений две культурные группы, евреи и армяне, прививали своим детям установку на социальную мобильность, на усвоение новых языков без потери ими чувства культурного своеобразия. Очень сходным образом дети в нашей собственной и многих других культурах воспитываются в духе установки на изменения в пределах неизменного (23, с.359).

Префигуравные культуры ориентируются на будущее. Старшее поколение все больше прислушивается к молодежи. Отсюда М. Мид выводит и молодежную субкультуру, студенческие волнения (в эпоху НТР).

М. Мид констатирует появление новых механизмов передачи культуры, которые принципиально отличаются от постфигуративных и кофигуративных. Эту новую культурную форму исследовательница называет префигурацией, которую понимает следующим образом: дети сегодня стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять, во всяком случае так, как мы пытаемся это делать

сегодня, осуществляя изменения в одном поколении с помощью конфигурации в рамках устойчивой, контролируемой старшими культуры, несущей в себе много постфигуративных элементов. С точки зрения М.Мид, необходимо применить в современной ситуации модель пионеров-иммигрантов первого поколения в неизвестной и ненаселенной стране. Причем представление о миграции в пространстве необходимо заменить на новый образ – миграции во времени.

За два десятилетия – 1940–1960 г. – произошли события, необратимо изменившие отношение человека к человеку и миру природы. Изобретение компьютера, успешное расщепление атома и изобретение атомной и водородной бомб, открытия в области биохимии живой клетки, исследования поверхности нашей планеты, крайнее ускорение роста населения Земли и осознание неизбежности катастрофы, если этот рост продолжится, кризис городов, разрушение природной среды, объединение всех частей мира реактивной авиацией и телевидением, подготовка к созданию спутников и первые шаги в космосе, лишь недавно осознанные неограниченные возможности энергии и синтетических материалов и преобразование в наиболее развитых странах вековых проблем производства в проблемы распределения и потребления – все это привело к резкому необратимому разрыву между поколениями.

Если еще совсем недавно слова старших: «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым» – звучали убедительно, то сегодня, как считает М. Мид, молодые могут им ответить: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь». В этом смысле все мы – иммигранты. Подобно первому поколению пионеров, нас обучили навыкам, привили нам уважение к ценностям, лишь частично отвечающим новому времени. Но мы, старшие, все еще распоряжаемся механизмами управления и власти. И, как пионеры-иммигранты из колонизирующих стран, мы еще цепляемся за веру, что дети в конце концов будут во многом напоминать нас. Но дети на наших глазах становятся совсем чужими, и подростков, собирающихся на углах улиц, следует бояться, как передовых отрядов вторгшихся армий.

В прошлом, несмотря на долгую историю кофигуративных механизмов передачи культуры и широкое признание возможностей быстрого изменения, существовали громадные различия в том, что знали люди, принадлежавшие к различным классам, регионам и специализированным группам в какой-нибудь стране, равно как и различия в опыте народов, живущих в разных частях мира. Изменения все еще были относительно медленными и неровными. Поэтому всегда были взрослые,

знавшие больше, опыт которых был больше, чем знание и опыт любого молодого человека.

Сегодня же во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И, наоборот, старшее поколение никогда в жизни молодых людей не найдет повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв совершенно нов. Он глобален и всеобщ.

Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно.

Итак, концепция М. Мид предполагает, что **межпоколенная трансмиссия культуры** включает в себя информационный поток не только от родителей к детям, но и обратно: интерпретация молодежью современной ситуации и культурного наследия оказывает влияние на старшее поколение.

Глава 2

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XX вв.

В традиционной культуре Китая государственно-бюрократическая система наиболее отчетливо гармонировала с социально-возрастной. В частности, расстановка моральных приоритетов поколений базировалась на конфуцианских этических постулатах, согласно которым общество организовано и управляется таким образом, что пребывает постоянно в состоянии покоя и гармонии. Гармония эта строилась на социально-возрастной иерархии, вертикально упорядочивая отношения государь – подданный, отец – сын, старший брат – младший брат. Данные отношения нормативно закреплялись в канонических книгах, игравших роль моральных кодексов. Причем несоблюдение отдельных положений этих книг могло быть уголовно наказуемо (13, с. 299–308). Роли поколений в традиционном китайском обществе закреплялись следующим образом: «старшие имели призрение, зрелые люди – применение, юные – воспитание» (17, с.10).

Старшее поколение – это носители и олицетворение традиции, осуществлявшее ее передачу. Центральное звено здесь – фигура Учителя. Люди зрелого возраста, главные агенты традиционного порядка, –

чиновники. Что касается молодежи, то она должна освоить традиционные образцы поведения. Примечательно (хронологически) развитие личности самого Конфуция: «Учитель сказал: в 15 лет я имел цель в учении, в 30 лет установился, в 40 лет не имел сомнений, в 50 познал самого себя, в 60 стал покорным (пришел в соответствие со своей судьбой), в 70 мог следовать велению своего сердца и при этом не преступать закона» (18, с.13).

Конфуцианское образование в середине XIX в. и система государственных экзаменов были единственным каналом воспроизводства интеллектуальной элиты, а также механизмом контроля и ограничения этого воспроизводства, который находился непосредственно в руках государства.

Но в 1905 г. контроль и коррекция были утрачены. Были отменены система государственных экзаменов и система назначений выпускников вузов. Это привело к ничем не сдерживаемому росту интеллигенции, который превысил возможности государственной машины по их адаптации. Поэтому усилия «невостребованных» умов были направлены на политическую деятельность. Молодежь **перестала быть возрастной группой**, а становилась активной социально-политической силой. Это прежде всего относилось к студенческой молодежи.

Возрастной аспект политических процессов того времени нашел отражение в названиях новых изданий и организаций. В 1915 г. появляется журнал «Циннянь» («Молодежь»), в 1916 г. — «Синь Циннянь» («Новая молодежь»), в июне 1918 г. было организовано студенческое общество «Молодой Китай». В печати начинается бескомпромиссная война против конфуцианства и культа предков, т.е. по сути дела идеологии, закреплявшей доминирующее положение старших в обществе. Молодежь, отрицая прежние идеологические приоритеты, провозглашала новые, главным из которых был культ «науки». В частности, утверждалось, что культ предков «антинаучен». По словам Лу Синя, «следовать идеалу древних мудрецов» означает «вести жизнь по образу тюрьмы» (20, с.9). В это время молодежь выступает инициатором создания «новых поселений», жизнь в которых строилась на иных принципах социально-экономических и идеологических отношений.

Эти годы характеризуются отрицанием молодыми интеллектуалами своей национальной культуры. Иными словами, социальный по своей сути конфликт выступал в форме культурного конфликта. Идеологи движения «новой культуры» призывали молодежь отправиться в деревню, в «народ». «Теперь, когда вся страна погружена во мрак, кто, кроме

нас, небольшой группы молодежи, способен просветить крестьянство и поднять его на борьбу» (16).

В традиционном китайском обществе существовала длительная процедура ожидания и назначения на должность, к примеру, наибольшее число назначений среди сдавших экзамены приходилось на тех, кому было 25–44 года (44, с.33). Движение «Новая культура» поставило под удар все основные конфуцианские принципы. Подвергся критике и принцип сыновней почтительности *Сяо*, а сам Конфуций был объявлен «высохшим трупом тысячелетней древности».

Начало века характеризуется всплеском активности студенческой молодежи. Молодые выпускники – бывшие студенты – были непременными участниками многочисленных общественных организаций. Для китайских публикаций тех лет характерен следующий образ молодежи: «Молодость знает лишь стремительный порыв вперед, мощный полет, она опирается только на дух свободы, на неожиданные идеи, чуткую интуицию, жизненную активность в стремлении создать нужные обстоятельства Среды и подчинить себе ход истории» (15, с. 58-63). Тезис об особой роли молодежи был впервые выдвинут Лян Ци-чао в статье «Учение о младокитайской партии», опубликованной в 1900 г. в «Цин бао». Здесь впервые молодежь была охарактеризована в качестве ведущей силы «переходного периода» (3, с. 50).

Данная публикация открыла серию обращений общественных деятелей к молодежи Китая, поскольку «культура старшего поколения – это культура компромиссов со Средой, с эпохой, поскольку ни в коем случае нельзя позволить старшему поколению отравить своей застывшей гнилой кровью и похитить его (Китай) юную жизнь» (15, с. 58–63). Ли Да-чжао писал: «Я надеюсь, что молодежь нового Китая возможно скорее подставит свои плечи, чтобы взвалить на них тяжкое бремя нашего государства и нации, а старики до последнего дыхания не остановятся в своем совершенствовании. Тогда молодежь будет достойна своей юности, а старшие – своей старости» (14, с.3–4). (Интересно, что нападки на старшее поколение были характерны и для культурной революции в 1966–1976 гг.)

После революции гоминдановское правительство возвращается к конфуцианским ценностям: гуманность, милосердие, верность, сыновняя почтительность. Эти ценности легли в основу «трех народных принципов Сун Ят-сена» (38, с. 238–239). Конфликт поколений в Китае этого времени выражался в отказе молодых студентов от своей фамилии (имени). По свидетельству одного из китайских авторов, он был знаком

с молодым человеком, отказавшимся от своего имени и принявшим имя Такиво (Он – ты – я). «Позднее, сообщает он, когда я поехал в Пекин, я встретил в Пекинском университете молодую девушку, которая отказалась от своей фамилии, а некоторые писали своим отцам: «С этого дня я не признаю тебя своим отцом. Мы с тобой друзья и равные» (40, с.184).

Практически все положительные герои литературы этого времени активно участвуют в общественной жизни, чаще всего они заняты революционной деятельностью... Революционер оказывается молодым интеллектуалом, получившим образование нового типа за рубежом и обладающим высоким моральными качествами (29, с. 260–285). Причем насилие допускается в качестве некоего морального механизма – поскольку расчищает дорогу обществу с высшей моралью (31, с. 83–84).

Образцом поведения для молодежи служили известные люди, а не освященный старшими тип жизни. В частности, таким примером служил поэт Сюй Чжи-мо (1896–1931), разведшийся с женой, на которой он женился по воле родителей. Этот акт воспринимался молодежью как героический поступок, а его «свободная любовь» с известной в Китае женщиной воспринималась как символ нового времени.

Ли Ши-цзэн в статье «Саньюн гэмин» («Революция трех основ») писал, что краеугольный камень конфуцианства (отношения правитель – чиновник, отец – сын, муж – жена) «создан на лжи защиты императора, господ и других власть имущих». Он призывал объявить войну предкам, так как культ предков «антинаучен», и отменить институт брака. Писатель-харизматик Лу Синь выступал против чрезмерного почитания духовной культуры (19, с.168–169).

Глава 3

СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНОЙ КОНФЛИКТ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАТАКЛИЗМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы, которыми располагает наука, дают основания предполагать, что социально-возрастной конфликт имеет для России особое значение и что именно он лежит в основе тех политических катаклизмов, которые характеризуют все XX столетие. Прежде всего в данный период такой конфликт фиксируется на всех уровнях общества. Обращают на себя данные, свидетельствующие о наличии очень напряженных взаимоотношений между поколениями и в традиционной русской общине. Последняя же, как известно, определяла образ жизни основной массы населения еще в 20-х годах XX столетия.

Похоже, что вопреки устоявшемуся мнению о гармонии отношений между поколениями в традиционной русской общине их отношения характеризовались довольно сильной напряженностью, а иногда переходили в откровенный конфликт. Это особенно отчетливо проявлялось, по наблюдениям русского этнографа *С. Максимова*, во время праздников. В период святок, например, юноши нередко нападали на взрослых, причем их агрессия носила характер жестокости. «Самой излюбленной шалостью деревенской молодежи следует признать заваливание ворот и дверей изб всяким деревенским хламом, дровами, бревнами, сохами, боронами и проч. Взявшись за это дело целой гурьбой, озорники так завалят выходы из изб, что утром все хозяева очутятся в плену... Иногда для большей потехи парни взбираются на крыши заваленных изб и выливают в трубу ведро воды, после чего хозяева, как очумелые, носятся по избе и даже вызывают о помощи к соседям». О нешуточности подобных проделок свидетельствует то, например, что во время нападения на старших молодежь нередко считала должным вымазать их лица фекалиями (21, с.307–309).

В традиционной русской культуре сформировались механизмы, призванные **канализовать агрессию молодежи**, отвести ее за пределы социума. Иностранец, побывавший в русском государстве в XV в., описывает молодежные драки, организаторами которых были старшие. При этом обращает на себя внимание высокая степень использования насилия во время этих драк: «Юноши, наравне с подростками, сходятся обычно по праздничным дням в городе на обширном и известном всем месте, так что большинство может их там видеть и слышать; они созидаются вместе неким свистом, который является как бы условным знаком. Созванные, они тотчас же сбегаются вместе и вступают в рукопашный бой: начинают они борьбу кулаками, а вскоре без разбору и с великой яростью бьют ногами по лицу, шее, груди, животу, детородным частям и вообще каким только можно способом одни поражают других, состязаясь взаимно в победе, так что часто уносят их оттуда бездыханными. Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро выносит удары, получает особую похвалу в сравнении с прочими и считается главным победителем» (30, с.72–73). *С. Максимов* уже в XIX в. также описывает спортивные состязания между молодыми людьми из соседних деревень. Азарт, с которым проходили соревнования, он объясняет ожидавшим победителей угощением водкой, которую «на париставляли местные богатеи» (21, с.365–366). Институт деревенских драк, в которых принимала участие

неженатая молодежь, фиксируется в нашей культуре вплоть до настоящего времени (39).

Есть интересные сведения о доминировании молодежи в русской традиционной культуре, в частности при решении важных «мирских» дел. Например, в середине XIX в. молодые крестьяне более решительно боролись за общекрестьянские интересы. По мнению *М.А. Рахматуллина*, в предреформенный период «старые крестьяне могли бы дожить век крепостными, но для молодых это совершенно невозможно, и нетерпение их возрастало». Исследователь ссылается, в частности на фрагмент материалов военного суда Рузского уезда Московской губернии, в которых имеются следующие любопытнейшие данные: «Старшие по возрасту крестьяне, которые хотя видят глупость молодых крестьян, но не отступят от мира и боятся их уговаривать к повиновению, чтобы не пострадать от них» (28, с.101–102).

Вес, который имела молодежь в традиционной общине, объясняется, по-видимому, военизированным характером русского государства, в котором верховная власть всегда опиралась прежде всего на армию, состоявшую из молодежи. Иными словами, власть издавна старалась вырвать молодежь из-под влияния традиционного сектора, привлечь на свою сторону и с помощью этой военной молодежи воздействовать на народные массы (население). Во всяком случае имеющиеся данные свидетельствуют о том, что молодежь, призванная на военную службу, игнорировала традиционные нормы поведения, предписывающие подчинение старшим: «Заметное влияние на изменение обыденного сознания и социальное поведение крестьян во второй половине 50-х годов XIX в. оказывали освобожденные от службы ополченцы... Ратник, разговаривая с вотчинным начальством или даже помещиком, шапки не снимает, говоря, что не приказано ее снимать. Прочие крестьяне смотрят на это, как на чудо, выходящее из обыкновенного круга своей подчиненности» (28, с. 103).

Нарушение естественных механизмов передачи социальной информации от старших к младшим на уровне всего российского общества, при котором последние игнорировали волю первых, отчетливо фиксировалось крупнейшими писателями этого периода. П. Верховенский, герой «Бесов» Ф. Достоевского, так трактует причины общественных беспорядков, имевших место в небольшом провинциальном городке, в котором развивается действие романа: «Не виноваты ли в них ваши старцы, ваши отцы семейств? Они должны были негодяев и шалопаев сдерживать, — потому что тут ведь одни негодяи и шалопаи... Ни в каком обществе одной

полицией не справишься... общество оберегает себя само... чтобы шалунов сдерживать общественной инициативы не хватает». Иными словами, в этом суждении устами своего героя классик констатирует отсутствие в обществе гармонии в отношениях между поколениями, при которой старшие должны доминировать над младшими (9, с.435).

Конфликт между поколениями характеризует отношения во всех слоях российского общества. Не являются исключением и семьи интеллигенции: «При опросе по меньшей мере половина студентов удостоверили отсутствие всякой духовной связи с семьей... в прогрессивных семьях и дети талантливейших наших прогрессивных писателей, сатириков, публицистов, начинали с того, что отвергались от своих отцов» (2, с.187).

Представляется, что причины возрастного конфликта, поразившего все слои российского общества, могут быть объяснены также политикой власти на создание себе опоры в среде образованной (по западным стандартам) молодежи. Начиная с Петра Великого государственная власть стремилась, как известно, активно заимствовать западные культурные стандарты, стремясь преодолеть социально-экономическую отсталость страны. Одновременно молодежь должна была пополнять ряды государственной бюрократической машины, посредством которой в российское общество внедрялись западные культурные инновации. Получение западного образования формировало у молодежи социальные ожидания и мотивации, характерные для западной культуры. Такие ожидания, со своей стороны, вступали в противоречия с объективной реальностью, которая не отвечала ожиданиям молодежи, в результате это приводило к разочарованию в окружавших ее социально-культурных реалиях, воспитывало высокомерное отношение к собственной культуре.

Известный русский публицист *В. Печерин* хорошо описывает переживания молодого человека, получившего образование и не видящего никаких перспектив для реализации своей личности: «В Англии, в Америке — молодой человек 18-ти лет, преждевременно возмужавший под закалом свободы, уже занимает значительное место среди сограждан... Все пути ему открыты: наука, искусство, промышленность, торговля, земледелие, и, наконец, политическая жизнь с ее славными борьбами и высокими наградами, — выбирай, что хочешь! Нет преграды... Он начинает дровосеком в своей деревушке и кончает президентом в Вашингтоне! А я в 18 лет едва-едва прозябал как былинка, — кое-как пробивался из тьмы на божий свет: но и тут, едва я подымал голову, меня ошеломили русскою дубиною» (26, с.161–162).

Особенно заметно увеличивается численность интеллигенции со второй половины 50-х годов XIX в., а реформы 60-х открывают доступ к образованию всем слоям населения, и начинается массовый наплыв молодежи в вузы. В обществе появляется много образованной молодежи, которая при общей отсталости социально-экономического развития инфраструктуры не могла найти себе сфер применения. Одним словом, государство, с одной стороны, само наращивало численность интеллигенции, с другой же – не могло обеспечить использование ее потенциала обществом. Ученый *Р. Фадеев* писал о России 70-х годов XIX в.: «Если бы у нас каждый образовывался за свой счет, как в Англии, то нечего было бы и говорить о пособии. Но это пособие существует в России в виде многочисленных стипендий, распределяемых в настоящее время совершенно произвольно, преимущественно самым бедным молодым людям низших сословий, которые бы без приманки такого оранжерейного выращивания искали бы других хлебных занятий и не выбивались бы непомерными усилиями в господа, чтобы потом за немногим исключением голодать всю жизнь, вопить против первенства общественных условий и сочувствовать всею душою парижским бунтам. Выпускаемые в общество, чуждое им, в котором у них нет ни связей, ни точки опоры, эти искусственно высаженные культурные подростки начинают свою жизнь годами бедствия, наполняющими их желчью навсегда, даже в случае позднейшего успеха... Мы построили множество заведений для классической науки и толкаем всю Россию в университеты, которая не скопится в какую-нибудь промышленную буржуазию: она почти поголовно идет в чиновники» (35, с. 63, 120).

Увеличение численности интеллигенции происходило не только за счет русских, но и других народов, входивших в состав государства. Роль национальных окраин в этом процессе отмечал Л. Троцкий на примере Грузии: «Молодое поколение дворян стучалось в двери университетов, и, порывая с тощей сословной традицией, которую не очень брали всерьез в центральной России, примыкало к радикальным группировкам русского студенчества. За дворянскими семьями тянулись более зажиточные крестьяне и мещане, сгоравшие честолюбием сделать из своего сына либо чиновника, либо офицера, либо адвоката, либо священника» (34, с.20).

Действительно, едва ли не единственным местом трудоустройства была государственная служба (которая, однако, обладала весьма ограниченными возможностями по адаптации многочисленных претендентов): во-первых, для России было характерно общее слабое развитие

инфраструктур общества, а во-вторых, государственная служба традиционно наделялась высочайшим престижем. Мы и сегодня можем наблюдать, как наши известные политики (которые, прежде чем стать государственными чиновниками, трудились – порой успешно – в различных областях народного хозяйства) после отставки не спешат возвращаться к своим обычным обязанностям, а уходят, как правило, в сферу публичной политики, не переставая мечтать о возвращении на государственную службу.

Место и роль государственной службы в жизни российского образованного человека отчетливо выражались в расхожем выражении, бытовавшем в XIX в.: «В России не служить – значит не родиться, перестать служить – значит умереть». Именно невозможность найти себе применение после получения образования толкала интеллигенцию на революционный путь. Причем в послереформенный период интеллигенция представляла собой уже достаточно мощную социальную силу. По словам философа *П.Б. Струве*, в это время интеллигенция «явственно отделяется от образованного класса как нечто духовно особенное» (33, с.142). В России «с первого пробуждения сознательной мысли интеллект становится рабом политики» (7, с.96).

Одним словом, в нашей городской культуре постоянно имело место «перепроизводство» интеллигенции. Поэтому возрастные особенности юношеского возраста ложились здесь на благодатную почву, и **возрастной конфликт** (как психобиологическое явление) **трансформировался в социально-возрастной**, ориентированный против «социальных отцов», т.е. против власти.

Эту особенность процесса взросления в нашей культуре подметил *П.Б. Струве*: «Бурш (немецкий студент. – *В.Б.*) пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевертывая вывески и разбивая фонари, он и сознает, что буянит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же в кабаках и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют “Дубинушку” и “Укажи мне такую обитель”» (33, с.195).

В результате наша городская культура попала под мощное влияние революционной интеллигенции, деятельность которой мотивировалась как социальными, так и возрастными причинами. Это дает основания говорить о доминировании именно молодежных ценностей в городской культуре данного времени. «Соответственно юному возрасту нашего народа, просто юность шире раскинулась у нас, она более широкой полосой проходит в жизни каждого русского, большее число лет себе под-

чиняет и вообще ярче, деятельнее, значительнее, чем где-либо... Для русского интеллигента высшая похвала “старый (вечный) студент”» (33, с.192, 197).

Агрессия со стороны «тысяч молодых полуобразованных людей, стучащих в двери культурного общества» и «издававших главные вопли о демократическом равенстве и всесословности» (36, с. 63), адресованные социальным верхам, получила в эти годы и свое идеологическое выражение в работах П. Лаврова, который вменил борьбу политическую и социальную в обязательный мотив творческого процесса. Именно из подобного рода молодых людей сформировался в России класс профессиональных революционеров, не щадивших ни своих жизней, ни чужих для достижения социальных идеалов. Как отметил П.Б. Струве, «среди христианских мучеников не мало людей зрелого и пожилого возраста, тогда как среди современных активных русских революционеров, кончающих жизнь на эшафоте, люди, перешагнувшие за тридцать пять – сорок лет, встречаются очень редко» (33, с. 204).

В городских слоях российского общества социально-возрастной по своей сути конфликт приобретал форму **культурного конфликта**. Впитывая с образованием западные культурные ценности, молодежь начала свысока смотреть на ту культуру, носителями которой являлось старшее поколение. Из воспоминаний В.С. Печерина следует, что после изучения Кесемана, которое его «совершенно преобразило», и, испытав «упоение философского мышления» от сочинений Канта, он по-иному посмотрел на культуру собственного общества: «Когда я увидел эту грубо-животную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без бога, живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные, этих людей, на челе которых напрасно было искать отпечатка их создателя, когда я увидел все это, я погиб! Я увидел себя обреченным на то, чтобы провести с этими людьми всю мою жизнь... я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему, меня окружающему» (26, с.155,173).

О существовании острого межпоколенного конфликта в российском обществе, переживаемого молодежью прежде всего как конфликт культурный, писал И.П. Кропоткин, он и его современники «страдали от того, что их отцы, почитатели Вольтера и Дидро, спокойно приказывали пороть на конюшнях крепостных...дворянская молодежь шла в революцию от невозможности, как в идейном, так и бытовом отношении, жить одновременно в двух столетиях» (цит. по: 32, с.293).

Еще более острым был конфликт между носителями западной культуры (сыновьями) и представителями народной культуры (отцами). Его хорошо проиллюстрировал публицист конца XIX – начала XX в В. Дорошевич. Емко очертив социальный портрет русского интеллигента этого времени как «сына сапожника, закончившего университет», он со всей наглядностью описал характер такого конфликта в семье. Например, попытка сына перестроить по европейскому образцу этику взаимоотношений, сложившуюся между отцом-сапожником и заказчиком-купцом, привела к тому, что отец потерял работу (т.е. заказчика), а значит, и гарантированный заработок. Автор тонко раскрывает то амбивалентное отношение, которое испытывало старшее поколение подобных семей к своим образованным сыновьям. Когда сын, приехавший погостить к отцу, хочет помочь ему наколоть дров, отец улыбается с неудовольствием: «Пусти уж! Ученое ли это дело». Но в то же время «начала в семью прокрадываться ненависть какая-то». Отец велит «сыночка к обеду звать, непременно скажет: “Зовите образованного-то”». Подобные чувства испытывает и сын по отношению к отцу: «Не годится так! Верно это! Свои они мне! Должен я их жизнью жить! Их жизнью волноваться». Но тут же прорывается его отношение к «культуре отцов»: «Да неужели, неужели самые близкие мне люди: отец, который радуется, что его псом зовут, значит, заказами не забывают, мать, которая ревет, потому что в “гармонии” погибель мира видит... Неужели они, они могут быть мне близкими?!... Да и вообще убирайтесь вы от меня к черту! Ничего у меня общего с вами нету. Никто вы мне. Вот что! Не вы мне близкие, не вы, а чужие. Там я всех понимаю. А вы? Презираю вас, презираю!» (8).

Отечественные мыслители этого времени отчетливо фиксировали, что главный конфликт российского общества – это конфликт между поколениями. Как писал Р. Фадеев, характеризуя революционную активность интеллигенции, «нынешние русские нигилисты составляют не какую-нибудь группу людей, связанную общими убеждениями, а только известный возраст. Как Афины под управлением геронтократии, Россия поделилась на партию людей брадатых и партию безбородых» (36, с.18).

По сути дела тот же конфликт усматривает и Л. Троцкий, характеризуя рабочее движение в России: «Молодость революционного поколения совпадала с молодостью революционного рабочего движения. Это было время людей от 18 до 30 лет. Революционеры свыше этого возраста насчитывались единицами и считались стариками» (34, с.86).

Возрастной конфликт касался всех слоев общества. Молодежная субкультура становилась одним из важных факторов социального престижа, заставляя старшее поколение заимствовать ее символику. А. Герцен замечал в этой связи: «В современной Европе нет юности и юношей. Юность и юноши были в России... у которых волосы седеют, а стремления вечно юны» (цит. по: 1, с.111).

Особенно ярко в этом смысле характеризовал российское общество русский мыслитель *С.И. Булгаков*: «...наша молодежь выражает с максимальной простотой тип героического максимализма. Если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то среди нашей интеллигенции такую роль естественно заняла молодежь. Духовная педократия есть величайшее зло нашего общества, а вместе с тем симптоматическое проявление интеллигентского героизма, его основных черт, но в подчеркнутом и утрированном виде. Это уродливое соотношение, при котором оценки и мнения “учащейся молодежи” оказываются руководящими для старейших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для старших, и для младших. Исторически эта духовная гегемония стоит в связи с той действительно передовой ролью, которую играла учащаяся молодежь своими порывами в русской истории, психологически же это объясняется духовными силами интеллигенции, оставшейся на всю жизнь – в наиболее живучих и ярких своих представлениях – той же учащейся молодежью в своем воображении... Едва ли в достаточной мере обратил на себя внимание и оценен факт весьма низкого возрастного состава групп с наиболее максималистскими действиями и программами... “Студент” стало нарицательным именем интеллигентов в дни революции... Кто радеет о будущем, тот больше всего озабочен молодым поколением. Но находиться от него в духовной зависимости, заискивать перед ним, прислушиваться к его мнению, брать его за критерий – это свидетельствует о духовной слабости общества... идеал христианского святого подвижника здесь сменился образом революционного студента» (4, с.51–52).

Молодежная политическая культура ориентирована прежде всего на **харизматического лидера**, отрицающего прежние идеологические установки, весь строй старой жизни и проповедующего насилие в качестве главного метода для осуществления перемен. Другой выдающийся философ *Н. Бердяев* следующим образом характеризовал социально-психологические установки молодежи этого периода: «Массы молодежи требуют во чтобы то ни стало быстрой организации общества, единства,

хотя бы принудительно... Вкус современной молодежи к насилию есть выражение духовной слабости» (2, с.283).

Стремление харизматических лидеров возглавить молодежь в борьбе против старшего поколения хорошо видно на примере двух русских царей-харизматиков – Ивана Грозного и Петра Великого (о них мы подробно говорили в разделе 3, гл. 6).

Отчетливо прослеживается мотив харизматического лидера и молодежи в литературных произведениях XIX в. Причем на роль харизматических лидеров теперь претендуют представители творческой интеллигенции – писатели и публицисты, значимость которых в русской политической культуре всегда была чрезвычайно большой.

В своих революционных воззваниях такие писатели и публицисты обращались именно к молодежи. Анализируя деятельность «нигилистического» журнала, издававшегося в Цюрихе, Р. Фадеев отмечал: «Не нужно говорить, что цюрихские обновители обращают свою речь почти исключительно к молодежи: это слово – молодежь – повторяется на их страницах несколько сот раз: они верят только ей одной», и далее: «Надо полагать, что достигнув величия, они последуют примеру упомянутого нами нигилистского журнала и станут увольнять в отставку из государственных должностей всех, кому стукнуло 21, возраст консерватизма» (36, с.33).

Ф. Достоевский, характеризуя своего героя в «Бесах», пишет: «Великий писатель (Карамзин, – В.Б.) болезненно трепетал перед новейшею революционною молодежью и, воображая по незнанию дела, что в руках ее ключи русской будущности, унижительно к ним подлизывался» (9, с.187). Одна из героинь этого романа говорит о том же Карамзине: «Карамзин уверял меня, что имеет связи почти везде и чрезвычайное влияние на молодежь. А я, если через него привлеку их всех и сгруппирую около себя, то отвлеку их от гибели, указав новую дорогу их честолюбию» (9, с.272). Ф. Достоевский в этом эпизоде отразил, вероятно, озабоченность старшего поколения возросшей агрессией молодежи и стремление старших найти иной канал отвода этой агрессии, «указав новую дорогу их честолюбию».

Герой другого произведения той же эпохи рассматривает общественно-политические процессы в России в рамках такой же схемы (в которой писатель, публицист или литературный критик выступают в роли лидера молодежи): «Не вина Гоголя в том, что к тридцатым годам, после бурного возбуждения молодежи возвышенными идеями наступала реакция, столь обычная в русской жизни...» (6, с.379). «Общество дало

вовлечь себя всеми этими скороспелыми учениями Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Эти титаны потянули за собой этих маленьких пигмеев (подростков. – В.Б.)...и сами не справились и этих изуродовали» (6, с.42).

На молодежь опирался и В.И. Ленин. Л. Троцкий отмечал в своих воспоминаниях: «У Ленина только мальчишки – презрительно говорили ликвидаторы. Но Ленин видел в этом преимущество своей партии: революция, как и война, неизбежно ложится главной своей тяжестью на спину молодежи. Бездна та социалистическая партия, которая неспособна вести за собой мальчишек» (34, с.225). По-видимому, возраст-ной эгалитаризм, который свойственен прежде всего молодежи, сделал возможным использование интернациональной идеи в революционной борьбе российской интеллигенции.

Особенно отчетливо тандем **харизматический лидер – молодежь** проявлялся во времена И.В. Сталина. Анализ политического поведения вождя свидетельствует о том, что он, как никто другой, осознавал или чувствовал необходимость такой связи. Он всегда стремился встать во главе молодежи, искал авторитета у нее, каждый раз жертвуя для этого старшим поколением. В мемуарах Л. Троцкого читаем: «То исключительное внимание, которое Ленин проявлял к здоровью и жизненным условиям каждого старого большевика, диктовалось не только чувствами товарищества по отношению к старшим товарищам, но и чисто политической заботой по сохранению важнейшего политического капитала. Он многое предвидел. Но ему не могло прийти в голову, что этот капитал будет планомерно разрушен Сталиным, одним из его соратников» (35, с.198). Сталин боролся против представителей своего поколения, в частности, таких, как Рыков, Зиновьев, Каменев, Троцкий. Он относился к ним, «пожалуй, с большей враждою, с большей неприязнью, чем к открытым врагам. Ему нужны были люди без прошлого, молодежь, которая не знала вчерашнего дня, или перебежчики из другого лагеря, которые с первых дней смотрели на него снизу вверх, ему необходимо было полное обновление всего партийного и советского аппарата» (35, с.214).

Поведение Сталина полностью соответствовало поведению лидера, стремившегося любой ценой заполучить авторитет у молодежи. Такой лидер всегда нарушал нормы, освященные старшим поколением, к которому, кстати, принадлежал сам. Таким образом он как бы дистанцировался от своего поколения, отождествляя себя с молодежью. «В конце 1925 г. Сталин говорил уже о вождях в третьем лице и восстанавливал

против них партию. Он вызывал аплодисменты среднего слоя бюрократии (т.е. следующего социально-возрастного поколения в структуре правящего класса), отказывая вождям в поклонах» (35, с.153).

Политику Сталина опираться прежде всего на молодежь подметил и известный американский советолог *О. Козин*: «Сталин говорил молодым коммунистам: решение вопроса о трудоустройстве молодежи будет зависеть от того, положит ли Бухарин конец своей порочной политике. Сталин искал поддержки у молодых коммунистов, утверждая, что политика Бухарина и Томского в области промышленности и профсоюзов лишает молодежь возможности трудоустройства» (12, с.16).

В то же время сталинский режим пристально следил за настроениями именно среди молодежи, решительно подавляя появлявшиеся оппозиционные настроения: «Ему (Сталину. — *В.Б.*) было хорошо известно, что в царское время революционные партии вербовали в свои подпольные организации главным образом молодежь... Сталин опасался молодежи, в некотором смысле боялся больше, чем старых членов партии. Этих он почти всех знал лично... Напротив, в подрастающей молодежи нелегко было разобраться, рассортировать ее и исключить революционизирующие элементы. Поэтому Сталин вновь и вновь требовал от ОГПУ расширения сети осведомителей среди молодежи, особенно на промышленных предприятиях и в ВУЗах» (35, с.20).

Харизматические лидеры и нашего времени, стремясь к захвату власти, также ищут опору прежде всего в среде молодежи. В. Жириновский, выступая на митинге в Москве 19 марта 1994 г., утверждал, что коммунисты и демократы не имеют политического будущего, так как их не поддерживает молодежь. Его политическое поведение, включающее нарушения всевозможных табу, ориентировано на завоевание авторитета в первую очередь у этой части общества.

Похоже, что революцию в России вполне можно рассматривать как разрешение того социально-возрастного конфликта, который был характерен для российского общества XIX–XX вв. В результате молодежь, руководимая харизматической властью, заняла в обществе командное положение. Молодежная субкультура определяла политическую практику в стране. *Н. Зараев*, изучая архивные материалы, касающиеся периода коллективизации в Смоленской области, так определил главного героя революционных преобразований в деревне: «Перед нами здоровый деревенский парень, отставший от сельской работы, развращенный водкой, властью, бездельем, безнаказанностью. В районе у него слава хулигана и пьяницы. Презрение к крестьянскому труду, желание избе-

жать его – первая типовая черта этого слоя. Вторая – относительная молодость... большинству усмынских коммунистов меньше тридцати лет». Далее он пишет: «Альтернатива выглядела так. С одной стороны – авторитет семьи, общины, в немалой степени и церкви, освященные реалии крестьянского существования с его однообразной изнурительной работой, ритуалами праздников и будней. С другой – легкая, сытая, разгульная жизнь с собраниями, митингами, разрыв с прошлым и власть над односельчанами, утверждаемая должностью, стоящим за твоей спиной районным начальством и даже револьвером...Как они играли с оружием, эти здоровенные деревенские парни, пугали девчонок, угрожали соседям, спяну палили в белый свет – документы архива полны подобными историями» (10, с.5–6).

Видно, что напряженность, которая фиксировалась между поколениями еще в традиционной русской деревне и которая, как мы помним, приобретала порой формы самых острых конфликтов, здесь получила свое логическое развитие. Поддержанная и адаптированная к новым условиям официальной властью, молодежь активно выступала против традиционных ценностей, т.е. ценностей своих «отцов».

Эта же молодежная политическая культура, зиждившаяся на агрессии, отрицании авторитетов, возобладали и в обществе в целом. По мнению *А. Мещерякова*, «в двадцатые годы противоречия между старшим и младшим поколениями приняли форму безудержного культа молодости и официального воспитания ненависти к старости». В частности, *А. Мещерякова* ссылается на известного этнографа *В.Г. Тан-Богораз*, который утверждал, что «Россия не для старых. Старым уже нечего учиться, Россия – для молодых» (22, с.66).

После революции начинается усиленное формирование новых слоев образованной молодежи (преимущественно из выходцев низших сословий), призванной верно служить режиму. В результате политики Советской власти среди людей с дипломами не было открытой безработицы, но работали такие люди зачастую на неквалифицированных, малопrestижных и низкооплачиваемых работах. Особенно их число возросло к 70-м годам, когда интеллигент-дворник, а еще чаще кочегар стали обычным явлением в жизни крупных советских городов. Именно эти люди были теми дрожжами, на которых выросло диссидентское движение. По сути дела, подобно тому, как это было в 70-е годы прошлого столетия, имели место «перепроизводство» интеллигенции, а также неспособность государства обеспечить социальные ожидания людей с высшим образованием.

Отметим также, что возрастной принцип во многом определял всю структуру советского общества. Принцип биологического (хронологического) возраста стратифицировал все население страны вплоть до 30-летнего возраста. Мы уже упоминали, что через октябрятскую, пионерскую и комсомольскую организации проходили практически все члены общества. Вступление и выход из них определялись биологическим (хронологическим) возрастом.

Основные социально-политические институты также структурировались по принципу прежде всего социального возраста. Сталин, например, считал, что партия состоит из генералитета, т.е. руководителей высшего звена, офицерства, т.е. среднего звена, и унтер-офицерства, младшего звена (34, с.67). Итак, после прохождения первичной социализации (комсомол включительно) дальнейший социально-политический рост индивида жестко определялся его членством в КПСС, а также его связями в правящих партийно-бюрократических структурах.

Подобная система, основанная на возрасте как определяющем ее принципе, **имела механизмы, которые снимали внутренние конфликты и были призваны обеспечить ее устойчивость.** К этим механизмам относятся: идейно-психологическое принуждение, которое начиналось с раннего детства и воспитывало почтение к власти, в частности посредством использования родственно-возрастной терминологии («дедушка Ленин», «отеческая забота партии и правительства» и т.п.). Большая роль отводилась ритуалам и символике, сопровождавшим переход из одной страты в другую. Литература и искусство также преследовали цель воспитывать у подрастающего поколения преданность существовавшему порядку вещей.

Советская система располагала также каналами отвода молодежной агрессии, которая всегда таит в себе угрозу социально-политической структуре, основанной на возрастном принципе. Одним из таких каналов был символ внешнего врага, который формировался средствами идейно-политической пропаганды. Он легитимировал внедрение в общество порядка военно-бюрократического типа, основанного на жестком подчинении низов правящим верхам. Кроме того, молодежь получала возможность отличиться в различных «школах мужества», начиная от «ударныхстроек» и кончая войной в Афганистане.

Важным каналом отвода агрессии в советском обществе был спорт. Заметим, что развитие массового спорта особенно характерно для стран с тоталитарными режимами. О том, что «политическая энергия» может

сниматься за счет физических упражнений, говорят примеры анализа своего жизненного пути самими политиками. Например, А. Бразаускас на вопрос корреспондента о том, был ли он политически активен в юношеские годы, ответил: «Пожалуй, нет, тогда я спортом активно занимался. Сначала легкой атлетикой, затем парусным спортом» (27, с.4). Физические упражнения входили в процесс политической социализации молодежи в качестве комплекса ГТО («Готов к труду и обороне»). Большую роль здесь играли военно-политические игры типа «Зарница» и т.п.

Международный спорт также служил подобным каналом. И здесь успехи послевоенных государств с тоталитарными режимами очевидны (СССР, ГДР, Китай, Куба и т.д.), несмотря на скромные, казалось бы, материальные ресурсы этих стран. Именно здесь спорт обретает ярко выраженное политическое содержание.

В верхних эшелонах социально-политической иерархии конфликт поколений достаточно эффективно регулировался за счет механизма политических репрессий, когда старшее поколение (коммунистов) попросту уничтожалось, а их место занимала «молодежь», т.е. выходцы из среднего звена (по терминологии Сталина – «офицерства»). Л. Троцкий писал в этой связи: «В первый период Советской власти старая революционная партия очищалась от карьеристов; сообразно с этим комитеты создавались из старых революционных рабочих... Чистки последних лет, наоборот, направлены полностью и целиком против старой революционной партии. Жертвами чистки являются наиболее верные и преданные революционным традициям элементы и прежде всего старшие революционные поколения... Даже эти банды золотой молодежи включены ныне в партию или комсомол» (35, с.214–215). Л. Троцкий проводит интересную аналогию с Великой Французской революцией, которая также иллюстрирует стремление революционной харизматической власти искать опору именно в молодежи: «Термидорианцы, т.е. перебежчики-якобинцы, стремились к тому же методу... Они начали организовывать хорошо одетых сынков буржуазии. Эта золотая молодежь или просто молодые люди, как благосклонно их называла консервативная пресса, стали важным фактором в национальной политике. По мере того, как якобинцы изгонялись со всех административных постов, молодые люди занимали их места» (35, с. 216).

Социально-возрастной конфликт снимался также за счет ограничений приема в правящую партию в первую очередь представителей интеллигенции, которая, между тем, традиционно (для нашей культуры)

стремилась пополнить прежде всего ряды государственных структур. В результате сокращался приток в партию молодежи, имевшей основания легально бороться со старшим поколением за власть внутри правящего класса. Неудивительно поэтому, что начальные этапы перестройки сопровождались требованием интеллигенции упразднить квоты на прием ее представителей в КПСС. Когда же эти квоты были отменены, в КПСС хлынули многие представители «служилой» интеллигенции, которые впоследствии стали известными политическими деятелями.

Именно внутри партии эффективная регуляция социально-возрастного конфликта в «застойные годы» была нарушена. Это прежде всего касалось взаимоотношений между старшим и средним звеном («генералитетом» и «офицерством»). К 80-м годам, по наблюдениям автора (к сожалению, научные исследования в этой области автору неизвестны), высшие командные посты в обществе занимали старые люди, в то время как мужчины в возрасте примерно 40 лет продолжали ходить «в мальчиках».

Советские элиты во всех сферах деятельности («номенклатура») практически не обновлялись. Приведем, к примеру, текст анонимного письма, подписанного «бюрократ областного масштаба, 40 лет», опубликованного в журнале «Огонек» в 1990 г. Этот «бюрократ» объясняет развал такой, казалось, мощной организации, как КПСС, имевшимися в ней социально-возрастными противоречиями: «Почему бюрократы санкционировали перестройку? Когда перестройка началась, мне было 36 лет. И я был, заметьте, по нашему счету вторым. Надо мной, как водится, был первый. И было моему первому шестьдесят. Учитывая тот неоспоримый факт, что медицинское обслуживание на уровне первых – отличное, а условия... хоть куда, можно было почти безошибочно предположить, что сидеть моему первому на своем месте еще лет пятнадцать. И, заметьте, ровно столько же сидел бы и я, второй, на своем втором месте. А по всей стране аналогичная картина, ибо основная масса первых стала таковой после последнего катаклизма 1964 г. За это время первые получили все, что могли, и отдавать это в наши вторые руки отнюдь не собирались. А тут – перестройка! Для кого – оздоровление экономики, для кого правовое государство, для кого гласность и плюрализм. А для нас – возможность безопасно безболезненно переделить пирог власти не в индивидуальном порядке, но в масштабе всей страны, т.е. на законных основаниях, т.е. в свете решений» (24, с.6).

Заметим, что подобного рода конфликт был характерен для большинства сфер общественной деятельности. Например, главным «пере-

строечным» героем в армии был офицер в звании полковника, который при отсутствии мощных связей в военно-бюрократической элите СССР не имел практически никаких шансов стать генералом.

Интересно, что именно люди в возрасте 40–45 лет приняли наиболее активное участие в «перестройке», которая впоследствии получила вполне справедливое определение как «революция сорокалетних». Именно это поколение, по всей видимости, наиболее остро в данный период ощущало свою отчужденность от власти. Оно практически было лишено (в тех конкретных условиях) возможности занять командные посты в обществе, поскольку более старшее поколение продолжало находиться на вершине власти. Одним словом, была нарушена **социально-возрастная регуляция в системе**, которая обеспечивала мужчинам именно этого возраста доминирующее положение. В примитивных обществах в качестве подобного механизма выступала традиция, обеспечивавшая периодичность передачи власти от поколения к поколению. В обществах с тоталитарными режимами, где также возрастной принцип определяет характер социально-политической структуры, роль этого механизма выполняет верховная власть. Именно последняя, как правило, принудительно отстраняет от власти старшее поколение, давая, таким образом, молодежи возможность обрести социальную полноценность. Это осуществляется верховной властью при опоре на молодежь, а иногда и ее руками. Иллюстрацией последнего примера может служить Китай эпохи «культурной революции», когда по призыву Мао Цзэ-дуна молодежь расправилась со старшим поколением партийно-бюрократического аппарата.

Литература

1. Бердяев. Н.А. Русская идея // Русская литература. Литературное обозрение. 1990. № 2.
2. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.
3. Борох А.М. Общественная жизнь Китая и социализм. М., 1984.
4. Булгаков С.И. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1991.
5. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969.
6. Гарин-Михайловский Н.Г. Гимназисты. М., 1981.
7. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. М., 1991.
8. Дорошевич В.М. Интеллигенция // Дорошевич В.М. Избранные страницы. М., 1986.
9. Достоевский Ф. Бесы. Л., 1990.
10. Зараев М. Тяжелая ноша // Огонек. 1989. № 26.
11. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.
12. Козн О. Предчувствие сталинизма // Огонек. 1990. № 28.
13. Кычанов Е.И. Ли и право// Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.

14. *Ли Да-чжао*. Молодежь и старики (на кит.яз.) // Синь Циньянь. 1917. № 2.
15. *Ли Да-чжао*. Миссия утреннего колокола // Ли Да-чжао. Избр. произведения. Пекин, 1959.
16. *Ли Да-чжао*. Молодежь и деревья // Чэн бао. 1919. № 2.
17. *Ли цзи* // Древнекитайская философия. Т.2. М., 1973. *Лунь юй и чжусу* // Ян Боцзюнь. Шанхай, 1958. № 4.
18. *Лу Синь*. О летучих мышках // Лу Синь. Собр. соч. В 6 т. Т.2. М., 1955.
19. *Лу Синь*. Письмо из Пекина Юань-жу и Пэй-ляну (1925) // Лу Синь. Собр. соч. В 6 т. Т.4. М., 1955.
20. *Максимов С.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1893.
21. *Меицераков А.* Читая старые огоньки // Знание – сила. 1991. № 8.
22. *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
23. *Нуйкин А.* Внимание! Вторые выходят из тени // Огонек. 1990. № 25.
24. *Панченко А.М. Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XXXVII. Л., 1983.
25. *Печерин В.С.* Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. М. 1989.
26. *Развяжем узлы недоверия.* Интервью с А. Бразаускасом // Огонек. 1989. № 24.
27. *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях 1826–1857 М. 1991.
28. *Речи царств* // Вспомогательные материалы по истории литературы ранней Цинь (на кит. яз.). Пекин, 1962.
29. *Россия глазами иностранцев в XV–XVIII вв.* Л., 1987.
30. *Стародубова Е.Ю.* Анархизм в Китае в 1900–1921 гг М., 1983.
31. *Степун Ф.А.* Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Вехи. М., 1991.
32. *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. М., 1991.
33. *Троцкий Л.* Сталин. В 2 т. Т.1. М., 1990.
34. *Троцкий Л.* Сталин. В 2 т. Т.2. М., 1990.
35. *Фадеев Р.* Русское общество в настоящем и будущем. СПб., 1874.
36. *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1911.
37. *Цюй Цюбо.* Национальная революция в Китае // Цюй Цюбо. Публицистика ранних лет. М., 1925.
38. *Щепанская Т.Б.* Браки и драки // Полевые исследования. Музей антропологии и этнографии РАН. СПб., 1998.
39. *Chan Tse-tung.* The May Fourth Movement Intellectual Revolution in Modern China. L., 1960.
40. *Feuer L.S.* The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. N. Y., 1969.
41. *Lorenz K.* The Enmity Between Generations and its Probable Ethological Causes // The Psychoanalytic Review. 1970. Vol. 57
42. *Mendel G.* La crise de generations. Etude sociopsychanalytique. P 1969.
43. *Watt J.* The District Magistrate in Late Imperial China. N.Y 1972

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ

АНТРОПОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

Программа спецкурса (32 уч. ч.)

Составитель докт. ист. наук проф. В.В. Бочаров

ЦЕЛЬ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ СПЕЦКУРСА

Целью курса является ознакомление студентов с антропологией возраста, одним из разделов антропологического знания, изучающим возраст человека как био- и социокультурный феномен. Подчеркивается междисциплинарный характер исследований в области возраста человека, определяется место антропологии в этом процессе. Вычленяется то общее и отличное, что существует между исследовательскими подходами, используемыми в социологии, психологии и антропологии. Курс ориентирован на формирование у студента теоретической базы для реализации научных интересов в форме полевых исследований, курсовых, дипломных и иных студенческих научных работ.

В лекционном курсе дается определение, раскрываются структура и предметная область курса «Антропология возраста». Уточняются понятия и категории, используемые в науке о человеке, отражающие проявления феномена возраста как на индивидуальном, так и на общественном и культурном уровнях. Эти проявления определяют основные стратегии в изучении возраста, а именно: исследование «жизненного пути» («индивидуальный уровень») и стратификационный подход («общественный уровень»). Данные стратегии имеют свой культурологический аспект, так как индивидуальные и общественные проявления возраста всегда реализуются через конкретные культурные (этнокультурные) формы.

Индивидуальная стратегия в изучении возраста предполагает выделение биологического, хронологического, психического и социального возрастов, отражающих неравномерное развитие различных ипостасей человека как био- и социокультурного явления. Эти различные траектории развития человеческого индивидуума находятся во взаимодействии и взаимообусловлены. Разбираются различные варианты этого взаимодействия, в частности влияние социальных и культурных факторов на биологическое развитие.

Стратегия, связанная с изучением возраста как общественного явления (стратификационный подход), ориентирована на выявление причин возникновения социальных образований, основанных на возрастном принципе, на исследование процесса их функционирования в обществе.

Анализируется процесс интеграции людей по возрастному критерию в связи с другими формами интеграции: по профессиональным, классовым, этническим и другим признакам.

Возраст рассматривается и как категория, детерминированная культурой конкретного социума. Каждая культура имеет свою «возрастную карту», определяющую жизненные ожидания носителя культуры, а также оценку его поведения со стороны социума. В каждой культуре существует своя система символизации возраста, через которую она осмысливает жизненный путь индивида и легитимирует присущую ей социальную стратификацию. Возрастной символизм рассматривается на примере некоторых африканских этносов, традиционной культуры русских. Большое место уделено анализу современного японского общества, в котором социальная стратификация, модели возрастного взаимодействия и соответствующие им идеологические представления до сих пор во многом определяются традиционной культурой.

Раскрывается взаимосвязь между исследовательскими концепциями «жизненного пути» и «стратификационным подходом». Подчеркивается, что несмотря на то, что концепция «жизненного пути» пути возникла в психологии, а «стратификационный» подход – в социологии, оба подхода активно используются антропологией.

Выделяются и анализируются социокультурные области, на изучении которых концентрирует свое внимание современная антропология возраста. Это относится к исследованиям в сфере нормирования человеком своего поведения, брачно-семейных отношений, возрастных аспектов отношений родства, возрастного символизма и ритуалов, а также в сфере властных отношений и конфликта.

В лекционном курсе рассматривается процесс становления социально-возрастного неравенства на начальных стадиях социогенеза, связанного с первоначальным, естественным разделением труда по полу и возрасту. Разбираются типы архаических социальных структур, основанных на возрастном принципе. Последний в той или иной мере определяет структуру современных социально-политических систем. Особенно это относится к обществам с неразвитыми рыночными отношениями.

Социально-возрастная стратификация, типологически тождественная архаическим моделям, во многом воспроизводит себя в неформальных малых группах и особенно в субкультурах. Этот процесс анализируется на примере некоторых современных субкультур.

Анализируются психофизиологические и социально-психологические истоки социально-возрастных конфликтов. Рассматривается диалектика биологических и социальных факторов, определяющих возрастной конфликт, а также причины возрастных конфликтов в традиционных обществах (патрилинейных и матрилинейных) и механизмы их нейтрализации (инициации, табу, обряды избегания, набеги, межобщинные молодежные драки и т.д.). Деградация этих механизмов нередко приводила к «молодежным революциям», которые особенно проявили себя в колониальный период.

Слушатели данного курса знакомятся с наиболее известными философскими, социологическими, культурологическими, антропологическими концепциями межпоколенческого конфликта. Революционные катаклизмы XX столетия трактуются в рамках данного курса под углом зрения обострения и разрешения социально-возрастных конфликтов. Предполагается, что подобный взгляд на революцию справедлив и применительно к западноевропейским обществам периода индустриализации, но в новейшее время он наиболее полно раскрывается на примере модернизирующихся обществ, исторический прогресс которых осуществляется под влиянием западных культур.

Социальной причиной этих конфликтов является, с одной стороны, ограничение доступа молодежи к престижным социальным ролям, занимаемым старшим поколением, с другой – «перепроизводство» образованной молодежи (интеллигенции), активно претендующей именно на эти роли. Подобные противоречия зачастую принимают форму конфликтов различных культур – западной, носителями которой преимущественно является молодежь, и традиционной, приверженцами которой остается старшее

поколение. Под этим углом зрения анализируется революционный процесс в Китае в начале нынешнего века, традиционная культура которого представляет собой пример наиболее тщательной регуляции отношений между старшими и младшими, но которая характеризовалась в рассматриваемый период глубоким обострением социально-возрастного конфликта.

Подробно в том же плане анализируется политическая культура России, «революционность» которой объясняется присутствием в ней перманентного конфликта между поколениями. Этот конфликт фиксируется и в традиционной русской культуре, причины которого кроются в особой значимости для общества военной («служивой») функции, вследствие чего возрастает социальная значимость молодежи, всегда являвшейся опорой военно-бюрократической власти.

Резкое обострение межпоколенного конфликта в России, захватившего и городскую культуру, характерно для середины прошлого века вследствие государственной политики в области развития высшего образования по западному образцу. Результатом этого стало «перепроизводство» интеллигенции, притязавшей на высокий социальный статус, который государственная власть не могла ей обеспечить. Поэтому агрессия интеллигентской молодежи направляется против государства, а этот конфликт приобретает форму культурного конфликта между культурой молодежи, исповедовавшей западные ценности, и культурой старшего поколения, с которой начинает ассоциироваться и государство.

Структура данного социокультурного конфликта полностью воспроизводится в советский период. В частности, под этим углом зрения рассматривается и «перестройка» 80-90-х годов.

ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС

Вводная лекция (2 часа). Рассматривается важность и актуальность постановки проблемы возраста в науке. Во-первых, это обусловлено тем, что процесс взросления, включающий в себя биологическое, психическое и социокультурное развитие человека, во многом определяет закономерности, связанные с организацией индивидом своего поведения. Во-вторых, возраст является важным общественным фактором, организующим социальные роли, формирующим социальные ожидания людей. Возраст является также важным фактором интеграции людей в группы и сообщества, отношения между которыми лежат в основе процесса культурной преемственности. В-третьих, возраст есть культурное явление – в том смысле, что каждая этнокультура имеет свое представление о возрасте, которое она определяет в языке, символах и ритуалах. Каждая культура имеет свое возрастное «расписание», в соответствии с которым ее носитель планирует свой жизненный путь и в соответствии с которым он без труда может охарактеризовать события в своей или чужой жизни как «рано», «поздно» или в «самое время». Изучение всего многообразия этнокультурных «концепций» возраста безусловно обогащает наши представления о формах реализации человеческого бытия.

Лекция 1 (2 часа). Понятийный и категориальный аппарат. На этой лекции рассматриваются понятия и категории, используемые общественными науками при изучении возраста человека. Дается определение понятия «возраст», а также выделяются и характеризуются такие понятия, как «биологический возраст», «хронологический возраст», «социальный возраст» «психический возраст». На уровне индивида процессы биологического, социального и культурного развития человека осуществляются с различной скоростью, что во многом определяет возрастную самоидентификацию индивида, организацию его поведения.

Лекция 2 (2 часа). Возраст как объект междисциплинарного научного изучения. Исследовательские стратегии. Возраст является объектом изучения ряда научных дисциплин и прежде всего психологии и социологии. В настоящее время в рамках этих дисциплин сформировались новые подходы. Это концепция «жизненного пути» в психологии и «стратификационный подход» в социологии. Первый ориентирован на изучение психического развития человека на протяжении всей его жизни, второй – на изучение социальной стратификации, построенной на возрастном принципе, а также на изучение функционирования одновозрастных групп и объединений в обществе, определение условий их возникновения и отношения к группам, слоям, объединениям и т.д., интегрированным по экономическим, социальным, этническим и другим признакам. Здесь же студенты знакомятся с общесоциологической концепцией возрастной стратификации С. Айзенштадта. Дается представление о разработке возрастной проблематики в социологии.

Лекция 3 (2 часа). Исследование возраста в антропологии. Возраст в физической антропологии. Физическая антропология ставит задачу изучения эволюции человека, индивидуальных и популяционных изменений под влиянием биологического, среднего и культурного факторов. Дается определение биологического возраста, принятого в физической антропологии, и описание методов его измерения на разных этапах биологической эволюции человека. Обращается внимание на соотношение биологического и хронологического возрастов. Подчеркивается влияние социального и культурного факторов на биологический возраст индивида.

Лекция 4 (2 часа). Ранние антропологические работы в области изучения возраста. Рассматривается история исследования проблемы возраста в антропологии, неразрывно связанной с изучением традиционных обществ, их институализированных возрастных групп и прежде всего восточноафриканских, а также с многовариантностью понимания возрастного процесса различными этнокультурами. Анализируются взгляды исследователей (Г. Шурца, Л. Фробениуса, Г. Кунова и т.д.) на проблему причин возникновения и функционирования возрастных классов в обществах подобного типа. Раскрывается вклад отечественных исследователей в разработку данной проблематики. Здесь же на примере этносов галла и кикуюю иллюстрируются существенные различия в понимании возраста традиционными культурами и западноевропейскими, которые особенно давали о себе знать во время колониальной практики, когда произошло столкновение этих двух существенно отличающихся культурных представлений.

Лекции 5–6 (4 часа). Возрастные группы народов Восточной Африки. Студенты знакомятся с различными этнокультурными вариантами обществ данного региона, для которых характерны так называемые возрастные классы. Именно здесь возрастная принцип получил наиболее полное воплощение в организации социальных структур, и именно изучение этих структур изначально определило постановку проблемы возраста в антропологии. Наиболее ранние материалы, относящиеся к XVI в., касаются возрастной системы «гада» этноса галла (Эфиопия). В частности, ряд ученых основывается на этой системе при исторической реконструкции наиболее ранних форм социальной организации, которая, по их мнению, всегда базируется на возрастном принципе, представляя собой институты типа «гада».

Система «гада» сохраняется у галла до настоящего времени. Здесь же рассматриваются другие этнокультурные варианты подобных социальных систем и, в частности, этносов ньякьюса и нуэров. Ньякьюса – классический пример полного территориального и производственного отделения молодежи от поселений взрослых членов общества. Возрастная система нуэров является примером линейных систем в оппозиции циклическим возрастным системам. Эти типы характеризуют, по мнению ряда ученых, различные

стадиальные уровни исторической эволюции возрастного принципа в общественной организации.

Лекция 7 (2 часа) Антропология в изучении возрастных форм поведения. Имеющиеся в распоряжении этнографов материалы, касающиеся различных народов мира, дают основание предполагать, что возраст играл главную роль в процессе возникновения первых поведенческих норм на самых ранних стадиях социогенеза. Это были жестко иерархические нормы, где старшие возрастные группы имели преимущества по отношению к младшим. Эти нормы регламентировали прежде всего пищевое и сексуальное поведение. Следы доступа к пище и женщинам в соответствии с возрастом мужчины (прежде всего – социальным возрастом) можно обнаружить в современном обществе. Социальная иерархия между старшими и младшими на ранних стадиях социогенеза оформлялась посредством таких поведенческих норм, как табу. Последние формировали (психологическую) иерархию отношений между властителями и подчиненными, старшими и младшими. Эта функция нормы табу раскрывается в процессе анализа психофизиологического содержания механизма запрета.

Однако возрастные нормы поведения складывались и складываются не только между возрастными стратами, но и внутри возрастных когорт. Здесь принципиальным является вопрос, при каких условиях возраст становится решающим фактором нормотворчества.

Лекция 8 (2 часа). Антропология в изучении возрастных аспектов брачно-семейных отношений. На ранних стадиях социогенеза брак жестко увязывался с изменением индивидом его социально-возрастного статуса. Этот статус решающим образом определял его положение в обществе. В дальнейшем вступление в брак начинает регулироваться родом, и появляется возможность задерживать социальный рост молодежи, лишив ее права своевременно вступить в брак.

Анализируется проблема различного брачного возраста мужчин и женщин. Довольно существенный разрыв между полами зафиксирован в большинстве этнокультур. Приводятся различные гипотетические мнения на эту проблему.

На взаимоотношения в полигамной семье оказывает влияние возраст жен и сиблингов. Старшие жены имеют преимущества.

Лекция 9 (2 часа). Возраст и отношения родства. На ранних этапах социогенеза понятие родства носило прежде всего социальный характер. Термины родства были не индивидуально-кровными, а социально-групповыми. Их использование в подобном значении фиксируется даже на материалах русской деревни нового времени. В то же время биологический возраст оказывал влияние на взаимоотношения людей, принадлежавших к одному поколению и обозначавшихся одним родственным термином. Эти факты рассматриваются на русских этнографических материалах 30–40-х годов XX в.

В условиях полигинной семьи наблюдается взаимодействие между различными принципами, определяющими представления о родстве, с одной стороны, как о коллективно-социальном феномене, с другой – как об индивидуально-социальном. Здесь возраст определяется принадлежностью индивида к генеалогическому поколению, в то время как за пределами родственного коллектива – преимущественно биологическими факторами. Поэтому нередко складывается ситуация, когда индивид, входя по своему по своему реальному возрасту в группу детей (на уровне деревни-поселения), в то же время принадлежит к поколению отцов (по отношению к своим генеалогическим родственникам). Этот конфликт и способы его разрешения иллюстрируются на этнографических материалах.

Противоречия между хронологическим возрастом и принадлежностью к определенному (генеалогическому) поколению прослеживаются и в современных индустриальных обществах. К примеру, при втором или третьем браках рождение детей может происходить много лет спустя после рождения детей от первого брака. В результате племянники

может быть старше своего дяди. Однако сейчас положение в системе родственных отношений не предполагает жесткого выполнения социальных ролей, поэтому не возникает проблем в сфере социальных или персональных отношений, хотя они могут возникать в сфере наследования.

Анализируется также соотношение возрастного и поколенного принципов в определении социальной позиции индивида внутри кровнородственного коллектива (семьи) и в государственной структуре, в рамках которой этот коллектив существует. Если в семье социальное положение индивида определяется прежде всего его принадлежностью к генеалогическому поколению, то для государственных структур принципиален в первую очередь хронологический возраст. Это может дестабилизировать отношения в семье, когда сиблинг, ссылаясь на хронологический возраст, претендует на расширение своих прав в рамках родственного коллектива.

Проблемой для антропологии является также взаимообусловленность функционирования в обществе социальных институтов, в основе которых лежит возрастной принцип, и институтов, базирующихся на принципе кровного родства. По С. Айзенштадту, например, появление в обществе одновозрастных групп или объединений напрямую обусловлено ролью, которую играет в обществе семья.

Лекция 10 (2 часа). Власть и возраст. В ранних антропологических работах распространена точка зрения, согласно которой социальное доминирование в традиционных обществах было жестко увязано с возрастом. Однако современные исследования показали, что возраст был лишь необходимой предпосылкой для обретения высокого социального статуса. Данный статус также зависел от личных качеств, уровня благосостояния, числа жен и т.д.

Здесь же рассматривается взаимосвязь харизматической власти и молодежи. Харизматическая власть всегда опирается на молодежь, используя психобиологический конфликт, заложенный в отношениях между взрослыми и юношеством, причем тандем харизматическая власть – молодежь обнаруживает себя на любой стадии политогенеза.

Лекция 11 (2 часа). Возраст и конфликт. Эта лекция посвящена психобиологическим причинам возрастного конфликта. Структура традиционных обществ разрешала данный конфликт социальными средствами, благодаря чему он трансформировался в социально-возрастной (но включавший в себя психобиологическую компоненту). Анализируются способы нейтрализации социально-возрастного конфликта в традиционных обществах. На примере Китая, России и политических культур африканских государств доказывается, что революционные события в этих регионах во многом зиждятся на социально-возрастном конфликте.

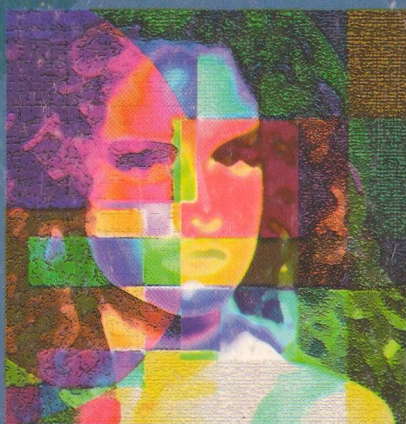
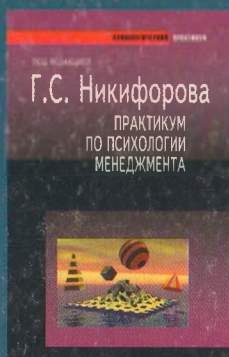
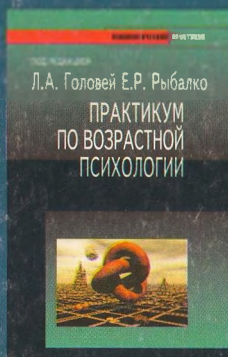
Лекция 12 (2 часа). Возраст и возрастная стратификация в традиционной русской культуре. По этнографическим материалам прошлого века рассматриваются возрастные слои, возрастной символизм и ритуалы, характерные для русской культуры.

Лекция 13 (2 часа). Возраст и возрастная стратификация в современной культуре японцев. Лекция посвящена анализу возрастной стратификации, возрастных циклов, структуре жизненного пути и возрастному символизму, характерным для традиционной японской культуры. Особое внимание обращено на уникальность этой культуры, которая сохранила свою значимую определенность в современном японском обществе.

Лекция 14–15 (4 часа). Возраст и возрастная стратификация в некоторых современных субкультурах. При рассмотрении современных субкультур подчеркивается, что они во многом воспроизводят архаические элементы возрастной стратификации, а также способы символизации возраста и его идеологическое оформление. В сравнительном плане рассматриваются молодежная культура (хиппи), советско-российская армейская субкультура («дедовщина»), английские публичные школы и израильские кибутцы.

Издательство «Речь» представляет:

(812) 323-90-63

ISBN 5-288-02492-8

9 785288 024924